

АЛЕКСАНДР НЕМИРОВСКИЙ

БЕЛАЯ
ЛАНЬ

АЛЕКСАНДР
НЕМИРОВСКИЙ

БЕЛАЯ
ЛАНЬ

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Воронеж — 1964

Исторические рассказы, собранные в этой книге, необычны. Их герои и сюжеты воссозданы из рассыпанных в исторических памятниках намеков и отдельных фактов. Автор относится к истории с той настоящей взволнованностью, которая делает незаметным огромное расстояние, отделяющее нас от времени действия рассказов. Греция и Рим встают перед читателем во всем жизненном правдоподобии, в привлекательных образах простых людей, в их борьбе с силами зла и несправедливостью. Эта книга — попытка взглянуть на прошлое с высоты нашей эпохи, чтобы найти в нем непреходящие ценности: человечность, душевное благородство, искренность, верность долгу, любовь к родине — все, что мы и теперь ценим в наших современниках.

Автор рассказов — ученый и писатель. Известен юным читателям своими повестями «Тибериус Гракх», «За столбами Мелькарта» и историческим романом «Слоны Ганнибала».

ХУДОЖНИК

Фокион увидел его сразу, как только вступил в портик¹, где много лет обучал афинских мальчиков. Человек лежал на полу, у самой кафедры, лицом вверх. Это был дряхлый старик с изможденным лицом. Редкие седые волосы слиплись от пота. Хитон, покрывавший тощее тело, весь в дырах. Приглядевшись, Фокион различил рубцы от бичей и ожоги на руках и ногах незнакомца. Конечно, это раб, бежавший от жестокого господина. Наверно, он надеялся найти защиту в храме Тесея², но силы изменили ему, и он заполз в портик. Хорошо, что еще ранний час и нет учеников. Надо будет дать этому несчастному воды и указать дорогу к храму.

Фокион наклонился к рабу, чтобы помочь ему подняться.

— Чей ты? — спросил он.

— Паррасий, — прохрипел старик, — художник Паррасий. Вот, вот, — он показывал на следы от ожогов и рубцы.

«Так вон оно что, — подумал Фокион. — Значит, это Паррасий пытал старика. Но зачем?»

Фокион усадил раба спиною к кафедре и взял с полу амфору. Вода — в бассейне, против портика. И Фокион сделал знак, что скоро придет.

Когда он вернулся, раб лежал на спине с запрокинутой головой. Фокион приложил ладонь к его груди. Сердце не билось.

«Отмучился», — подумал учитель и тотчас же отправился за людьми. Труп надо вынести из портика, скоро придут ученики.

Весь этот день учитель был рассеян, не замечал проделок своих питомцев. А они, как всегда, были изобретательны на шалости. Недаром в Афинах говорят: легче выдрессировать дикого зверя, чем обучить мальчишку. В портике двадцать сорванцов. И каждый норовит придумать такое, чтобы казаться героем. Но сегодня учитель забыл о своей трости, обычно гулявшей по пальцам непослушных. Утреннее происшествие не давало Фокиону покоя.

Фокион знал Паррасия, сына Эвнора. Художник часто прогуливался под платанами агоры³ и, случалось, заходил в портик, чтобы послушать, чему учат маленьких афинян. На нем был всегда щегольский, расшитый золотом гиматий, который он высоко подпоясывал по ионийской моде. Волосы тщательно завиты. В дни праздников их покрывал знаменитый золотой венки.

Кто в Афинах не знал его истории! Однажды прославленный художник Зевксис принес в портик свою новую картину, изображавшую голубей на черепичной кровле. Голуби казались живыми. Вот-вот они взмахнут крыльями и поднимутся в воздух. Среди восхищенных зрителей был и Паррасий, тогда еще молодой, никому не известный живописец. Зевксису показалось, что в помещении недостаточно светло, и он подошел к колонне, у которой стоял Паррасий, чтобы отдернуть занавес. И тут только Зевксис заметил, что занавес нарисован, нарисован так искусно, что его на первый взгляд не отличишь от настоящего. Это была картина Паррасия. При всех Зевксис обнял молодого художника и подарил ему золотой венки, свою награду за «Голубей». Так к Паррасию, сыну Эвнора, пришла слава, а по пятам за ней пошло богатство. Его картина «Дионис» была признана

лучшей художниками Коринфа. Родосцы заказали Паррасию написать Геракла и поместили картину в храме. Трижды в нее попадала молния, но картина осталась нетронутой, что было сочтено чудом.

«Неужели этот любимец богов оказался негодяем — замучил несчастного старика? — размышлял учитель. — Закон разрешает пытаться рабов, чтобы добыть у них показания для судей, если господина подозревают в каком-либо преступлении. Ведь свидетельство тела, раздираемого бичами или растягиваемого колесом, считается более веским, чем добровольное признание. Но Паррасий не был под следствием. Зачем же ему понадобилось превращать свой дом в камеру пыток? — думал Фокион. — Конечно, кто не наказывает своих рабов! Но убивать их запрещено законами божескими и человеческими».

Шло время. Фокион начал уже забывать о взволновавшем его происшествии. Да и самого Паррасия он долго не встречал. Одни говорили, что художник захворал, другие — что он дни и ночи работает над какой-то картиной, которой хочет потрясти Афины. Вскоре слухи стали более определенными: Паррасий заканчивает картину «Прикованный Прометей» и вскоре покажет ее народу. Проступок Паррасия теперь казался Фокиону не таким уж страшным. Наверное, Паррасий засек своего раба в пылу гнева. Или, может быть, раб совершил какое-нибудь преступление, за что и был наказан по заслугам. Человек, решивший воплотить в красках и воске образ Прометей, не может быть подлецом!

Прометей был любимым героем Фокиона. Когда старый учитель рассказывал о нем своим ученикам, он весь преображался: глаза его загорались, в голосе появлялись незнакомые нотки.

— Прометей — величайший из благодетелей человечества, — говорил он притихшим ученикам. — Правда, он не задушил Немейского льва и не победил Лернейскую гидру¹. Но он сделал большее. Он пожертвовал собою для блага людей.

В то утро, когда новая картина Паррасия должна была быть выставлена на публичное обозрение, Фокион отменил занятия.

Радость мальчишек была неопишуемой. В одно мгновение они оказались на агоре, где их ожидали педагоги⁵. С помощью педагогов Фокион построил учеников по парам и повел к Пестрому портику⁶, где была выставлена картина Паррасия.

Пестрый портик был полон людей. Прикрепленная к колоннам картина еще закрыта полотном. Все ждали художника. Свое новое творение покажет народу сам прославленный Паррасий. А вот и он, как всегда роскошно одетый, в щегольских сандалиях с серебряными пряжками, с золотым венком на голове. У художника красивое, выхоленное лицо, самоуверенный взгляд. Да, этот человек сроднился со славой. Недаром его называют «победителем Зевксиса».

Медленно и торжественно приподнял Паррасий полотно. Показались обнаженные ноги, мощное туловище Прометея и изможденное лицо, лицо страдальца. Высокий лоб испещрен морщинами, губы сжаты.

Фокион вздрогнул. На него смотрел тот самый раб, который умер у его кафедры. В глазах у Прометея был ужас, боль и еще что-то, чему Фокион не мог сразу дать название.

Теперь учитель понял, почему художник пытал своего раба. Паррасий стремился передать страдания Прометея. Варвар был его натурщиком.

Видимо, в толпе не было тех, которые считают себя ценителями искусства и, чтобы показать свою причастность к музам, выражают восхищение вслух. Все молчали. И тогда в тишине прозвучали слова Фокиона:

— Идемте, дети! Эта картина не может ничему вас научить. Она написана кровью и окроплена слезами неповинного человека. Художник Паррасий пытал его, чтобы правдивее передать муки. Но разве таким живет в нашей памяти Прометей? В этом образе нет ни любви к людям, ни возвышенного страдания. Видите, в зрачках застыли ужас и недоумение. Да, недоумение! Человек, который здесь изображен,

умер в нашем портике, так и не поняв, почему его мучили!

Паррасий, ожидавший услышать похвалы и одобрения, оторопело смотрел на Фокиона. Какой-то учитель осмеливается порочить его творение из-за ничтожного раба, купленного за пять драхм. Большого он не стоил. Кому нужны старые невольники?

— Не обращайтесь внимания на этого глупца! -- восклик-

нул Паррасий, обернувшись к толпе, обступившей его картину. — Это был раб и варвар. Вы слышите, граждане, раб и варвар!

— Всю жизнь я учу детей на агоре, — продолжал так же спокойно Фокион. — Пусть это не принесло мне золотого венка. Но я знаю, что люди верят мне, старому учителю, и никто из вас не называл меня лжецом. Скажите вы, мои ученики, разве Прометей дал божественный огонь одним грекам? Разве он не облагодетельствовал варваров и все человечество?

— Он выжил из ума! — закричал исступленно Паррасий. — Жалкий школьный учитель берется судить о служителях муз! Какое ему дело до того, как создавалась моя картина и кто был натурщиком? Взгляните на лицо моего Прометея! Чем он напоминает вам раба? Искусство преобразило его черты и увековечило его муки.

Люди молчали. Но в этом молчании было что-то враждебное Паррасию. И он чувствовал это.

— Идемте, дети! — сказал Фокион. — Пусть я жалкий учитель, но этот человек не художник. Художник и в жизни должен быть Прометеем. Его сердце должно истекать кровью при виде зла и несправедливости. Он не опустит головы перед Властью и Насилием⁷. Не тщеславие и жажда почестей должны двигать им, а любовь к человеку.

Учитель повернулся. Толпа почтительно расступилась, чтобы пропустить его и детей. А когда он был уже у выхода, все последовали за ним. Это были старые ученики Фокиона и те, кто видели его впервые. Это были люди, читавшие Эсхила, и те, которые, может быть, и не слышали о нем, — воины и ремесленники, разносчики воды и матросы. Это были граждане Афин, знавшие, что не только в великих сказаниях старины надо черпать примеры благородства и мужества.

Люди выходили наружу, где шумела агора, где сиял лучезарный Гелиос⁸, освещая камни древнего акрополя и поднятое к небу острие копья Афины Паллады.

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

А. С. Пушкин.

ул борей¹. Над дорогою в лужах, над блестящими от влаги скалами Геликона роем кружились мокрые желтые листья. Ночью Зевс Тучегонитель пролился дождем, и у ослабевшего солнца не достало сил, чтобы высушить землю и скалы. Скоро пронзительный журавлиный клич позовет пахарей на поля, и в свежие борозды посыплются тяжелые зерна Деметры².

В эти осенние дни оживлялась безрадостная Аскра³. Надежда, казалось, навсегда ушедшая от земледельцев, снова возвращалась в их убогие, черные от копоти хижины. Каждый верил, что боги воздадут сторицей за труд и мать-земля принесет обильные плоды.

Гесиоду осень была дорога вдвойне. Днем он взрыхлял плугом каменистую землю, разбивал мотыгой комки, а по ночам к нему являлись легкокрылые музы. Музы, как и люди, избегают иссушающего летнего зноя. Они прилетают вместе с дождями. Их белые одежды раздувает борей. Золотые их ожерелья и кольца звенят, как струны кифары⁴. Но музы страшатся забот, а заботы в этот год одолели Гесиода, как назойливые осенние мухи.

«Продам быков, — думал Гесиод, шагая к показавшимся за поворотом дороги стенам и башням Феспий⁵. — Куплю новых, девятилетних, чтобы не дрались в ярме.

И еще снаряжу составной плуг. Пусть будет под рукой».

И вдруг его мысль перепрыгнула, как скаковая лошадь через ров.

«Брат Перс! Не пошла тебе впрок тяжба. Не пошла! Говорил я тебе — доведут судьбы до сумы. Так и вышло. Отсудил ты у меня отцовское серебро. А где оно? Остался без серебра и волов!»

Гесиод наклонился и поправил завязки самодельных сандалий.

«Надо бы сделать дышло из вяза, — подумал он, выпрямляясь. — Черви не точат вяз, да и покрепче он ели». Но мысли снова повернули на старое: «Недаром встал Эвдоклид на твою сторону, Перс. Он любит мзду. А когда ты остался без волов, он тебя и в дом не пускает. Помог бы я тебе, забыл бы обиду. Но, сам знаешь, у меня лишь пара волов. Нет, лучше пойду я к Эвдоклиду и скажу ему всю правду».

В размышлениях быстро проходит время. Не заметил Гесиод, как оказался на площади перед просторным каменным домом базилея⁶. И сразу же понял, что ему ничего не добиться: из открытых дверей доносились пьяный гомон и звон кубков.

«Базилей пирует, — подумал Гесиод. — И плуг и волы — все у него наготове. И есть кому землю вспахать. Нет у базилея забот. Надо возвращаться. Сегодня Эвдоклид не захочет со мной говорить. У него гости. А завтра — завтра могут прилететь журавли».

И вдруг Гесиод услышал песню. Пели в доме базилея. Божественная гомеровская речь. Мерный торжественный напев. Тонкие звуки кифары вплетаются в него, как в ткань золотые нити. Гесиод поднялся по ступеням к входу. Помнил ли он, что его сюда привело? Сейчас он шел на зов песни.

Никто не остановил Гесиода, и он вступил в пиршественный зал. Длинные низкие столы, сплошь уставленные дымящимися мисками, кратерами с вином, амфорами, фиалами, подносами с лепешками и мясом. На деревянных скамьях вдоль столов — гости. На каменном сиденье с высокой спинкой — хозяин дома Эвдоклид. Острый с горбинкою нос, близко поставленные глаза делали его похожим на хищную птицу.

У очага, прислонившись к колонне, сидел певец. Белоснежная борода ниспадала ему на грудь. Лоб и щеки изборождены морщинами. Неподвижные глаза устремлены куда-

то вдаль. Певец не мог видеть ни разгоряченных от вина лиц, ни сальных от бараньего жира рук, ни лоснящихся на животе хитонов со следами пальцев. Он ушел в далекий мир, мир бессмертных героев и богов, сходящих с Олимпа. Перед его внутренним взором — сшибающиеся боевые колесницы, поверженные медью тела мужей, светлокудые жены, припавшие к ногам победителей, дымящиеся развалины городов.

В последний раз коснулся певец струн, и звуки кифары потонули в шуме одобрения.

— Эй, слуги! — прозвучал отрывисто и властно голос базилея. — Возьмите этот кубок, наполните его ароматным вином и поднесите певцу. Да будет ведомо, что базилеи и теперь щедры, как во времена Агамемнона и Одиссея.

Раб бережно поставил перед слепцом круглодонный кубок. Слепец отложил кифару и поднял кубок над головой, чтобы его увидели гости. Черное вино полилось через край на жилистую руку старца.

Гесиод вздрогнул. Усилием воли он сдержался, чтобы не броситься к кубку. Гесиод узнал бы его из тысячи. Он покрыт фигурками крылатых львов, сирен, коней. Этот кубок отец привез со своей родины — эолийских Ким. Мальчиком Гесиод любил рассматривать на нем диковинных животных, изображенных с большим искусством. Может быть, из этого кубка пил сам Гомер. Ведь говорят, что он родился в Кимах. И когда музы впервые посетили Гесиода, он наивно верил: они пришли потому, что в доме есть кубок, из которого пил Гомер. Перс отсудил этот кубок вместе с другим серебром, и Гесиод не знал, что с кубком. Теперь же горечь и обида заполонили его душу. «Базилей потому и решил спор в пользу Перса, что тот подарил ему этот кубок и другие вещи из отцовского наследства, — думал Гесиод. — Проклятый мздоимец!»

Гесиод повернулся к базилею, и тот поймал его взгляд, полный ненависти и презрения.

— Ты пришел ко мне не вовремя,— сказал он, не предложив Гесиоду сесть за стол.— Сегодня я пирую. Приходи завтра, и я решу твое дело по справедливости.

— Я уже узнал цену твоей справедливости,— сказал Гесиод, показывая на кубок.

Не желая посвящать гостей в свои темные дела, базилей сделал вид, будто не понял намека Гесиода.

— Ты считаешь, что старец не заслуживает такой высокой награды? Но ведь он поет о подвигах героев. Герои уходят в царство теней. Песни звучат на пирах и пробуждают в потомках жажду славы. Поэтому мы по-царски награждаем певцов и воздаем им почет. Песня кормит их, как нас, базилеев, кормит меч.

Гул одобрения прокатился по залу.

— Твои предки, Эвдоклид,— сказал один из прихлебателей базилея,— были великими воителями, но ты превзошел их. Ты владеешь и мечом и словом.

— Богоравный Эвдоклид, — молвил Гесиод, — ты говоришь, что тебя кормит меч. Но на этих столах я вижу хлеб, оливки, вино, рыбу. Земледелец разбивает мотыгой комки земли. Виноградарь обрезает ножом засохшие лозы. Рыбак ловит сетями рыбу. Все, что у тебя на столе, добыто их трудом. И этот кубок выкован не мечом, а молотом. И сам меч, прежде чем попасть в твои руки, был глыбой руды, отбитой киркой. Прекрасны гекзаметры Гомера. Но ошибаются даже боги. Гомер был бы еще более велик, если бы он воспел не меч, а мотыгу земледельца, сети рыбака, нож виноградаря, молот ремесленника.

— Ты дерзок, Гесиод,— сказал базилей раздраженно, — ты хочешь вступить в поединок с самим Гомером.

— Поединки несут смерть и горе,— ответил Гесиод. — Гомер был певцом, а не воином. С Гомером нельзя сражаться. С ним можно состязаться, как состязались древние герои в пахоте и косьбе, как соревнуются плотники и кузнецы в своем мастерстве. Если ты мне разрешишь, я спою песню, которую сложил сам.

— Пусть споет! Дайте ему кифару! — послышались крики гостей.

— Ну что ж, спой свою песню, — сказал сквозь зубы базилей. — И если она нам понравится, ты тоже получишь награду.

— Лучшей наградой будет, если ты меня выслушаешь до конца, богоравный Эвдоклид, — сказал Гесиод.

Гесиоду подали кифару, одну за другой он испробовал струны и запел под их звонкие звуки:

Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно
Жизнь проживет, подобно безжалюному трутню, который,
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых...
Нет никакого позора в работе. Позорно безделье.
Лучше добром богоданным владеть, чем захваченным силой.

Гости замерли и в страхе уставились на Эвдоклида. Его лицо побагровело. Руки стиснули край стола. Глаза еще более округлились. Такой дерзости базилей не ожидал.

А Гесиод продолжал:

Басню теперь я царям расскажу, хотя они это хорошо понимают и сами.

Вот что однажды сказал соловью пестрошейный ястреб,

По облакам высоко неся его, охвативши когтями,

Он же, кривыми пронзенный когтями, о жалости плакал.

Тот ему молвил надменно в ответ тогда слово такое:

«Что ты, чужак, там вещаешь? Ведь держит тебя много лучший.

Там тебе быть, куда я поведу, хоть певец ты отличный,

Съем я тебя, коль того пожелаю...»⁷

Гесиод не допел своей песни. Базилей, узнавший себя в ястребе, не пожелал выслушать песню до конца. Он приказал рабам выкинуть Гесиода за ворота, и рабы выполнили это приказание.

* * *

Прошли столетия. Стерлась память о многом из того, что мы вам поведали. Никто не запомнил даже имени «богоравного» Эвдоклида, базилея из Феспий. Люди забыли о том,

что по его приказу рабы выкинули Гесиода из дома. В древних рукописях сохранилось другое удивительное предание.

В славном городе Халкиде, что на острове Эвбее, собрались мудрецы, чтобы решить, кому быть царем поэтов. Во дворец басилея Халкиды были приглашены избранники муз, певцы из всех городов Эллады. Среди них был старый слепой певец Гомер. Слава о Гомере обошла всю землю, и семь городов оспаривали честь называться его родиной. Никто не знал, сколько Гомеру лет, и никому до этого не было дела. Мудрецам известно, что у поэзии есть родина, но нет возраста.

Гомер взял кифару. О, это не струны рокотали под старческой рукой. Сталкивались мечи. Стрелы ударялись о медные доспехи. Дрожали натянутые паруса боевых кораблей. И разве это голос старого певца? Это голоса богов, спускающихся с Олимпа, чтобы взглянуть на схватку героев.

Судьи готовы были уже отдать золотой треножник Гомеру, как вдруг в зал вошел человек в грубом хитоне. У него сильные руки пахаря и зоркие глаза пастуха. Лицо его обожжено солнцем. Загорелый лоб стянут черной шерстяной повязкой.

— Дайте мне кифару, — сказал незнакомец. — Я хочу спеть песню, ибо от песни бежит зло.

Переглянулись мудрецы и дали кифару незнакомцу.

Нет, это не струны звенели под пальцами. Плуг весело вгрызался в каменистую землю, шумели колосья от ветра, журчали ручьи, утоляя жажду смоковниц и яблонь. Жужжали пчелы, неся в хоботках янтарные капли меда. Это была песня пашни и луга, сада и леса. Это была песня о жизни и труде. От нее бежали зло и невзгоды. И даже зависть покидала души смертных.

Мудрецы присудили золотой треножник Гесиоду, ибо этого человека звали Гесиодом. Они сказали: «Победа по праву принадлежит тому, кто призывает к земледелию и миру, а не тем, кто воспевает побоища и войны».

И вернулся Гесиод в свою Аскру, к своим быкам, к своим овцам. И вместе с Гесиодом на гору Геликон пришли музы. Геликон стал обиталищем муз, долина, где родился поэт, стала называться Долиною муз. Со всех городов и селений Элады приходили сюда певцы, чтобы испить воды, которую пил Гесиод. Ибо люди верили, что эта вода вдохновляет.

И даже теперь, через много сотен лет, когда никто не верит в древних богов, люди вспоминают о Геликоне; о музах и об источнике вдохновения.

РЫБАК И ЦЕЗАРЬ

Капри, или, как говорили в древности, Капреи, — очаровательнейший уголок земли. Так считают все, кто побывал на этом острове. Что касается меня, то я не был на Капри. Я знаю его лишь по книгам и фотографиям. В моей небольшой коллекции имеется открытка цвета разведенной синьки. Большую ее часть занимает гора с кучей каких-то огромных отесанных камней. Камни нависают над обрывом, и может показаться, что это остатки моста, взорванного или просто обрушившегося под тяжестью времени.

Я часто смотрю на открытку и мысленно переносюсь в то время, когда на острове жил император Тиберий. Я вспоминаю все, что я когда-то о нем читал. Передо мною проходят люди в одеждах, которые теперь можно увидеть разве лишь на актерах. Я слышу речь, ставшую давно уже мертвой. На меня смотрят сотни глаз — одни с надеждой и укором, другие с деланным равнодушием и неприкрытой ненавистью.

Не удивляйтесь! Я историк. А историк должен быть и судьей. Только он судит тех, кого уже нет в живых. Подобно царю Миносу греческих легенд, он окружен тенями, тенями прошлого.

«Вот гробокопатель! — воскликнете вы. — Нашел себе занятие — судить мертвых! И что им от твоего суда!»

Выслушайте меня до конца. Да, я сужу мертвых, но суд этот нужен живым.

Итак, остров Капреи — очаровательнейших уголок земли. Нигде нет такого моря, соперничающего своею синевою с небом. Нигде нет таких сказочно красивых гротов! В них можно попасть на лодке, освещая себе дорогу факелом. Со скал Капреи открывается вид на берег, выгнувшийся подковой. Это Счастливая Кампания. Люди называли ее счастливой за обилие плодов ее земли. Говорили, что сами боги сражались за обладание Кампанией. Показывали даже место, где произошла битва богов. Сколько романтических легенд было связано с горами Кампании, с ее голубыми озерами, с глубокими и мрачными пещерами! Наверное, император, покинувший Рим и поселившийся на Капреи, очень любил природу? Или, может быть, ему хотелось пожить в тех местах, которые описали два великих поэта — Гомер и Вергилий? Может быть, он желал быть ближе к той долине, где герои сходят в царство безмолвных теней?

Нет, не красота природы, не соперничающая с нею сила человеческого воображения заставили Тиберия поселиться на Капреи. Его погнал сюда страх перед людьми.

Еще в те годы, когда Тиберий не был императором и жил на Эсквилине в садах Мецената¹, к нему в постель заползла змея. Тиберию не надо было обращаться к жрецу, чтобы объяснить это посланное свыше знамение. Подобно многим, он верил, что образ змеи принимает божественный покровитель — Гений, который есть у каждого человека. Появление обычно незримого Гения предвещает какие-то неожиданные перемены. Тиберий приказал рабам не убивать змею и не выпускать ее, а осторожно перенести в просторную металлическую клетку. Тиберий был честолюбив, хотя тщательно это скрывал.

Тиберий был пасынком императора Августа. Но никому не могло прийти в голову, что он когда-нибудь станет его

преемником. Август имел двух внуков, Гая и Луция, которые должны были унаследовать его власть. Был у него и другой пасынок, брат Тиберия, Друз. И еще один внук, Марк Агриппа. Август любил Гая, Луция и Друза, равнодушно относился к Марку Агриппе, а Тиберия он не терпел. Все вызывало в нем отвращение: прыщеватое лицо, заросший волосами затылок, привычка кривить голову, в особенности же манера разговаривать. Тиберий был от рождения шепеляв, и, чтобы отчетливее произносить слова, он, разговаривая, очень энергично двигал челюстями, словно пережевывал жесткий кусок мяса.

Раньше всех умер Друз, брат Тиберия. Август сильно горевал. Но его утешало, что у него осталось три внука. Вскоре после того, как в постель к Тиберию заползла змея, в один год умерли Гай и Луций. Трудно передать горе Августа. Гай и Луций были молодыми и очень способными людьми. Вот тогда Август усыновил престарелого Тиберия вместе с последним оставшимся в живых внуком Марком Агриппой. В Риме считали, что, усыновляя Тиберия, Август просто хотел оказать ему почет, как старейшему члену императорской фамилии. Но все ошиблись. Незадолго до смерти Август выслал из Рима Марка Агриппу. У императорского трона остался один Тиберий.

Много лет спустя в Риме поняли, почему перед смертью Август возвысил нелюбимого Тиберия. Август заботился о своей посмертной славе. А что может более служить ей, чем ненавистный народу преемник? Август отдал Рим «медленно жующим челюстям» (так он сам называл Тиберия), чтобы даже те, кто не мог забыть о его кровавом пути к власти, вспоминали о нем с благодарностью.

Сорок четыре года правил Август Римом. Он оставил своему преемнику огромную империю, простиравшуюся от бурного атлантического побережья Испании до ленивого Евфрата, от студеных волн Рейна до песков знойной Африки. На границах империи стояли легионы, охраняя ее от варваров. В самом Риме императорский дворец сторожили когорты

преторианцев. Никто серьезно не помышлял о восстановлении республиканских порядков, уничтоженных Августом. Даже надменным сенаторам, представителям древних родов, стало казаться, что таким огромным государством, как Рим, может управлять лишь один человек, наделенный неограниченной властью.

Говорят, что египетские пирамиды составлены из огромных камней, которые ничем не скреплены. Нет, они скреплены страхом. Страхом перед огромной властью земных царей и ужасом перед тем, что ожидает людей в загробном царстве, там, где земные цари становятся богами и судьями. Страх перед тюрьмами и пытками, страх за своих близких, страх перед будущим, может быть, еще более худшим, чем настоящее, страх перед богами — вот опоры, на которых держались империи и царства. Но страх владел не только маленькими людьми. Ужас овладевал и теми, перед которыми трепетали народы. Страх за пролитую кровь, за загубленные жизни, страх за свою жизнь и за свою власть, страх перед близкими, которые только ждут твоей смерти.

После того, как Тиберий стал императором, змею, возвестившую его будущую славу, переселили из клетки в специальную комнату. Тиберий хранил ключ от комнаты при себе, не доверяя никому своего Гения. Он сам приносил ему пищу и сам убирал комнату. Придворные боялись даже близко подходить к двери, за которой жил императорский Гений.

В то утро ничто не предвещало беды. Как обычно, Тиберий открыл дверь и вошел в полутемную, пахнущую сыростью комнату. Многих удивляло и даже пугало, что император видит в темноте, как кошка. Но в этом не было чуда. Глаза Тиберия просто привыкли к мраку, в котором жил Гений. «Где же он? Почему он не ползет навстречу?»

Император уронил ящик с кормом. Змея лежала в нескольких шагах неподвижная, бездыханная. Ее голову покрывала копошащаяся куча муравьев. Муравьи проникли в закрытую комнату. Муравьи убили Гения.

На какое-то мгновение Тиберию предстала другая карти-

на. Форум, заполненный крикливой чернью. С плоской крыши дворца на Палатине людишки кажутся такими же маленькими и юркими, как муравьи. И тут Тиберий — так ему казалось — постиг глубокий смысл знамения. Нет, не от медленного действия яда, подброшенного подкупленным поваром, не от меча преторианца, не от рук коварных придворных найдет он смерть. Ему угрожает чернь, вечно беспокойная и жаждущая перемен толпа! Его приемный отец умел держать плебеев в узде. Бесплатные раздачи хлеба, пышные кровавые зрелища — все это отвлекало толпу от мыслей об утраченном ею своеволии, которое называют свободой. Но даже смиренный конь может понестись и сбросить повозку в пропасть. Даже преданный пес вдруг становится бешеным и, оскалив зубы, с пеной у рта бросается на своего хозяина. А толпа эта — тысячи бешеных псов! Какой-нибудь слух, голод, проигранное сражение, чума — любая случайность ее может взбудоражить. Чернь затопит все площади и улицы, грязным потоком хлынет ко дворцу. Ее не остановят ни обитые медью двери, ни стража, как та дверь не помешала муравьям.

В этот же день император со своей свитой покинул Рим. Его отъезд напоминал бегство. Тиберий не считал нужным даже посетить сенат. Консулов, пришедших к нему по какому-то неотложному делу, он не принял, приказав передать, чтобы его не беспокоили.

Так Тиберий поселился на Капреи. Казалось, этот остров должен его вполне устроить. Три мили, отделявшие Капреи от ближайшей точки кампанского берега, были достаточным расстоянием, чтобы избавиться от бездельников, разъезжающих на лодках по заливу. Да и пристать к острову можно только в одном месте, так как его берега скалисты и обрывисты. Для Тиберия остров имел лишь один недостаток: он был обитаем. На Капреи жило несколько сот рыбаков и виноградарей. Они копошились на берегу, раскладывая сети, ползали по холмам, покрытым виноградниками, и даже подходили к вилле Юпитера, где поселился император. Всюду эти муравьи! Тиберий решил построить такую высокую сте-

ну, чтобы ни один глаз не увидел, что за ней делается, но придворный архитектор отговорил его от этого. Ведь нельзя ничего увидеть, если подойти к самой стене. Но остров холмист — тот, кто захочет увидеть императора, сможет взойти на ближайший холм. Тогда император приказал соорудить дворец на скале, самой высокой на острове. И такой дворец был построен. Откуда к нему ни подойди, ничего не увидишь, кроме стен, ставших как бы продолжением изгибов скалы. В том месте, где был единственный удобный доступ на скалу, император приказал вырыть глубокий ров и перебросить через него висячий мост, поддерживаемый цепями. Этот мост на ночь поднимался. Император мог спать спокойно.

Прошло несколько месяцев. В Риме уже свыклись с тем, что дворец на Палатине пуст и на деле управляет государством начальник дворцовой гвардии. Многие в душе надеялись, что император вскоре умрет. Рим жил слухами о пороках, которым предавался в уединении император. Кто знает, была ли в этих слухах доля истины, или они порождены праздным воображением тех, чей взгляд не мог никогда проникнуть за стены «козлиного логова», так называли в Риме дворец на скале.

И жители Капреи тоже привыкли к тому, что на их острове живет сам император. Привыкли они к выгодам и неудобствам этой чести. Впрочем, если положить выгоды и неудобства на разные чаши весов, перевесила бы чаша с выгодами. Правда, купцы из Кум и Неаполя стали реже посещать остров, зато дворец покупал большую часть улова рыбы и сбора винограда. Дворец платил хорошо. А кроме того, капрейцы были избавлены от поборов мелких чиновников, от которых они страдали раньше. «Наш император», — с гордостью говорили капрейцы о Тиберии. И может быть, они имели на это большее право, чем заносчивые римляне. Ведь император жил на Капреи и ни разу после своего отъезда на остров не был в Риме.

Вероятно, капрейцы и сохранили бы любовь к своему

императору, если бы не один случай. Вот что рассказывает древний историк Светоний: «После приезда его на Капреи неожиданно появился перед ним рыбак в тот момент, когда он был один, и поднес ему большую краснобородку. Тиберий испугался, что рыбак пробрался с противоположной стороны острова, по скалам и непроходимым местам, и приказал его бить рыбой по лицу. Пока несчастного наказывали, рыбак благодарил судьбу, что не принес еще огромного пойманного им омара...»

А теперь послушайте, как это увидел я.

Зеленоватые водоросли на прибрежных черных камнях были как борода владыки морей Посейдона, и волны, подобно Нереидам², играли ею в лунном свете. Авл любил море, тихое и бурное, ночное и утреннее. Море наполняло его душу своим светом и дыханием. Море было для него тем, чем для пахаря пашня: Авл был рыбаком. И отец его тоже был рыбаком. И все его предки были рыбаками. Он родился в хижине, прилепившейся к скале у самого моря. Его дед, слишком старый для того, чтобы рыбачить, и поэтому оставшийся в хижине с внуком, клялся богами, что Авл, едва только родившись, явственно произнес слово «маре»³. Рыбаки Капреи, может быть, сочли бы это чудом, если бы не знали, что дед был большим выдумщиком и любил прихвастнуть.

Как и все дети рыбаков, маленький Авл чуть ли не до двух лет лежал в люльке из старых сетей. Волны баюкали его, и ветер раскачивал колыбель. Авл протягивал ручонки к свету, и его лепет сливался со свистом ветра и шумом волн. А когда боги научили Авла ходить, его первый шаг был к морю. Море не пугало его, как других. Он не закричал, когда его смыла волна. И люди, вытащившие мальчика на камни, уверяли, что Авл упирался, плакал и рвался опять в воду. Море было первым товарищем его детских игр. В дни осенних бурь оно бросало к его ногам то плоскую серебряную рыбку, то мор-

ского конька, то обломок весла. Эти случайные дары давали Авлу больше, чем дают маленьким римлянам глиняные повозочки или матерчатые куклы. Дары моря были не жалким подражанием большому миру, а его частью. Они заставляли задумываться над тайнами природы. Что делается там, в глубинах? Почему приходят бури? Откуда этот обломок весла? От триремы или от либурна? ⁴ Или, может быть, от рыбацкой лодки, разбившейся на утесах?

Вскормленный морем, вдали от лжи и алчности, зависти и коварства, богатства и роскоши, Авл и в двадцать лет был простодушен и чист как ребенок. Пока был жив отец, Авла не посылали продавать рыбу. Бесчестные торговцы всегда обманывали его. Он уходил в гавань с корзиной, полной до краев, а возвращался с жалкой горсточкой монет. Авл не мог никак понять людей, скупавших рыбу, но никогда не бросавших в море сети. Почему бы им самим не взять лодку и не отправиться на ловлю? Вместо этого они целыми часами сидят на жаре и ждут рыбаков! Он не верил, когда ему рассказывали, что, скупая улов за бесценнок, эти люди наживают состояние и строят себе виллы, которые подобно драгоценным белым раковинам украшают берег Кампании. Разве можно поверить, что на Рыбном рынке в Риме за шестифунтовую барвену ⁵ дают пять тысяч сестерций? Таких денег, пожалуй, не найдешь у всех рыбаков Капреи. За них можно купить и новую лодку и добрую сеть! Правда, Авлу ни разу не попадалась такая большая барвена. Обычно он вытаскивал фунта на два. Торговцы вынимали ее из корзины, тут же, скривив губы, бросали ее назад. «Мелочь!» — говорили они. И платили за всю корзину сразу, хотя другим рыбакам за барвену давали особую цену.

Было утро весеннего дня. Море только проснулось. Оно раскинулось во всю свою ширь и ласково шурилось, встречая солнце. Как плавники какой-то сонной рыбы, тихо поднимались и опускались весла. Капли жемчужной влаги стекали с их краев. В лад веслам звучала песня Авла, ясная, как это утро.

Авл опустил руку в море. Упругая волна плеснула в его ладонь так, что он ощутил соленые брызги на губах. Авл улыбнулся от счастья: море узнало его и ответило ему рукопожатием. Схватив веревку у поплавка, он начал вытаскивать сеть. Сеть была тяжелой. Напряглись мускулы на его руках, задвигались желваки на загорелых скулах, втянулся живот, выпятилась грудь. Он был прекрасен в эти мгновения труда и единоборства с природой.

Авл подтянул сеть. Над нею что-то хлестнуло, подняв столб брызг. По силе удара Авл понял, что в сеть попала большая рыба. Но какая? Может быть, морской черт, ненавистный рыбакам? Или похожая на змею мурена? Авл еще раз дернул сеть, и рыба на мгновение выскочила из воды.

Авл ахнул от изумления. Барвена! Да еще какая! Фунтов на семь или восемь!

Слух о том, что поймана огромная барвена, быстро распространился по острову. Со всех сторон к хижине Авла шли рыбаки, чтобы своими глазами посмотреть на рыбу и на счастливца, которому она досталась. Интересно, сколько за нее дадут торговцы?

Толпа окружила Авла с его добычей. Авл сидел, положив тяжелые кулаки на колени. Рыба в обрывке старой сети билась у его ног. Никому не приходилось видеть такой большой барвены.

— Это рыбий цезарь! — воскликнул кто-то.

Авл вскочил. «Как же я не догадался сам! — подумал он. — Такой рыбы не ловил еще никто на острове, потому что на острове никогда не жил цезарь. Эта рыба принадлежит ему».

— Я отнесу ее императору, — сказал Авл.

— Подумай, Авл, — сказала ему мать. — Твоя лодка скоро развалится. Сеть порвалась об острые камни. У нас в доме ни масла, ни соли!

— Это его рыба! — сказал Авл.

— Тебя не пустят во дворец, — сказал старый рыбак. —

Рыбу заберут воины, и ты за нее ничего не получишь. Отвези ее лучше в Рим.

— Зачем мне везти ее в Рим, когда цезарь здесь? — сказал Авл. — Я ее отдам цезарю. Это его рыба.

Больше с ним никто не спорил. Все знали, как он упрям. К тому же это его рыба. Он ее поймал и может делать с нею, что хочет.

Авл не был настолько наивен и простодушен, чтобы идти туда, где находится мост, охраняемый воинами. Он уже успел присмотреться к этим наглым и бессовестным людям, от которых немало натерпелись рыбаки, а больше всего их дочери. «Прав старик, — думал Авл. — Воины отберут рыбу! Император о ней даже не узнает!»

Авл вспомнил, как дед показывал ему другую дорогу на ту крутую скалу, где теперь дворец цезаря. Собственно, это была не дорога, и даже не тропа, а просто обрыв с уступами, по которым можно взобраться. И он в детстве как-то взбирался на скалу этим путем и чуть не сорвался в море. Теперь у Авла сильнее руки и зорче глаз. Но ему мешает рыба!

Авл улыбнулся. Он всегда улыбался, когда ему удавалось найти удачное решение. «Конечно, я привяжу рыбу к спине, — подумал он. — Руки у меня будут свободны!»

Так он и сделал. Трудным ему показался лишь последний отрезок пути. Тут скала была чуть ли не отвесной. Авл карабкался, цепляясь руками за острые камни и колючие кусты. Порой он отдыхал. И тогда ему становился слышен шум моря. Но он не видел его, так как боялся повернуться. Каждое неосторожное движение грозило ему смертью. Но Авл не жалел, что пошел к цезарю. И ему не было страшно! Он был не один. Рыба хлопала его хвостом по спине, словно подбадривала: «Иди, Авл, иди! Я с тобой!»

Осталось несколько футов. Авл обеими руками уцепился за край скалы и вытянул тело. Несколько мгновений он лежал с закрытыми глазами, тяжело дыша.

Когда он открыл глаза, то увидел прямо перед собою в

двух или трех шагах старика. Старик угрюмо смотрел на него, как-то странно наклонив голову. Так смотрят на какое-нибудь насекомое, ползущее по земле, на муравья или жука.

Внезапно старик вскинул голову. И тогда Авл узнал его. Да ведь это цезарь! Таким он изображается на монетах. Но почему у него такой испуганный взгляд?

— Цезарь! — сказал Авл вставая. — Я принес тебе эту рыбу.

Он стал разворачивать обрывок сети. Рыба ударила хвостом. Цезарь попятился, защищая лицо руками.

— Это барвена, — как ни в чем не бывало продолжал Авл. — Я поймал ее для тебя. Она еще не заснула.

Император коснулся спиной колонны и вдруг, резко повернувшись, дернул за конец какого-то шнура. Через несколько мгновений послышался топот. Стража, звеня оружием, бежала на зов императора. Сбегались и слуги.

Авл стоял со своей рыбой, не понимая, откуда сразу взялось столько людей.

Император начал успокаиваться. К нему возвратился дар речи.

— Что это за человек? — спросил он.

— Это здешний рыбак, — пролепетал кто-то. Но этот ответ не удовлетворил императора.

— Как он сюда попал? — спросил Тиберий.

Все взоры обратились на начальника караула. Это в его обязанности входило следить, чтобы никто из посторонних не входил во дворец.

Начальник караула, рослый и широкоплечий верзила, выступил вперед. Он был бледен как полотно. Руки его дрожали. Начальник караула знал, чем ему грозит появление этого безумца. Все помнили, как кончил свою жизнь преторианец, не поднявший на ночь моста. Его казнили, хотя во дворец никто не проник.

— Я его не видел, — выкрикнул начальник караула. — Никто его не пускал! Никто его не знает!

— Но кто-то должен знать, как во дворец проходят посторонние! — сказал цезарь. В его голосе появились металлические нотки. — Может быть, он прилетел по воздуху вместе со своей рыбой?

Авл понял, что настала пора рассеять сомнения.

— Я пришел отсюда, — сказал он, показывая на обрыв. — Пришлось, конечно, попотеть, и ноги о камни ободрал. Но рыба еще живая, видишь, как лупит хвостом.

Почему-то никого не удивило, что рыба еще живая, хотя он поймал ее еще на заре. И никто не похвалил Авла за то, что он, рискуя жизнью, принес цезарю этот чудесный дар моря.

Все со страхом смотрели на императора, ожидая его решения.

— Если этот человек пробрался сюда по обрыву, его примеру могут последовать другие, — сказал медленно император. — Они могут принести меч или яд.

Все молчали. И что можно было против этого возразить? Император считал себя в безопасности на этом острове. Ров и пропасть надежно ограждали его от всего мира. А теперь оказалось, что сюда можно пройти.

— Они не пройдут, — сказал рыбак, добродушно улыбаясь. — Они не знают тропинки. Ее показал мне дед, а его уже нет в живых, — да будут к нему милостивы подземные боги!

Начальник стражи выдохнул воздух. Кажется, он спасен. Если только один этот человек знает обходную тропинку во дворец, то...

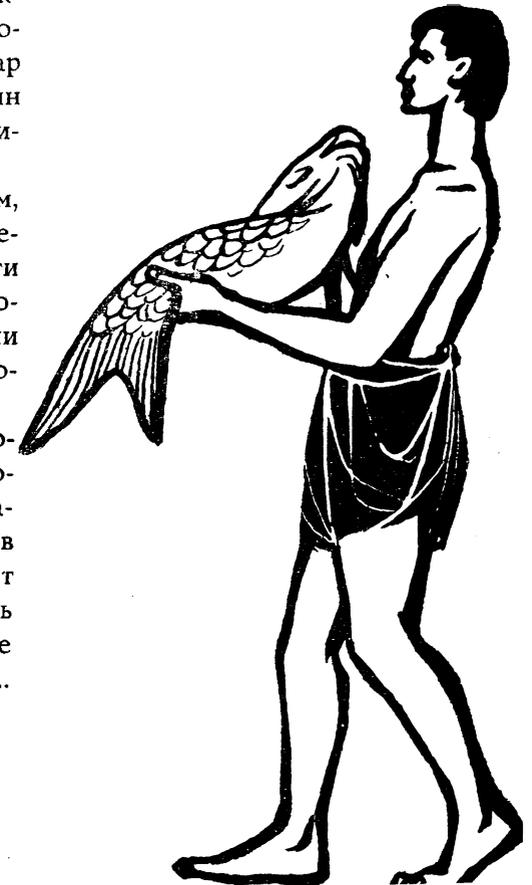
Видимо, эта же мысль пришла на ум самому императору. Он сделал жест, не оставляющий сомнений. Император указывал рукой на обрыв.

Начальник стражи бросился к рыбаку. Страх за свою жизнь удесятерил его силы. Одним ударом он сбил Авла. Рыба выскользнула из рук рыбака и упала на ступени к ногам императора. Еще один удар, и рыбак, даже не вскрикнув, полетел в пропасть, туда, откуда пришел.

Все затаили дыхание. И в тишине стало слышно, как внизу шумит море. Но никто не услышал удара человеческого тела. Этот удар слился с шумом волн. Сын моря ушел туда, откуда пришел.

Все, кто стояли рядом, были приближенными цезаря, и темная сила власти давно убила в них все человеческое. Но то, что они увидели, заставило их содрогнуться.

Огромная рыба в последний раз ударила хвостом. И ее спина вдруг стала пурпурной, как море в час заката. Или, может быть, чья-то кровь разлилась по ее телу. Свет на чешуе то вспыхивал, то бледнел...

ГЛАДИАТОРЫ

В карцере гладиаторской казармы были обнаружены два человеческих скелета. Рядом с ними была найдена железная цепь из десяти звеньев.

Из отчета об археологических раскопках в Помпеях.

Децебал начал понимать резкий язык римлян, словно созданный для окриков и приказаний. Первое слово этого языка — «сервус» — напоминало скрип закрывшихся за Децебалом железных ворот. Так римляне называли рабов.

Смысл другого слова — «ланиста» — ему разъяснили удары бичей и сырой каменный пол тюремной каморки, куда бросили избитого, истерзанного пленника. Децебал не позволил этому толстому римлянину, который назывался ланистой, запустить себе пальцы в рот, чтобы проверить, целы ли зубы. Ланиста не имя, а профессия. Толстяк был владельцем школы, где невольников учили убивать друг друга по всем правилам искусства.

В карцере Децебал узнал еще два римских слова — аква и панис. Аква — вода. Ее приносили в глиняном сосуде с двумя ручками. Такие сосуды на родине Децебала, Дакии, назывались амфорами. Их изготовляли ремесленники, жившие в греческих городах у моря. Панис — хлеб. Он был грубым и тяжелым, как камень. Его давали два раза в день по куску величиною с кулак. И раз в девять дней приносили миску теплой похлебки из бобов¹. Децебалу казалось, что его сильные руки никогда больше не смогут держать меча.

Стены подземелья чуть ли не до потолка испещрены надписями. Целые жизни вместились в кривые строчки или отдельные слова. О чем вспоминали узники? Что они хотели доверить этим стенам? Были ли они, как Децебал, воинами, попавшими в плен к римлянам, или преступниками, осужденными к смерти на арене? Децебал с трудом разбирал буквы письма, похожего на знакомое ему греческое. Кто здесь только не побывал! Клеон и Дамасий, Сир и Гатта, Монтан и Спартак. Имена эти ничего не говорили Децебалу. Он не знал этих людей, не слышал о них и, наверное, никогда не услышит. Люди, томившиеся здесь, ушли, как уходят дни в заключении — не знаешь даже, сколько их было, этих дней, заполненных скорбью и ожиданием.

После карцера Децебала поместили в жилую камеру. В каждой из таких камер находилось двое, трое гладиаторов — людей, которые должны сражаться друг с другом гладиусами — короткими римскими мечами². Камеры не имели окон, а двери их выходили на внутреннюю галерею. Римляне продумали все, чтобы отгородить гладиаторов от внешнего мира и помешать их бегству. На ночь двери камер закрывались, и вокруг двора, под колоннадой, ходила вооруженная стража. Днем же, когда опасность бегства была меньшей, охранялись лишь единственные ворота казармы.

Камера, куда поместили Децебала, находилась на первом этаже. У стен стояли три деревянные лежанки. Децебалу досталась та, что против двери. Справа от него было место сирийца Кирина, человека лет тридцати, с удлиненным лицом и широкой грудью. Слева спал иудей Давид. Это был худощавый, стройный юноша со шрамом на лбу. Позднее Децебал узнал, что Давид был захвачен римлянами в осажденном Иерусалиме и вместе с другими юными сильными иудеями отдан в гладиаторы³.

Перед сном гладиаторы молились своим богам. Кири вырезал божка из дерева и на ночь смазывал его маслом. Децебала удивило, что Давид молился, уставившись в пустоту, что он не обещал своему богу жертв и даров, как это делал Кири.

Потом, когда Децебал ближе познакомился с Давидом, он узнал от него, что бога иудеев нельзя увидеть, если только он не примет образа человека. Не так давно, по словам Давида, иудейский бог принял вид сына плотника из Назарета Иисуса Христа. Римские власти распяли Христа, но он воскрес. Давид называл себя христианином. И еще он говорил, что его бог лучше всех других, потому что он не нуждается ни в быках, ни в овцах, ни в других приношениях, а награждает тех, кто делает добро людям.

Этого Децебал не мог понять. Разве можно заслужить милость бога, не принося ему жертвы? Да и слыхано ли, чтобы бог принял облик бедняка и погиб на кресте рабской смертью!

Вера Давида настолько отличалась от других вер, что вызвала недоумение и насмешку. Однажды, когда Децебал вместе с Кирном вышел из камеры, он увидел, что кто-то нарисовал на стене иудейского бога в виде длинноухого осла, пригвожденного к кресту. Повод насмешкам дал сам иудей. Он сказал как-то, что Иисус Христос въехал в Иерусалим на осле. «Может быть, у бога такой вид, что христиане стыдятся его изображать?» — думал Децебал.

Многие потешались над иудеем и его богом. Что касается Кирна, то он просто-таки издевался над ним. Сирийца раздражала каждая мелочь во внешности и поведении Давида. Он всерьез уверял, что иудей натирается чесноком вместо оливкового масла, выдававшегося гладиаторам для умащения тела. Он не мог спокойно видеть, как Давид кормит голубей, напоминавших ему ту жизнь, к которой он не мог вернуться. Бормотание Давида во время молитвы доводило сирийца до бешенства. Он осыпал иудея такой руганью, словно не кто иной, как Давид, навлек на них несчастья и обрек на страдания. Однажды Кирн бросил в Давида тяжелый камень и, наверное, попал бы в него, если бы иудея не оттащил в сторону нумидиец Юба. Юба относился к числу тех немногих, которые не издевались над иудеем.

К удивлению Децебала, присматривавшегося к своим со-

седам по камере, насмешки и издевательства не трогали иудея. Казалось, Давид был одет в непроницаемую броню. Он не отвечал сирийцу, а когда тот выходил из себя, лишь успокаивал его.

— Не гневи бога, — говорил он ему. — Христос терпел больше, чем мы с тобой. Когда его били римские воины, он сказал: «Не ведают, что творят», а разбойников, приговоренных к казни, он утешал, как братьев.

Даже предстоящие схватки на арене не выводили Давида из состояния внутреннего спокойствия и доброжелательства к людям. Перед тем, как идти на арену (откуда возвращались немногие), он просил Децебала, чтобы тот не забыл покормить голубей, если он не вернется. И в глазах его было столько доброты, что сдержанный и суровый дак не мог ему отказать. Впрочем, Децебалу ни разу не пришлось выполнить просьбу иудея. Из всех схваток Давид неизменно выходил невредимым. У гладиаторов даже возникла мысль, что у Давида имеется какой-то амулет, спасающий от смерти и ран. Кири ночью обшарил спящего иудея, но не нашел ничего. Тогда все решили, что дело в каком-то особом заговоре, который знал иудей.

Единственно, чего не выносил Давид, так это разговоров о пуэллах. Как только гладиаторы начинали хвастаться друг перед другом своими похождениями, иудей краснел как девушка, и немедленно уходил. Фракийца Келада, пользовавшегося особым расположением у женщин и прозванного «божеством пуэлл», Давид обходил стороной.

Дочерям и женам торговцев фруктами или погонщиков мулов нравились эти люди, напоминавшие телосложением Геракла, великого героя, совершившего много подвигов и давшего название городу⁴. Да и у кого не вызовет восхищение мужество и отчаянная храбрость!

О чем говорили мужчины в банях, на форуме, дома, как не о гладиаторах? На кого они ставили ставки, рискуя всем своим скудным состоянием, как не на этих фракийцев, галлов, бритов, даков? Из-за кого они вступали в драки, отстаи-

вая своих любимцев от обвинений в трусости или неопытности? Однажды во время стычки из-за гладиаторов в помпейском амфитеатре погибло несколько человек, и император специальным указом запретил в течение десяти лет устраивать гладиаторские игры в Помпеях. И лишь три года назад кончился срок запрета.

Гладиаторов воспевали поэты. Их изображали художники. Сцены гладиаторских боев можно было видеть на горшках, блюдах, лампах и чашках, а объявления о предстоящих схватках не только на стенах домов, но и на гробницах за городом. Казалось, страсть к амфитеатру не оставляла в покое даже мертвых. И не было ничего удивительного в том, что помпеянки толпились у ворот гладиаторской казармы, заглядывали в щели, просовывая своим любимцам орехи и сладости, провожая «идущих на смерть» восхищенными взглядами. Ланиста не видел беды в этом поклонении гладиаторов Афродите. Тот, кто сражался на арене, был смелее, если знал, что в толпе зрителей — та, что ждет и любит. Взгляд пуэлы заменял бич и раскаленный железный прут служителя⁵. Ланиста не опасался любви. Он боялся дружбы.

* * *

На дворе казармы появились первые зеленые былинки. Согреваемые мартовским солнцем, они пробились из-под камней, тонкие и трогательные. Скоро наступит веселый праздник Квинкватр. На улицы города выйдут валяльщики, пекари, горшечники и другие ремесленники. Все они будут в праздничных одеждах. Они понесут стяги своих коллегий⁶, украшенные цветами орудия своего ремесла. Они выйдут на улицы, чтобы прославить покровительницу ремесел Минерву. А сколько радости принесет этот день детям! Их отпустят с занятий. Сопровождаемые родителями, в тщательно выглаженных претекстах, причесанные и вымытые, они отправятся к учителям, чтобы вручить им плату, называемую «даром Минервы».

Но не все ожидали с радостью наступления праздника

Квинкватр. На следующий день после этого всенародного торжества в амфитеатре проводились гладиаторские бои. Весна была ненавистна несчастным обитателям казармы. Яркая весенняя зелень, птичий гомон, ласковое тепло солнца, запах просыпающейся земли — все это были вестники смерти.

Римляне недаром называли первый весенний месяц мартом. Март — это месяц Марса, бога войны. Марса не радует синева неба, зелень лугов, розовато-белые цветы яблонь. Ему нужна багрово-красная кровь. Поэтому пленники должны сражаться на арене и убивать друг друга...

Смерть пока не угрожала Децебалу. Он еще новичок и не обучен искусству боя. Но что может быть страшнее пытки видеть, как Марс пожирает твоих товарищей! Еще на родине Децебал слышал греческую сказку о мореходах, попавших в пещеру людоеда. Один из них, как будто его звали Одиссеем, дал людоеду вина. В виде милости людоед обещал съесть Одиссея последним. Тяжело было Одиссею видеть, как гибнут его спутники. Но он не сложил рук. Он обманул людоеда и выбрался из пещеры. Он вывел уцелевших друзей. «Может быть, и нам удастся вырваться, — думал Децебал. — Только надо действовать сообща».

Децебал подружился с нумидийцем Юбой. Это был смуглый широкоплечий юноша с пышной копной волос на голове. Децебал проводил с Юбой все время, свободное от утомительных и однообразных упражнений на соломенных чучелах и деревянных чурбанах. Юба рассказывал Децебалу о просторах степей, не тронутых плугом, о быстрых скакунах, об охоте на львов.

В Риме ценили гладиаторов по числу выигранных ими боев. Против имени Юбы в списке ланисты стояла римская цифра VII. Иудей Давид участвовал в пяти боях. Он был под номером V. Но знатоки утверждали, что иудей не уступит нумидийцу в силе броска и меткости удара.

До сих пор ланиста не выставлял их обоих в паре. Зачем ему терять хороших бойцов? Каждый из них стоит втрое больше наскоро обученного новичка. Но если ланисте хо-

рошо заплатят, он не устоит. Это знали все. Знал это и Децебал, мечтавший бежать вместе с другом в Нумидию. Нумидия ближе, чем Дакия. Стоит лишь найти корабль и кормчего, который бы взял их на борт.

Но Юба посмеялся над Децебалом, когда тот предложил план бегства.

— Заведи себе лучше пуэлла. Здесь ты добьешься больше успеха. Я видел, как на тебя заглядываются женщины. Поверь мне, ты забьешь Келада.

Децебал обиженно отвернулся.

— Как ты можешь шутить?

— Я не шучу, — ответил нумидиец. — За те три года, что я в Помпеях, из нашей казармы бежало шестеро. И все были пойманы. Они прокляли тот час, когда им пришла мысль о бегстве. Наш ланиста родился под созвездием Андромеды⁷. Вспомни Кирна!

Случай с Кирном произошел на глазах у Децебала. Сириец не думал бежать, а просто задержался в казарме и вовремя не оказался на переключке. Ланиста так избил его железной палкой, что Кирн долгое время не мог пошевелиться. И только благодаря заботам Давида он выжил.

* * *

Пришел веселый Квинкватр, а вместе с ним желанный для всех жителей Помпей день гладиаторских боев. И не только для них. Еще вчера из соседних городков Нолы и Нуцерии в Помпеи хлынули любители кровавых зрелищ. Их привлекало известие, что устроитель игр Помпедий Руф⁸ выставляет на арену тридцать гладиаторов помпейской школы и среди них известных по схваткам прошлых лет Юбу и Давида. Люди шли по узким улицам к городскому амфитеатру, украшенному по случаю праздника ветками лавра и цветами. То в одном, то в другом месте над головами плыли крытые носилки, скрывавшие от любопытных взоров знатную матрону или богатого старика. В толпе сновали торговцы, предлагая соломенные подушки для сиденья, шляпы и зон-

тики от солнца или дождя, павлиньи веера для защиты от докучливых мух. Глашатаи, приложив ко рту ладони, хрипло кричали: «Не забудьте посетить амфитеатр! Будут сражаться иудей и нумидиец! После состоится бой зверей!»

Зверей, пойманных в отдаленнейших провинциях, уже привезли в город. Клетки стояли прямо под открытым небом. Около них толпились зеваки, наслаждаясь невиданным зрелищем. Давно уже в Помпеях не было такого стечения народа. Толпа с шумом ломилась в амфитеатр, чтобы занять лучшие места. В ложах видели даже двух римских сенаторов. Они прибыли в город из своих поместий под Неаполем. Ланисте было отчего потерять голову!

По случаю праздника гладиаторов выпустили из камер и освободили от упражнений. Да и кто мог с ними заниматься, если ланиста и все учителя фехтования сегодня в амфитеатре. В казарме остались одни стражники, проклинавшие свою судьбу: им приходилось наблюдать лишь учебные бои тупым оружием, которым можно было избить, но не убить⁹.

Разделившись по двое, по трое, гладиаторы отдыхали во дворе казармы. Они подставляли спины и бока весеннему солнцу, радуясь ему, как дети. Под колоннами портика был накрыт стол с тем богатством и разнообразием яств, которые были необычны для казармы. Устроитель игр, которому ланиста продавал гладиаторов, угощал смертников за свой счет. Это был древний, освященный веками обычай, от которого никогда не отступали. Хлеб за кровь!

Децебал давно уже заметил, что человек может привыкнуть ко всему. И многие свыклись с мыслью, что погибнут на арене. Смерть ожидает каждого. От нее не уйти. Она настигнет тебя в постели, на поле боя, на корабле. И если суждено умереть на арене, надо встретить смерть с достоинством, так, чтобы ни один из зрителей не назвал тебя трусом, а товарищи вспоминали: «Вот это был боец!»

Среди сотни гладиаторов, отдохавших во дворе казармы, было тридцать, которым сегодня предстояло сражаться на арене. И эти тридцать знали, что большинству из них не

вернуться в казарму. Но если бы во двор впустили постороннего человека, то он не смог бы указать смертников.

Децебал, сидевший рядом с Юбою, был более взволнован, чем нумидиец. Время от времени мрачная тень пробегала по лицу Децебала, и он крепко стискивал зубы, словно сдерживая готовый вырваться крик. Нумидиец старался рассеять дурное настроение друга.

— Мне давно хотелось рассказать тебе одну историю, — начал Юба. — Я слышал ее от грека Дамасия за день до того, как он отправился в Аид¹⁰. Видишь эту гору? — Юба показал на видневшийся в проеме ворот Везувий. — Туда из гладиаторской школы в Капуе бежало восемьдесят гладиаторов во главе со Спартак. Ты слышал это имя?

— Нет, — хмуро ответил Децебал. — Но я прочел его на стене карцера. Кто этот Спартак?

— Тот Спартак, о котором я говорю, был фракийцем, он попал в Капую и там подговорил гладиаторов бежать. С ним заодно было двести друзей. На волю вырвалось лишь восемьдесят. На вершине этой горы Спартак скрывался несколько дней, а когда римляне заняли единственно удобный спуск с Везувия, он не растерялся. Из ивовых прутьев и виноградных лоз была сплетена длинная, прочная лестница. Гладиаторы спустились по ней в том месте, где их не ждали. Римляне были разбиты. Узнав об этой победе, сотни и тысячи рабов бежали от господ и присоединились к Спартаку...

— Собирайтесь! — послышалась команда.

Юба встал. Обняв друга, он сказал:

— Если останусь жив, закончу рассказ, а если нет... — Он махнул рукой.

Амфитеатр был неподалеку от казармы. Во двор доносился шум боя, хотя высокие стены не позволяли ничего видеть. Вот раздались мрачные звуки трубы, сигнал к борьбе острым оружием. По гулу многотысячной толпы можно было понять, что на арену вступили гладиаторы. Децебал представил себе сверкающие на солнце мечи, шлемы с развевающимися перьями. Вот гладиаторы обходят арену, приветствуя зрителей.

Рог. Гладиатор бросает вызов своему противнику. Кто в первой паре? Децебал не мог этого знать. Но он был уверен, что не Юба и Давид. Опытный ланиста приберегает лучших бойцов под конец. Так говорили те, кому удалось победить и остаться в живых. А бывали случаи, когда публика великодушно сохраняла жизнь побежденному. Вдруг произойдет чудо и вернутся оба, нумидиец и иудей? Яростные крики разорвали тишину: «Убей, секи, жги его!» Видимо, толпе показалось, что один из гладиаторов избегает схватки. Зрители требовали, чтобы труса гнали на меч раскаленным железом. Вопль, раздирающий уши... Звуки флейт. В это время слуги крочьями увлакивают труп и засыпают арену свежим песком. И снова рог. Крики. Гул, аплодисменты. Рог. Флейты. Рог. Рог. Рев зверей, разъяренных запахом человеческого пота и крови. Эти львы и леопарды, терзающие тела, — жалкие щенки в сравнении с людьми, наслаждающимися зрелищем смерти.

А потом мимо стен казармы повалила толпа. В камеры, куда загнали Децебала и других узников, не участвовавших в схватке, доносилось шарканье подошв и голоса. О чем говорили эти люди, возвращающиеся к родным очагам? Может быть, они делились впечатлениями об искусстве бойцов или проклинали устроителя игр, не пожелавшего выставить на арену еще несколько пар гладиаторов? Или они восхваляли его за щедрость и обещали соорудить ему памятник на общественный счет? Кто-то за стеной сильным и красивым голосом затянул песню. Неужели бывшим там доступны человеческие чувства и они могут ласкать детей, любоваться природой, петь песни?

Децебал вскочил и заметался по камере. Он едва не свалил Кирна. Сириец сидел на полу и под нос бормотал молитву, слегка покачиваясь, как это делал Давид. Кирн возносил хвалу богу, тому самому невидимому и непонятному богу, о могуществе и справедливости которого так красноречиво говорил иудей. Кирн стал христианином после того, как Давид выходил его после жестокой расправы над ним ла-

нисты. «Что же это за бог,— думал с раздражением Децебал,— если он бессилен спасти тех, кто в него верит? И кому нужны все эти молитвы, если они ни на шаг не приближают к свободе?»

Лишь на следующее утро Децебал и другие оставшиеся в казарме гладиаторы узнали о том, что потом долго давало пищу толкам и пересудам в маленьком городке.

Юба и Давид составили пятую пару. Иудей превзошел самого себя. Он сражался как барс и в первые же минуты смертельно ранил Юбу. Но в то мгновение, когда Юба упал, Давид сам пронзил себя мечом. Подобного не видел и не слышал никто в Помпеях. Гладиаторы нередко кончали самоубийством.

Одному из них удалось свести счеты с жизнью в то время, когда его везли в повозке к амфитеатру. Он притворился спящим. Голова его опускалась все ниже и ниже, пока, наконец, он не просунул ее между спицами колеса. Это случилось в Капуе. Двое гладиаторов в Риме повесились на веревках, сплетенных из одежд. Говорят, что это были просто трусы. Но иудей показал храбрость и искусство. Он закололся, чтобы бросить вызов толпе, чтобы показать ей свое презрение. Устроитель игр рвал на себе волосы. Потерять двух первоклассных бойцов в один день! И толпа шикала и свистела до самого конца игры.

* * *

Децебал все чаще и чаще смотрел на Везувий, мысленно возвращаясь к рассказу Юбы. До самого

верха гигантскую гору покрывали деревья и кустарники, и только раздвоенная вершина была пепельной, в расщелинах — цвета жженого кирпича. Где-то там прятался Спартак. Нет, не прятался, а гордо стоял, бросая вызов Риму. Теперь Децебал знал, что Спартак не был узником, нацарапавшим свое имя на стене карцера в Помпеях. Он сражался на арене в Капуе. Но, видимо, кто-то из гладиаторов знал о великом фракийце и искал в воспоминании о нем того же, что находили Давид и Кирн в молитвах,— утешения в беде.

Децебал был не из тех, кого могла утешить сказка о смиренном Христе. Его душой завладел Спартак, мятежный фракиец. Он звал его к борьбе и мести. Но какова судьба Спартака? Вывел ли он восставших из Италии или погиб вместе с ними в неравном бою? Никто из гладиаторов этого не знал. Никому из них не было известно даже имя Спартака, словно римлянам удалось вытравить память о нем. Лишь один Келад в разговоре с Децебалом оживился.

— Ты говоришь, Спартак? Я знал человека с этим именем. Он шел с рогатиной на медведя, и медведь оторвал ему левое ухо. Мы с ним побились об заклад, кто больше вина выпьет, и, представь себе, мне удалось...

Децебал не стал дожидаться, когда Келад закончит свой рассказ. Его не интересовал Спартак-медвежатник.

...В июльские календы в казарму прибыла новая партия гладиаторов, и все понимали, что день схватки на арене недалек. Вновь прибывшие были опытными бойцами из школы в Пренесте. И у Децебала появилась надежда: может быть,

кто-нибудь из них знает о Спартаке. Он не ошибся. О Спартаке слышал Марк Арторий. Это был человек необычной судьбы. В гладиаторские казармы и на арену Артория привела жажда приключений. С детства Арторий бредил амфитеатром и знал всех знаменитых гладиаторов. Не проходило ни одного представления в Капуе или в Риме, на котором бы он не побывал. После смерти отца Арторий сам явился к ланисте римской школы, предложив свои услуги. Его заставили принести клятву в том, что он позволит бить себя розгами, жечь огнем и убить мечом. К товарищам по ремеслу Арторий относился с некоторым пренебрежением, так как он не был «варваром» и сражался в римском амфитеатре в присутствии самого императора Нерона.

— Спартак? Слышал, слышал, — снисходительно и равнодушно ответил Арторий дрожащему от нетерпения Децебалу. — Из школы Лентула Батиата в Капуе. Недурно владел мечом. Сражался без забрала. Но в Риме бы его засмеяли. Куда ему до юлианцев¹¹! Я видел бойцов капуанской школы. Щенки! Двойным выпадом не владеют. А еще хвалятся, что из школы, где был рудиарием¹² Спартак.

— Ну и как, освободил он рабов? — тихо спросил Децебал.

— Каких рабов? Нужны мне твои рабы! Разве раб может сражаться, как свободный?

Это все, что удалось Децебалу выжать из Артория. Может быть, римляне уже забыли о великом восстании рабов? Или Арторию известна одна лишь история фехтовального искусства?

Очень мало узнал Децебал о Спартаке. Но все же образ великого фракийца стал вырисовываться полнее и определеннее. Среди учителей фехтования в школе было немало рудиариев. Это настоящие цепные псы, признававшие лишь своего господина — ланисту. Чтобы выслужиться и получить полное освобождение, они притесняли новичков, издевались над ними. «Спартак был не таким, — думал Децебал. — Ему, получившему рапиру, не угрожала смерть на арене. Но он думал не о себе. Он хотел завоевать свободу для всех».

И снова Децебал смотрел на Везувий, словно с ним была связана его собственная судьба.

То, что Децебал не сводит глаз с Везувия, не ускользнуло от внимания гладиаторов. Они решили, что дак по обычаю предков молится духу горы, ожидая от него помощи и спасения. И они были недалеко от истины. Какая-то сила приковывала мысли и чувства Децебала к этой вершине и к Спартаку. Он вспоминал рассказы Давида о своем боге. Бог Давида спустился на землю и покорно погиб на кресте, хотя ему, великому и могущественному, ничего не стоило разметать палачей. Что же тогда делать людям, не обладающим могуществом богов? Подражая Христу, покоряться силе и судьбе? Или ждать помощи бога, как ждал ее Давид? И не дождался. Спартак, человек он или бог, сильнее иудейского бога и благороднее его. Он поднялся на эту гору, чтобы зажечь факел свободы.

* * *

Однажды богатый помпеянец Гай Сильвий Феликс вздумал заменить в перистиле тяжелую мраморную статую другой. По его просьбе ланиста отправил к нему двух гладиаторов и стражника для надзора за ними. Жребий пал на Децебала и Келада.

Впервые Децебал в городе, за пределами казармы¹³. Сандалии на деревянной подошве стучат по плитам мостовой. На улицах ни деревца, ни кустика. Слепые стены как бы повернувшись спиною к улице домов, которым нет дела до тех, кто бредет по ней, стуча деревянными подошвами. Надписи, взывавшие к гражданскому долгу: «Погонщики мулов, отдайте свои голоса за Клавдия!» Можно подумать, что, если полюбившийся погонщикам Клавдий не будет избран в городской совет, перевернется мир.

А вот и извещение о бое, в котором погибли Юба и Давид. Краска на буквах уже потускнела, но все же можно различить слова: «Будут биться нумидиец и иудей. Состоится также бой зверей. Да здравствует устроитель игр Помпедий Руф!»

Из двухэтажного дома на перекрестке доносился запах свежеспеченного хлеба. Повеяло чем-то родным. Но Децебал слышал, что в подвалах таких милых, уютных, вкусно пахнущих домов рабы крутят день и ночь тяжелые каменные жернова. Булочки в праздники увешивают шеи ослов и мулов связками румяных хлебов. А рабам в подвалах они жалуют горсти муки. Чтобы невольники не могли поднести руку ко рту, им надевают на шею деревянные рогатки, как хомуты. Таков этот городок, раскинувшийся под вечно голубым небом Кампании, у подножия зеленого Везувия.

Вот и дом Сильвия Феликса. Над входом надпись: «Гай Сильвий Феликс приветствует дорогих гостей и желает им счастья и долголетия». А у порога, на неровной, изъеденной временем каменной плите сидит человек с взлохмаченной головой. Цепь от его ноги тянется к медному кольцу в стене. Это раб-привратник. Сколько ему лет? Тридцать или пятьдесят? Да и знает ли он сам об этом? Помнит ли он свое настоящее имя или откликается на кличку Рекс или Карнэ, как сторожевые псы?

Миновав полутемный коридор, называемый вестибюлем, Децебал вступил в высокую просторную комнату. Разноцветные кусочки мрамора, искусно сложенные художником, изображали море с бегущими по нему кораблями, поросший лесом гористый берег и причудливой формы облака. В том месте, где в комнату входило небо, крыша поддерживалась шестью колоннами. Внизу, в пространстве между ними, находился четырехугольный бассейн со стенками, выложенными белым мрамором. Со дна бассейна тремя тонкими упругими струйками бил фонтан, и вода, падая, стекала по спине и бокам прекрасной статуи, изображавшей девушку с чешуйчатым рыбьим хвостом. Сверкание воды, мягкий блеск мрамора оживляли мрачную строгость атрия — так римляне называли эту комнату, служившую гостиной.

Все стены — в красочных изображениях. Децебал скользнул взглядом по фигуре скачущего всадника с дротиком в бедре. Судя по щиту и шлему, это гладиатор, хотя вряд ли

художник хотел показать бой в амфитеатре. И вдруг Децебалу бросилось в глаза крупное, отчетливо выписанное слово: «Спартак». Не веря себе, он прочел еще раз. Нет сомнений, всадник — сам вождь восставших рабов, человек, судьба которого после рассказа Юбы стала казаться Децебалу частью его собственной жизни и судьбы.

— Скажи, — обратился Децебал к стражнику, — кто господин этого дома, хранящего память о великом Спартаке?

Стражник обомлел.

— Ты что, спятил, собачий корм? — заорал он, поднимая кулак. — Я тебе покажу Спартака! На крест захотел?

На шум из перистилия вышел человек лет сорока. Его голова с оттопыренными ушами, казалось, не имела шеи, а глаза со вспухшими веками были выпучены, как у совы. Он переводил взгляд от стражника к Децебалу, видимо решая, кто из них затеял спор.

— Я слышал, тут было названо имя Спартака, — хвастливо сказал он наконец неестественно тонким голосом. — Победа над Спартаком прославила моего прадеда Марка Сильвия Феликса, служившего центурионом в войске Публия Красса, будущего консула и триумвира. Сам доблестный Красс наградил победителя золотой короной и ввел во всадническое сословие. Я приказал изобразить эту сцену, чтобы каждый переступающий порог дома знал, что здесь обитает внук героя, спасшего Рим от презренных гладиаторов. Видите, вот мой дед, — и он показал на фигуру другого всадника, на которую раньше Децебал не обратил внимания, — благодаря ему вздохнула свободно вся Италия...

* * *

Децебал смотрел на Везувий. Ему казалось, что он вдыхает запахи овечьих отар, пасшихся на зеленых склонах горы. Эта гора напоминала вершины родных Карпат, где он бродил с пастушеской дудкой и котомкой за плечами. Он вспоминал луга, покрытые сочными травами и пестрыми цветами, гомон птиц, жужжание пчел и стрекотание кузнечиков — звуки

утраченной свободы. Они были заглушены топотом ног, отрывистыми выкриками на чужом языке. В горы пришли римляне, и Децебал стал пленником, как и Спартак. Фракиец, наверно, был тоже пастухом и пас овец или коней в горах своей страны. Децебалу казалось, что он видит тот отвесный склон, по которому спустились отважные гладиаторы по сплетенной из прутьев лестнице. Лестница раскачивалась над пропастью, то и дело задевая острые выступы скал. Но каждое мгновение приближало Спартака к свободе...

Когда гладиаторы оставались одни, Децебал рассказывал им о храбром фракийце. Воображение дополняло ему то, чего он не мог знать. С горящими глазами слушали гладиаторы рассказы Децебала о схватках Спартака под стенами самого Рима, о его победах над прославленными римскими полководцами. Как радовались они, слыша, что Спартак заставил знатных пленников сражаться на аренах амфитеатров друг с другом и с дикими зверями. Было ли это так? Никто об этом не задумывался. Но как только Децебал начинал говорить, что и они должны последовать примеру Спартака и добыть себе свободу мечом, огонь в глазах слушателей угасал. Бегство казалось им невозможным.

Многие прислушивались к Кирну.

— Братья мои, — говорил Кирн гладиаторам, — не меч принесет нам спасение, а терпение и любовь к ближнему. Христос скоро вернется на землю и воздаст каждому по делам его. Чаша гнева божьего выльется на Рим и испепелит тех, кто заставлял проливать нас кровь на аренах, кто испускал крики радости при виде наших мук.

Децебал понимал, что воскресни даже сам Спартак, такие, как Кирн, не станут его воинами. Но он продолжал искать себе единомышленников. И первым из них оказался Келад.

Рассказы Децебала о храбром Спартаке пробудили во фракийце чувство человеческого достоинства, которое старались заглушить в казарме. В этом был повинен и Марк Арторий. Римлянин почему-то невзлюбил фракийца и, как только мог, поддразнивал его:

— Эй, Келад, много ли пуэлл победил? На это вы, фракийцы, способны. А от первого свободнорожденного римлянина побежите без оглядки.

И Келад решил доказать, что фракийцы способны на многое. Для Децебала он был находкой. Через своих пуэлл Келад мог достать все. Заговорщикам было прежде всего необходимо оружие. Знакомая Келаду рабыня раздобыла три гладиуса и переправила их в казарму вместе с дровами для кухни. Она же обещала напоить стражу вином. Остальное взял на себя Децебал. Он пробуравил в двери своей камеры отверстие и научился открывать через него наружный засов тонким железным крючком. Ему никто не мог помешать. Он остался один в камере. Ланиста бросил Кирна в карцер как христианина. Обычно должностные лица вызывали человека, подозреваемого в принадлежности к тайному вероучению¹⁴, и заставляли его поклясться, что он не христианин. Но Кирн был рабом, и от него потребовали только, чтобы он в присутствии гладиаторов обругал Христа и принес жертву статуе Юпитера вином и ладаном. Кирн отказался выполнить это требование и, несмотря на пытки, не выдал тех, кто перешел в новую веру. Ланиста решил не выпускать Кирна на арену, а держал его в карцере до прибытия из Африки партии хищников, чтобы бросить им преступника на растерзание.

* * *

Как зверь в клетке, неслышными шагами бродил Децебал из угла в угол своей каморки. Что-то готовит ему эта душная августовская ночь? Его первый бой будет с римлянами. Он должен быть им благодарен! Римляне научили его владеть оружием и с презрением смотреть в лицо смерти. Силу его рук узнают не товарищи по рабству, а враги. Если ему суждено погибнуть, он погибнет в бою с врагами, как Спартак!

Тишина, царившая вокруг, нарушалась лишь воем сторожевого пса. Его будка была у стены карцера, куда бросили Кирна. Децебал раньше не слышал, чтобы этот огромный молосский пес выл. Животное, страшное на вид, давно уже

привыкло к гладиаторам и лаяло лишь тогда, когда кто-либо снаружи приближался к казарме. Этой ночью в его вое было что-то зловещее, пугающее, словно животное знало о готовящемся бегстве, предчувствовало неотвратимую беду, чью-то близкую гибель.

Вдруг какая-то сила бросила Децебала в угол камеры, и, задев ногой лежанку, он невольно вскрикнул от боли. Пол заходил под его ногами ходуном. Несколько мгновений Децебал не мог понять, что происходит. Снаружи раздались крики стражников. Римляне, охранявшие галерею, отрезвели от страшного подземного толчка. Они выбежали во двор, где, им казалось, безопаснее. Факелы дрожали в их руках, черта в темноте какие-то огненные знаки. И так же внезапно стало удивительно тихо. Так тихо, что каждое слово стражников было слышно Децебалу даже сквозь двери.

— Клянусь Геркулесом! — воскликнул один из них. — Так же задрожала земля, когда я был мальчишкой. Меня вышвырнуло на улицу. На моих глазах вилла богатого соседа рассыпалась на куски. Все, кто там жил, погибли.

— А я был близ Неаполя, — откликнулся другой стражник. — У нас в щель провалилась отара баранов вместе с пастухом.

— Видно, подземным богам захотелось баранины, — пошутил первый стражник.

— Смотри, как бы тебе самому не провалиться в Аид, — испуганно сказал другой. — И у подземных богов есть уши!

И как бы в ответ на эти слова что-то загрохотало снова. По черепичной крыше застучали камни. Спасаясь от каменного града, стражники скрылись под сводами внутренней галереи. Децебал слышал их тяжелое прерывистое дыхание.

Рушился план, ставший жизнью Децебала. Скоро утро. Повара начнут разбирать поленницу и обнаружат острое оружие. Заговор будет раскрыт. А если... И он забарабанил кулаками в дверь изо всей силы.

— Откройте! Откройте! — закричал он.

— Что тебе? — слышался голос стражника.

— Помогите! Меня придавило.

Стражник подошел к двери. Открывать камеру ночью запрещалось уставом казармы. Пока стражник размышлял, что ему делать, дверь камеры открылась сама. К римлянину метнулась тень, и страшный удар кулака обрушился на его голову. Стражник упал под ноги Децебалу, как мешок муки, даже не пикнув.

Труднее было справиться с другим римлянином, спешившим на помощь товарищу. Но в руках у Децебала уже был меч, взятый у убитого. И схватка была недолгой.

Скорее к камерам друзей! Они стоят наготове у дверей и ждут. Они не знают, удалось ли Децебалу справиться со стражниками, охраняющими галерею. Надо освободить всех, всех! Как жаль, что погасли факелы. Засовы приходится открывать наугад. Скорее, скорее, пока не услышали стражники, охраняющие ворота! Руки Децебала, ощупывающие обшивку дверей, дрожат. За дверью тяжелое дыхание.

— Это ты, Келад?

— Я.

— Выходи!

И так семьдесят камер на первом и втором этажах, семьдесят дверей и засовов.

Когда толпа гладиаторов заполнила внутреннюю галерею и двор казармы, по времени должно было светать. Но солнце не могло справиться с мглой. Серый, как будто дымный свет смазывал все очертания и предметы. С той стороны, где находился Везувий, слышались какие-то странные звуки, напоминавшие храп. Казалось, гигантская гора уснула. Но нет, это был не сон горы, а ее пробуждение. Над вершиной взметнулся огненный столб, и снова камни посыпались частым тяжелым дождем.

— Смотрите, друзья! — воскликнул Децебал. — Дух Спартака зажег на Везувии свой факел свободы!

И не было во всей толпе гладиаторов ни одного, кто бы усомнился в этом чуде. Недаром столько месяцев дак молил-

ся духу горы, призывая проклятья на головы римлян! И огонь вырвался из чрева Везувия.

Камни летели, словно кто-то невидимый пускал их из огромной пращи. Земля тряслась в страшных, мучительных судорогах. С грохотом падали мраморные колонны храмов. Разваливались виллы, созданные кровью и потом невольников. Рушилось все, что считалось вечным и неизблемым. Горели леса. Запах гари соединялся с вонью серы. Мгла раскачивалась молниями. Небо смешалось с преисподней.

Римляне, бросив казарму и узников, были охвачены животным ужасом и искали безопасного места, а гладиаторы ликовали: им казалось, что сама стихия на их стороне.

Эта гроза, эта буря, эти перекрещивающиеся в небе разряды молнии рождали в их душах небывалое ощущение свободы и с нею вместе — почти забытое ими в Помпеях чувство радости. Не Везувий извергал лаву, а гнев клочкотал в груди обреченных на смерть, не скалы гремели, обрушивая камни на город, а рабы распахнули темницы, разорвали окопы. Они сами были частицей восставшей природы.

Гладиаторы бросились к воротам. С улицы доносились детский плач, женские вопли и крики мужчин. Дети звали родителей, родители — детей, пытаясь распознать их в темноте по голосам. Напуганные горожане спешили к Стабиевым воротам, чтобы покинуть Помпеи. Многие воздевали руки к небу и молили богов о пощаде, но боги не слышали их криков и мольб. Или на земле больше не стало богов, и для мира наступила последняя вечная ночь, тот первозданный хаос, из которого возникло все сущее?!

Ворота казармы на запоре. Убегая, стражники взяли с собою ключи. Каменная стена сверху утыкана гвоздями. Ее в темноте не одолеть.

— Дечебал! Что нам делать? — слышались голоса гладиаторов.

— Друзья! — крикнул дак. — Идемте к столбу позора!

Посередине двора в землю был вкопан толстый гладкий столб. К нему привязывали в наказание тех, кто был недо-

статочно расторопен во время тренировки или дерзок с учителями фехтования. Палящее солнце и мухи, облеплявшие тело, были пострашнее карцера и бичей. И не было дня, чтобы у столба позора не корчился человек. А последнее время столб позора не пустовал и ночью. И если палящими днями наказанным не давали воды, то зимними холодными ночами их обливали водой из колодца, и даже в камерах было слышно, как несчастные лязгали зубами от холода.

Раскачать и вытащить столб было делом нескольких мгновений. Ярость и жажда мести удесятерили силы. Столб позора превратился в таран. И ни один из таранов не взламывал ворот с такой чудовищной силой, как этот. Створки ворот выскочили из петель и с грохотом отлетели. Только тот, кто долгие годы был лишен свободы и жил в ожидании смерти, может понять чувства гладиаторов.

Беглецы взялись за руки, чтобы не потерять друг друга в этом тумане. Так приказал Децебал, понимавший, что каждому в отдельности не уйти от преследования. Ведь стоит римлянам опомниться, и они бросятся в погоню за гладиаторами, освобожденными Везувием. Они будут травить их собаками, как волков. И тогда ничто не сможет спасти восставших, кроме сплоченности и отваги.

Но не остался ли кто-нибудь в камерах? Не спрятался ли, напуганный грозным бедствием? Как настоящий полководец, Децебал чувствовал себя ответственным за судьбу каждого воина.

— Все здесь? — спросил в последний раз Децебал.

— Все! Все! — ответили вразнобой беглецы.

И тут Децебал вспомнил о Кирне, брошенном римлянами в карцер.

— Келад, — сказал Децебал фракийцу, — веди всех к Стабиевым воротам. Ждите меня там.

И дак бросился в карцер, вниз по каменным ступеням. Вот она, эта камера.

Децебал рванул засов. Дверь распахнулась, но никто не кинулся ему навстречу, не обнял его. По тяжелому дыханию

Децебал понял, что Кирн в левом углу камеры. Не было видно ни лица Кирна, ни очертаний его фигуры.

— Вставай, Кирн! — сказал Децебал. — Спартак зажег на вершине Везувия огонь. Идем, Кирн, ты свободен!

В ответ послышались вздох и невнятное бормотание.

Децебал бросился к Кирну, схватил его за руку и потянул к двери. Вслед за сирийцем по каменному полу побежала, как гремучая змея, цепь.

— Тебя заковали, друг! — с жалостью и удивлением воскликнул Децебал. — Заковали, а ключи от замка унесли в преисподнюю.

— Беги, Децебал, — устало пробормотал Кирн. — Спасайся один. На землю опустилась ночь. Вылилась чаша гнева божьего...

— Спартак не оставит друга в беде, — торжественно проговорил Децебал. — А твой Христос забыл о тебе...

— Децебал! — послышался крик снаружи. — Децебал, где ты?

Децебал просунул рукоять меча в кольцо, вбитое в стену, и, напрягая все силы, повернул меч на себя. Нет, это не просто железное кольцо в одной из камер, а звено огромной цепи, опутывающей весь мир. Если Децебалу удастся его вытянуть, станет свободным привратник, прикованный к дому Сильвия Феликса, потомка убийцы Спартака, обретут свободу тысячи и тысячи рабов.

И в последнее мгновение, когда стена рухнула на Децебала, ему казалось, что он вытянул это проклятое кольцо.

БЕЛАЯ ЛАНЬ

Так кончила свою жизнь один из крупнейших, если не самый крупный из всех людей, выдвинутых до той поры Римом, человек, который при благоприятных обстоятельствах стал бы преобразователем своего отечества.

Теодор Моммзен. История Рима.

ет, это не видение, не призрак. Белая лань, перебирая ногами, тонкими, как струны, спу- скалась со скалы. Ее не пугали вооруженные люди и кони. Она повернула к Серторию свою прекрасную голову. Почему она выбрала именно его? Может быть, ее привлекли необычные волосы цвета выгоревшей на солнце соломы или черная повязка, закрывавшая правый глаз?

Все стояли как зачарованные, боясь пошевелиться. Один лишь Серторий вел себя так, словно ничего не произошло. Он шел навстречу лани. Его правая рука опустилась на стройную шею животного. И если бы не подбежал Перперна, Серторий мог бы прижать к груди голову с кроткими изумленными глазами... В несколько прыжков лань достигла скалы и исчезла, как белое облачко в голубизне неба.

Перперна улыбался, — может быть, он хотел скрыть свое удивление: слыхано ли, чтобы пугливая лань подходила к человеку! Улыбка была изящной, вежливой, тонкой, как весь облик этого уже немолодого человека. Но в больших, неестественно выгнутых ноздрях что-то волчье, звериное. «Лю- дям с такими ноздрями не доверяй!» — наставляла Сертория мать, когда он еще жил в своей тихой, затерянной в горах Нурсии¹.

— Вот ты и отмечен вниманием Дианы²! — сказал Перперна.

Серторий почувствовал в тоне едва заметную иронию. И это заставило его удержаться от объяснений, которые он готов был дать своему новому союзнику. «Пусть это останется моей маленькой тайной, — подумал Серторий. — Ведь я никому еще не рассказывал об этой лани. Мне еще надо приглядеться к Перперне. Что я знаю о нем? Он из знатного рода, богат, как Крез, и поэтому попал в проскрипционные списки³. По своей ли воле он присоединился ко мне или его заставили сделать это воины?»

Занятый своими мыслями, Серторий не заметил, какое впечатление произвело появление белой лани на сопровождавших его иберов. Только когда Перперна толкнул его, воскликнув: «Смотри!», — Серторий оглянулся. Иберы стояли на коленях в молитвенных позах. Многие протягивали к нему руки, словно он был богом.

— Что с ними? — спросил Перперна. Улыбка исчезла с его лица. Глаза были широко раскрыты. — Почему они стоят на коленях? Мне говорили, что иберы самый гордый народ на земле.

Несколько мгновений Серторий молчал, видимо, не находя ответа. Потом его словно осенило.

— Ты новичок в этой стране, — сказал он, широко улыбаясь. — Тебе, наверное, неизвестно имя Вириата⁴. Во многих битвах этот простой пастух разбивал наших полководцев. И он всегда появлялся с белой ланью...

Не успел Серторий закончить, как бородатый ибер с медными латами поверх плаща встал и медленно подошел к нему.

— Веди нас, римлянин, — сказал он.

Серторий знал этого человека. Это был Летан, вождь лузитанов⁵. Во всей римской провинции не было племени более враждебного Риму, чем лузитаны. И Вириат тоже был лузитаном.

— Веди нас, Серторий, — повторил Летан. — И считай, что мы твои побратимы.

Серторий гордо поднял голову. Всего лишь несколько мгновений назад он не мог об этом и мечтать! Теперь он имеет сильных и надежных союзников. Он знал, что у иберов нет ничего крепче уз, связывающих побратимов. Если случалось, что вождь погибал, они мстили за него не только убийцам, но и их семьям, а потом сами убивали себя на могиле вождя.

«Летан и другие иберы пришли ко мне, чтобы я снял с них подати, — думал Серторий. — Они хитры, эти варвары, и ловко пользуются тем, что провинция в руках враждующих, воюющих друг против друга полководцев. Если бы я не снял с них подати, они обратились бы к Метеллу и Помпею⁶. Они бы могли перейти на сторону сулланцев. А теперь они привязаны ко мне навсегда. Белая лань заставила их сделать выбор. Моя белая лань!»

Тот день многое изменил в Испании. Тогда было покончено с заложничеством. Заложниками называли сыновей знатных иберов, содержавшихся в лагерях римлян в качестве залога верности их отцов. Если отцы поднимали оружие против Рима, казнили ни в чем неповинных детей. Серторий объявил, что прежние заложники становятся учениками греко-римской школы.

Школа была открыта в Оске⁷, маленьком городишке, ставшем резиденцией Сертория. На открытие школы собрались вожди многих племен, населяющих эту огромную страну, ученики и римляне. Взрослые иберы были в одеждах, какие испокон веков носили их предки, дети — в белых тогах с пурпурной каймой, римских сандалиях с кожаными завязками.

Дети всегда остаются детьми, живут ли они в Риме или в глухих селениях. Все новое им кажется чудесным. Они еще никогда не видели таких дощечек, смазанных воском. Разве это не удивительно, что на воске можно писать заостренной палочкой, что с помощью значков можно передать все, что тебе придет в голову! А как приятно ощущать на себе эту белоснежную одежду! Им уже объявили, что ее надевают только в школе. В ней ведь неудобно бегать, прыгать, карабкаться по скалам, стрелять из лука! А сколько новых лиц! У стены с тростью в руках стоит человек, который будет их учить всему тому, чему учат маленьких эллинов или римлян. Какие у него строгие глаза! Дети уже знают, что их учитель — эллин из Массалии⁸ и зовут его Клеархом. А воин в сверкающих серебряных латах — сам Серторий! Сколько они слышали об этом римлянине! Нет, их не пугает черная повязка на его лице. Все знают, что Сертория нечего бояться, что он друг иберов...

Серторий поднес руку к своему лицу. Долгим взглядом смотрел он на золотое сердечко — буллу, лежащую на ладони, и ему казалось, что в сиянии золотых лучей встает его

далекое детство... Вот он, мальчик в тоге с красной каемкой, шагает к форуму. Веснушчатое лицо в синяках и ссадинах от вчерашней драки, но на душе удивительно светло и радостно. Еще бы! Он вышел победителем. Городок просыпается. Заливисто кричат петухи. Мальчик обеими руками прижимает к себе коробку с церами⁹. На груди у него, под туникой, булла, заботливо повешенная материнской рукой... Неумолимое время вымывает из памяти образ матери, черточку за черточкой. Серторий уже не может припомнить, какие у матери волосы — черные или каштановые. Прямой ли нос, как у сабинянок, или с горбинкой, как у гречанок. В памяти остались одни глаза. В них столько ласки и нежности, столько тревоги и любви. У матери глаза лани.

«Рея¹⁰, — думал Серторий, — моя Рея Сильвия! И тебя лишили сыновей. Брат погиб, а я уже десять лет в изгнании. Смогу ли прижаться к твоей груди? Или меня примет жестокая земля чужбины? У меня нет семьи, родины. Эту буллу я повешу на шею не сыну, а маленькому варвару, которого зовут Индигилом. Он племянник моего побратима Летана».

— Подойди ко мне, Индигил, — стряхнув задумчивость, сказал Серторий на лузитанском наречии. — Надень эту вещь на шею и не снимай, пока не станешь взрослым и не сможешь принести ее в жертву богам. Это золотое сердечко называется буллой. Его носят маленькие римляне.

— Булла, — тихо повторил мальчик.

— Булла, — слышались голоса детей.

— Булла, — громко произнесли взрослые иберы.

Они с гордостью смотрели на своих сыновей. Их дети во всем будут похожи на римлян!

Серторий протянул руку. Он отдавал не только буллу. Он отдавал свое сердце. Нет, он не бросит на произвол судьбы этих суровых и мужественных людей. Он не позволит, чтобы их города и селения грабили сулланцы. В этом городке, напоминающем ему родную Нурсию, он создаст сенат. А мальчики, когда вырастут, станут военачальниками, пис-

цами, сборщиками налогов. Они научатся управлять своей страной. Испания будет не римской провинцией, добычей алчных наместников, а верной союзницей Рима.

* * *

Шли дни. Главной заботой Сертория было войско. Перперна привел к нему пятьдесят восемь когорт римских легионеров. Но у Метелла и Помпея не менее ста когорт. Поэтому Серторий набрал в войско иберов. Иберы и раньше служили в римской армии, составляя нерегулярные отряды. Серторий же задался, казалось, невыполнимой задачей. Он хотел превратить своевольных и безрассудных варваров в стойких римских легионеров. Но как показать иберам преимущества римской дисциплины? Как приучить их к планомерным действиям? Ведь не посадишь их всех на скамьи школы в Оске! А если превратить само войско в школу?

Однажды перед выстроеными на смотр иберийскими воинами показалась странная процессия. Ибер огромного роста и могучего телосложения вел на узде лошаденку с выпиравшими от худобы ребрами, настоящую клячу. Другой, маленький человечек в одежде римского легионера, вел статного могучего коня.

По знаку Сертория трубачи подняли трубы, и раздался уже знакомый варварам сигнал: «Внимание!» Тотчас же силач обеими руками схватил свою лошаденку за хвост и стал тянуть изо всей силы. Маленький шуплый римлянин между тем начал выдергивать волосы из хвоста своего великана. Выдернув волос, он показывал его словно для того, чтобы все могли убедиться, что он вырвал только один волос. Огромный ибер, напрягая все силы, по-прежнему тянул хвост своей клячи. Но вскоре под хохот воинов оставил свое бесплодное дело, а немощный его соперник без особого труда выщипал хвост у своего коня. Таков был наглядный урок, преподанный иберам: сила — в сплоченности.

Приучая иберов к римскому строю и римскому оружию, Серторий вынужден был быть снисходительным к их склон-

ностям. Иберийские варвары, как дети, любили все яркое и блестящее. Серторий разрешил им украсить свои щиты и шлемы серебром и золотом. Он смотрел сквозь пальцы на то, что одежда воинов была самых ярких расцветок. Но он был неумолим к тем их слабостям, которые могли подорвать дисциплину и ослабить боевой дух. Серторий сам не пил вина и не выносил пьянства. Стоило ему заметить, что кто-нибудь из воинов нетвердо держится на ногах, как он его наказывал, лишал награды. Если провинившийся не исправлялся, его безжалостно изгоняли из войска.

Воины Сертория привыкли довольствоваться самой скудной и грубой пищей. Им были нестрашны дальние многодневные переходы по бездорожью, в горах. Они спали на голой земле, не разжигая костров и не разбивая палаток. Сам Серторий наравне со всеми нес тяготы походной жизни. Он мог проводить на коне несколько дней подряд, в любое время года мылся в студеной воде горных рек, в отличие от Перперны и других своих подчиненных обходился без раба.

Все тело Сертория было в рубцах от ран. И он гордился ими более, чем фалерами, шейными цепями и даже травяной короной, полученной еще в юности за спасение войска от гибели¹¹. Шрам на плече мог напомнить о битве при Араузионе¹², после этой битвы раненый Серторий переплыл на щите бурный Родан¹³. Шрамы на груди остались от схваток с лузитанами, могущественнейшим из испанских племен. Шрам на лице и черная повязка, закрывавшая глаз, придавали Серторию сходство с Ганнибалом, здесь же, в Испании, вступившим на дорогу бессмертной славы. Многие называли Сертория вторым Ганнибалом. Но Серторию было труднее, чем великому карфагенянину. Ему неоткуда было ждать помощи. У него не было ни боевых слогов, ни нумидийской конницы. Родина не помогала ему, а высылала против него легионы, возглавляемые полководцами из враждебной сулланской партии. К тому времени, когда в Риме был совершен государственный переворот, Серторий находился в Испании, управляя ею в качестве наместника. Он не признал

нового правительства и отказался уступить ему власть над провинцией.

Одну победу за другой одерживал Серторий над сулланскими полководцами в Испании. Помпей, носивший громкое имя Великий, был по сравнению с Серторием щенком. Другой сулланец, Метелл (Серторий называл его презрительно «старухой»), отчаялся победить в открытой борьбе и назначил за голову Сертория награду.

Слишком был Серторий популярен, слишком его любил народ, чтобы кто-нибудь из полководцев мог с ним соперничать. Метелл и Помпей боялись славы Сертория так же, как его самого. И чем больше успехов имел Серторий, тем меньше у него было шансов вернуться на родину. И сам Серторий начал это понимать. Мысль о том, что он никогда не увидит матери, сделалась для Сертория совершенно невыносимой. На него нападала тоска. И тогда он удалялся от людей. Один бродил по горам, спал на камнях. Его приближенные говорили, что Серторий ищет белую лань или божество в образе белой лани, оказывающее ему покровительство. Об этой лани ходило много всяческих рассказов, один невероятнее другого. Утверждали, что тот, кто коснется шеи этой лани, станет непобедимым, что лань обладает даром речи и Серторий советуется с нею перед каждой битвой. Один лишь Перперна, когда его спрашивали о белой лани, говорил:

— Нет никакой белой лани. Она просто пригрелась людям, уставшим от похода.

Перперна завидовал Серторию. Он не мог простить ему, что воины заставили его, Перперну, подчиниться власти Сертория. Перперне казалось, что, не будь Сертория, он мог бы на почетных условиях вернуться в Италию. Но более всего раздражала Перперну непонятная любовь к Серторию варваров, на которую тот отвечал необычной для римского полководца заботой об их будущем.

«Учить грамоте варваров, предназначенных самой природой к грубому рабскому труду! — с возмущением думал Пер-

Пертерна. — К чему приведет это? Если варвары будут знать то, что знаем мы, они перестанут нам повиноваться. Испания будет потеряна. А какой это пример для других провинций!»

Пертерна решил действовать.

* * *

Однажды в лагерь Сертория, в нескольких милях от Оски, прибыл гонец. В его руках был свиток, перевязанный тесьмой, и какой-то квадратный предмет в тряпке.

— Меня прислал Клеарх, — сказал гонец. — Он просил передать это тебе в руки.

Серторий развернул свиток и пробежал его глазами. Заговор в школе! Во главе заговорщиков Индигил. Его помощники — сыновья вождей. Убийство должно произойти завтра, когда Серторий посетит школу. Доказательства? «Разверни и прочти!»

Серторий размотал тряпку. Церы. Серторий узнал бы эти церы среди тысячи других. Он приказал заказать их в Массилии, откуда родом Клеарх. Что же нацарапано на воске?

«Тиран — это похититель свободы и враг справедливости. Он скрывается под разными личинами, любит говорить о добре и благе народа, но ему дорого лишь собственное благополучие. Тот, кто убьет тирана, величайший из героев. Свободу у иберов похитил Серторий. И он достоин казни. Помни, завтра утром».

«Завтра утром... — подумал Серторий. — О том, что я собираюсь в Оску, из иберов знал один Летан. Наверно, он рассказал племяннику и дал ему оружие. Нет, это невозможно!»

Еще раз Серторий начал читать, но буквы плясали перед его глазами. Нет, это не буквы, а пропитанные ядом зубы змеи. Яд растекался и застыл, как воск. Он, Серторий, вскормил на своей груди змей. Он нарядил их в претексты, дал им все, что имеет свободнорожденный римлянин. Булла, золотое сердечко, на шее у гадюки!

В этот же день из Оски в преторий¹⁴ доставили Индигила. Его одежда была изорвана, на руках и ногах звенели цепи. Если бы Серторий не был ослеплен гневом, он прочел бы во взгляде мальчика недоумение. Но он ошибочно принял его за страх. Серторий стал угрожать Индигилу и требовать, чтобы он выдал сообщников. Серторий спрашивал о Летане. И мальчик вспыхнул от ярости. В нем проснулись гордость и презрение. Теперь Серторий не ошибался. Да, Индигил презирал его — человека, которого он совсем недавно считал богом.

«Чем отличается Серторий от других душителей моей страны? — думал мальчик. — Он не верит никому, даже своему побратиму! И как к нему подошла белая лань?!»

— Это твои таблички? — спросил Серторий, подступая к юноше.

Индигил молча кивнул головой.

— И ты не отказываешься от того, что в них написано?

Индигил вспомнил, что Клеарху более всего понравилось его сочинение о тираноубийцах. Он похвалил его за ясность мысли и чистоту слога. Особенно ему пришлась по душе заключительная фраза: «Тот, кто убьет тирана, величайший из героев». Наверно, она и вызвала гнев Сертория, подумавшего, что это написано о нем. Если бы Индигил теперь писал сочинение, он дополнил бы его. Он написал бы о том, что все тираны подозрительны. Тираны не верят никому и боятся всех. И если у человека проявляется подозрительность и недоверие к людям, знай, что в душе он тиран.

— Нет, не отказываюсь! — сказал Индигил.

Он хотел еще добавить, что не понимает, почему Серторий отнес эти слова из сочинения о Гармодии и Аристогитоне¹⁵ к себе. Но Серторий прервал его.

— Уведите его! — приказал он воинам.

В этот день Индигил и еще двое юношей, имена которых назывались в свитке, были казнены. Остальных учеников школы в Оске Серторий приказал продать в рабство.

Через несколько дней после казни заговорщиков в палатку Сертория ворвался Перперна. В его руках был небольшой кожаный мешок, затянутый сверху матерчатыми завязками. Перперна бросил мешок под ноги сидевшему Серторию.

— Что здесь? — спросил Серторий.

— Тебе известна история Камилла? — молвил Перперна, усаживаясь на ковер.

— Ты хочешь сказать — изгнанника Камилла, который спас Рим от врагов? Да, она мне известна лучше, чем любая другая быль древних времен. Ведь и я изгнанник, как Камилл.

— Я не о том, — сказал нетерпеливо Перперна. — Помнишь предание об осаде Камиллом Фалерий?

— Ах, вот ты о чем! Кто же не знает этой басни об учителе, выдавшем римлянам детей.

— Теперь ты начал меня понимать, — воскликнул Перперна, — а если откроешь мешок, поймешь до конца.

Серторий развязал завязки. На дне мешка была человеческая голова. По голому черепу Серторий догадался, что это голова учителя Клеарха.

— Кто убил его? Иберы? Они отомстили ему за то, что он выдал заговорщиков?

— Иберы! — Перперна захохотал. — Я убил предателя собственными руками. Я настиг его в нескольких милях от лагеря Помпея и отрубил эту презренную голову. В мешке, что у твоих ног, было серебро. Откуда у школьного учителя столько серебра? Как ты думаешь, Серторий?

Серторий с ужасом глядел на Перперну. Неужели Клеарх — предатель? Наверное, его подкупил Помпей. «Подлый выученик Суллы решил поднять против меня иберов», — думал Серторий.

— Теперь я вижу, ты все понял, — сказал Перперна. — Помпей решил поссорить тебя с иберами. И он добился этого. Видел бы ты, что делается в Оске! Серебра, что было в этом мешке, хватило на то, чтобы выкупить юношей, продан-

ных в рабство. Я сделал это — знал, ты поступил бы так же. Но Харон¹⁶ неподкупен. Мертвых не вернешь. Летан объявил, что он больше не считает себя твоим побратимом.

Серторий протянул Перперне таблички.

— А это? — сказал он дрожащим голосом. — Ведь это таблички Индигила? Он признал сам!

Перперна развернул таблички.

— Грубая работа! — бросил он, пододвигаясь к Серторию. — Обрати внимание. Запись начата не с верхней части таблички, а с середины. То, что было вверху, стерто. А последние слова написаны другой рукой. Негодяй старался подражать неумелому детскому почерку. Но сравни букву «а» на первой и второй табличке. Видишь, средняя черточка с завитками. Это ослиные уши Клеарха! Клянусь Геркулесом! Это просто школьное упражнение, которое Клеарх обработал специально для тебя!

— Почему же молчал Индигил? — глухо сказал Серторий.

— Ты не знаешь иберов? — молвил Перперна.

Серторий схватился руками за голову. Ему казалось, что он знал иберов. Но гнев ослепил его. Он попал в ловушку, вырытую изменником, и распорол свою душу о заостренные колья. Он принял гордость оскорбленного мальчика за дерзость и вызов. Он поверил предателю! Булла! Золотое сердечко захлебнулось в крови!

Ночь. Самая страшная из ночей в жизни Сертория. Он метался по палатке, как орел, пойманный в сети. Он убил неповинных детей! Летан объявил, что не считает себя больше побратимом, и отделился со своим отрядом. Он уйдет к Помпею. И тогда вся Испания будет потеряна. Утрачено все, чего он достиг трудом и терпением. И это сделал какой-то жалкий учителяшка грек! Что из того, что Перперна отрубил ему голову. Змеиный яд уже отравил чистую кровь Летана.

«Если бы я мог найти белую лань! — думал Серторий. — Если бы иберы увидели меня с нею! Я вернул бы их доверие. Они поняли бы, что я не виноват, что я стал орудием злой воли».

Еще солнце не поднялось над горами и лагерные петухи не начали своей переключки, как в палатку вновь ворвался Перперна. Он бросился к лежащему на ковре Серторию и начал его трясти.

— Чего ты от меня хочешь? — сказал Серторий.

— Победа! — воскликнул Перперна. — Летан разбил конницу Помпея. Убито двести врагов. Сто взято в плен. Вот донесение!

Это была первая победа после преступления в Оске, и Серторий счел ее возмездием за подлые интриги Помпея. Но более всего Сертория обрадовало, что победителем оказался Летан, человек, перед которым он был так виноват. Узы, связывающие дядю и племянника, у варваров очень крепки. «Иберы простили мне мою ошибку! — думал Серторий, читая донесение Летана. — Они поняли, что я был введен в заблуждение предателем. Они не изменили мне!»

Тотчас же Серторий приказал совершить благодарственное жертвоприношение. И еще не стекла с алтаря кровь жертвенного животного, как к Серторию подошел Перперна. На голове его был венок, лицо дышало миролюбием и радушием.

— Видишь, Серторий, — сказал Перперна, — правда всегда торжествует победу. Наказан не только предатель Клеарх, но и его покровитель Помпей!

Серторий с благодарностью взглянул на Перперну. «Этот человек предан мне, — думал полководец. — Как хорошо он выразил мои чувства!»

— Я предлагаю, — продолжал Перперна, — отметить эту победу в кругу друзей. Сегодня я приглашаю тебя в Оску на пир.

— В этот день твое приглашение мне очень дорого! Я с благодарностью его принимаю.

Пир был в разгаре. Перперна возлежал против Сертория. Он был очень оживлен. Серторий относил это оживление за

счет торжественности события, которое приближало окончательную победу над Помпеем. Серторий и не догадывался, что не было никакого сражения между отрядом Летана и конницей Помпея. Гонец, доставивший Серторию донесение, был одним из заговорщиков, а донесение составлено самим Перперной.

— Я слышал, у Красса¹⁷ появилось новое увлечение, — рассказывал между тем Перперна, пододвинув к себе чашу с вином. — Он занялся рыбами! В своем поместье под Неаполем Красс приказал вырыть каналы, соединяющиеся с морем. В каналы были выпущены рыбы самых диковинных видов. Целыми днями Красс наблюдает, как резвятся его «милые рыбки». К ним приставили особого раба, которому Красс дал кличку Нептун. Однажды мостик, с которого Красс наблюдал за рыбами, провалился, и Красс упал в воду. Мурены¹⁸ сожрали бы его, если бы на помощь не подоспел Нептун. И как ты думаешь его отблагодарил Красс? Он сказал: «Бедные рыбы! Вас так плохо кормят, что вы чуть не съели своего господина!» И тотчас же приказал связать Нептуну руки и бросить его рыбам на корм.

Послышался смех и возгласы:

— Ай да Красс!

— Что тут смешного! — резко сказал Серторий. — Все они таковы, выученики Суллы! Из-за них восстали рабы. Одного раба Красс бросил рыбам. А сколько его невольников перебежало к Спартаку?! Скорее можно встретить белую лань, чем дождаться благодарности от сулланца!

При словах «белая лань» ноздри Перперны вздрогнули. Или, может быть, это только показалось Серторию?

— Помнишь, Перперна, ту белую лань? — продолжал Серторий, опуская голову на подушку. — Тебе, наверно, ее появление показалось чудом?

Перперна сжал губы. Можно было бы уже дать знак, но хочется выслушать историю лани, лани, давшей Серторию власть над иберами. Серторий стал для них вторым Вириатом. Как это случилось, что к нему подошла лань?

— В тот год, когда я понял, что из меня не выйдет Геракла... — начал Серторий проникновенно.

— Ты хотел стать Гераклом! — слышался чей-то насмешливый голос. — У Геракла были оба глаза.

Но Серторий продолжал, словно не догадываясь, что его хотят умышленно вывести из равновесия:

— ...мне пришлось жить в пещере с охотником и воином Спаном. Нет, я начну сначала. Бывал ли кто-нибудь из вас близ Гадеса¹⁹, где Европа и Ливия²⁰ сходятся, как два борца перед смертельной схваткой? Два материка. Два великана. Один — широкоплечий, синеглазый, с копной светлых волос, прямым носом. Это Европа. Другой — смуглолицый, черноглазый, с толстыми губами и вьющимися, как у барана, волосами — Ливия. Геракл и Антей! Схватка между ними длится веками, и кто знает, закончится ли она когда-нибудь. Как-то Антей, перешагнув пролив, соединяющий наше море²¹ с океаном, ринулся через непроходимые снежные горы на зеленые равнины Италии. Антей стоял у ворот Рима. Тогда его звали Ганнибалом. И много полководцев хотело померяться с ним силами. Но боги предназначили быть Гераклом одному Сципиону. И Ганнибал был повержен на землю. Ганнибал, но не Антей. Новое имя Антея — Югурта²². Там, где он не мог взять силой, он брал храбростью и коварством. Сколько горьких поражений пришлось на долю наших отцов, пока не появился новый Геракл. Другое его имя — Гай Марий. В цепях был приведен в Рим Югурта, Югурта, но не Антей. А Марий погиб от яда междоусобной войны²³. Долго я не решался подобрать львиную шкуру и палицу Геракла. Мне помогли кликийские пираты. Они переправили меня и моих друзей в Тингис²⁴. Там мне показали могилу Антея. Я тогда еще не знал, что Антей — это не какой-то один герой, а вся Ливия. Я, глупец, приказал воинам раскопать эту могилу. Потом досужие языки разнесли слух, что я нашел кости гиганта. Нет, Антей не умер! Ливийцы, которыми командовал Аскалпс, устраивали засады. Им помогали их степи и горы. К моим прежним ранам прибавилась эта. — Серторий показал на глаз.

В комнате воцарилась тишина. Все оставили свои фиалы, слушая как замороженные эту речь, полную ума и блеска. В образах с детства знакомого мифа о схватке Антея и Геракла вставала история кровопролитных войн Рима с Карфагеном и Нумидией.

— Поняв, что Антея не победить, я вернулся в Испанию, — продолжал Серторий. — Но здесь уже орудовали султанцы. Мой верный друг Спан укрыл меня от псов Суллы в горах Лузитании. Я жил в пещере и мечтал об островах Блаженных²⁵. В Гадесе мне рассказали о них моряки. Там постоянно дуют мягкие и влажные ветры. Воздух животворен. Земля не истощена, и на деревьях много плодов. Я готов был прожить остаток жизни на этих островах, забыть о родине, где воцарились обман и насилие. Однажды пришел Спан и, как всегда, положил к моим ногам свою корзину. В ней что-то шевелилось. Спан открыл корзину и вынул из нее крошечного олененка. Он был совершенно белый, как молоко или как снег на горных вершинах. Мне раньше приходилось видеть белых египетских зверьков, кошек, как иначе их называют. Спан не раз приносил мне белых кроликов с красными глазками. Но белого оленя я никогда не встречал. С этого дня у меня появилось занятие. Я стал ухаживать за олененком, у которого убили мать. Олененок совсем привык ко мне, спал со мною рядом, положив на меня свою голову. Но как я мог покинуть это маленькое доверчивое существо? Его съели бы волки! И ты знаешь, Перперна, с тех пор, как у меня появился олененок, мое будущее перестало мне рисоваться в черных красках. И я решил продолжать борьбу...

Перперна поднял чашу вина и, пригубив, со звоном уронил ее. Это было условным знаком. И сразу же Марк Антоний, сосед Сертория, нанес полководцу первый удар в спину. Кровь обагрила белую тунику. Раненый Серторий повернулся и попытался выпрямиться, но другой заговорщик прыгнул ему на грудь и схватил за руки. На голову Сертория обрушились удары.

Перперна встал. Ноздри у него раздулись, как у хищного зверя, почуявшего запах крови. С видом победителя он оглядел своих растерянных и побледневших сообщников. Теперь он главнокомандующий армией, и никто не помешает ему договориться с Помпеем.

* * *

Ветер дул в лицо. Пыль забивалась в глаза, бороды, складки одежды. Листья, сорванные с деревьев, кружились над ущельем как стая испугнутых птиц. Кайкий! Так называют этот северный ветер. На заре он рождается как вздох ребенка, как нежное дуновение, а с восходом солнца набирает силу и свирепеет.словно кто-то отвалил камни, выпустил из пещеры духов, и они обрушили на римлян всю свою затаенную ярость. Скалы сыпали на воинов песок и мелкие камушки. Деревья протягивали к горлу свои голые изломанные ветви. Внизу негодуяюще шумела река, в реве волн слышались гнев и укор. А ветер дул все сильнее и порывистей, пронизывая насквозь. Кайкий! От его ледяного дыхания не укрыться за плащами и латами. От него не спрятаться за чужой спиной...

Всего пять миль от Оски, где был убит Серторий, до лагеря, где стоял Летан со своими иберами. Но Перперне казалось, что дороге нет конца. Она тянулась бесконечными петлями, словно кому-то хотелось поймать его в западню.

Но кто это скачет, прижавшись к гриве коня, будто подгоняемый ветром? Сам Летан! Один! Без воинов! Что его заставило покинуть свой лагерь, не дождавшись Перперны? И почему он молчит? Почему не поднимает глаз? Неужели смерть Сертория его не радует? Или он догадывается, кто толкнул Сертория на убийство Индигила?..

Летан и Перперна молча ехали рядом. Мерно стучали копыта по каменистой земле. Кони встряхивали гривами. Пахло прелыми листьями и еще чем-то неуловимым.

Внезапно Летан остановил коня и соскочил на землю. Что случилось? Перперна повернулся. У него перехватило дыхание — опять эта белая лань! Лань, о которой рассказы-

вал перед смертью Серторий. Нет, Серторий говорил о белом беспомощном олененке. Перперна не дал ему закончить рассказ. Он выронил чашу с вином, и кровь залила белую тунику, брызнула на пол. А лань стоит на утесе. Все смотрят на нее, запрокинув головы. От нее не отвести глаз. Это не видение, не призрак...

Пошатываясь, Летан шагнул к Перперне. Какие у него огромные глаза! Перперна в ужасе отпрянул. Но ему нечего бояться. Конечно, Летан не хочет причинить ему зла. Он сам напуган и растерян. Его шаги неуверенны, словно перед ним внезапно возникла пропасть, и он идет по ее краю.

— Белая лань ищет Сертория, — сказал ибер, словно разговаривая со своей совестью. — А я его не уберег.

Дрожь пробежала по его телу. Он взглянул на Перперну — так, будто раньше его не замечал. В глазах его вспыхнул злобный огонек. Потом, резко повернувшись, Летан побежал к своему коню. Послышался дробный стук копыт. Или это стучит сердце Перперны, замирая от страха, предчувствия неотвратимой беды?..

Перперна понял, что означала эта вспышка гнева и внезапный отъезд Летана. Летан решил покинуть Перперну и скачет, чтобы сообщить решение своему отряду. Примеру Летана последуют и другие иберы. Перперна и его небольшое войско останутся одни. Помпей узнает об этом и воспользуется случаем. Не почетный мир, не возвращение на родину ожидают Перперну, а позорная смерть...

Римляне молча окружили Перперну. Тот переводил взгляд с одного лица на другое. И ни в одном он не находил сочувствия, воины не замечали его, словно он был уже мертв. Перперна отыскал глазами Марка Антония. «Антоний, что с тобой? Тебя тоже смутила эта белая лань?»

— Уходи, Перперна, — глухо сказал Антоний. — За один день ты растерял все, что Серторий создал за десятилетие. Ты предал нас.

Это был конец. Римляне расступились. Перперна шел опустив голову. Так идут осужденные на смерть²⁶.

Забившись в угол, под рогожи, Прокл видел, как вывели из дома отца. Отец не кричал, не сопротивлялся, он шел, наклонив голову, как бык, которого ведут на убой. Конечно, он мог бы дорого отдать свою жизнь, убить двух или трех юнцов, но тогда остальные подохгли бы хижину.

Прокл затрясся в рыданиях. Он знал, что отец больше никогда не вернется, как не возвращались те, кого уводили спартиаты. Тела уведенных находили в роще за деревней или на берегу реки. Их хоронили молча, словно это были какие-нибудь преступники. На похоронах не было никого, кроме родных. Вообще люди в деревне сторонились друг друга и, словно по молчаливому уговору, никогда не вспоминали о тех, кого уже нет.

Так уж повелось, что весной спартиаты приходили в деревню и убивали кого им вздумается. Впрочем, они никогда не трогали женщин и стариков. И на детей они не обращали никакого внимания. Они выбирали лишь молодых и сильных мужчин, тех, которые могли дать им отпор. Для юных спартиатов это была игра. Целыми сутками они лежали на огородах, в стогах сена. Как волчата, притаившись, они высматривали добычу. Ночью они подкрадывались к хижине

жертвы, убивали ее на месте или уводили с собой. Эта игра называлась криптией.

Давно уже Прокл задумывался над тем, почему спартиатам нужно относить сыр, мед, мешки пшеницы или бобов, почему они нападают на сельчан и убивают их. Никто не смог или не захотел ответить на эти мучившие мальчика вопросы. «Так уж повелось, — обычно говорили старики. — Наши отцы и наши деды платили спартиатам дань. Спартиаты всегда убивали, кого им вздумается».

Даже мысли об иной жизни считались преступлением. Отец рассказывал, что однажды спартиаты обратились к сельчанам и предложили всем желающим получить свободу внести небольшой выкуп — три овцы. Нашлось немало таких, кто пожелал освободиться. Спартиаты собрали у них овец, надели выкупившимся в знак освобождения на головы венки и увели с собой. Больше их никто не видел.

В прошлом году Проклу удалось побывать в селении, где жили спартиаты. Оно называлось Спартой. Дома, в которых жили спартиаты, были ненамного лучше, чем хижина Прокла. Но Спарта многим отличалась от его родной деревни. В ней не было ни одного фруктового дерева, ни одного возделан-

ного клочка земли. Во всяком случае, Проклу они не встретились. Да и зачем спартиатам возделывать землю, ухаживать за яблонями и грушами, если им принесут все готовое? У большого дуба, в самом центре Спарты, где дома крыты черепицей, а не соломой, стоял длинный деревянный стол. Здесь под открытым небом обедали мужчины и юноши. Здесь они пели свои воинственные гимны и обсуждали, на кого им напасть или какую дань взять с илотов. Илотами они называли жителей окрестных деревень. Маленький Прокл был тоже илотом. Илотами были его отец и дед. И каждый, кто рожден в селениях на берегу говорливого Эвроты и кто не был спартиатом, назывался илотом.

Более всего Прокла поразило, что в Спарте народу не больше, чем в трех-четыре деревнях. А по пути в Спарту он прошел через семь деревень. Но были и еще деревни, где жили илоты. Илотов было в десять раз больше, чем спартиатов.

Наверно, поэтому спартиаты убивали молодых и сильных илотов. Они боялись их. Поэтому же они держали илотов в разобщении, запрещая жителям разных деревень торговать друг с другом и заключать браки.

Со смертью отца Прокл стал старшим в семье, хотя ему не было и четырнадцати лет. Теперь ему приходилось не только выгонять овец на луг, но и пахать землю, молотить зерно и выполнять другие мужские работы. Правда, у отца были братья, которые могли помочь, но у них свои семьи, свои заботы. И самое

главное, жители деревни, даже близкие родственники, боялись помогать друг другу.

В тот памятный для Прокла, да и для всей деревни, день он косил траву у рощи. Было знойно, и мальчик, утомившись, лег в свежескошенную траву отдохнуть. Его внимание привлек ровный стук, напоминающий удары дятла. Стук доносился со стороны дороги. По дороге шел высокий седой человек с каким-то непонятым предметом на боку. В правой руке у странника был посох, и он, выставив его, стучал по земле, словно ощупывая дорогу. Прокл догадался, что это слепец.

В деревне было не принято подходить к чужому человеку. Но Прокл подумал, что незнакомец не знает дороги и, наверное, заблудится, если ему не помочь.

Прокл пошел навстречу слепцу. Теперь, когда тот был почти рядом, Прокл видел, что это старик с седой бородой чуть ли не до пояса, а предмет, висевший на боку у старца, оказался кифарой.

Старик услышал, что к нему кто-то идет, отпрянул в сторону. Он чего-то испугался.

— Это я, Прокл, — сказал тихо мальчик. — Хочешь, я доведу тебя до деревни?

— Подойди ко мне ближе, — сказал старик.

Он положил руку на плечо мальчика, быстрым привычным движением провел пальцами по его лицу и рваной соломенной шляпé.

— Я вижу, ты добрый мальчик, — произнес старик после недолгой паузы. — Ты не похож на тех, кто бросал в меня камни и подставлял под ноги палки, чтобы я упал. Ты видишь, как изранены мои ноги?

Прокл взглянул на ноги старца. Они были в ссадинах и крови.

— Ты, наверно, илот? — спросил старик, когда они подошли к самому дому.

— В нашей деревне все илоты, — ответил мальчик.

Посадив гостя на пороге хижины, он сбегал за глиняной

миской с водою и поставил ее возле его ног. Старик погрузил ноги в воду, и на его суровом утомленном лице появилось выражение удовлетворенности и спокойствия. Он понял, что здесь его не обидят и в эту ночь у него будет кров над головой.

Введя старика в дом, Прокл предложил ему лепешку с куском овечьего сыра.

— Прости, что мне больше нечем тебя угостить, — сказал мальчик. — С тех пор как спартиаты убили моего отца, жить нам стало трудно.

Старик снял с себя кифару и взял из рук мальчика еду.

— Дорог не обед, а привет! — сказал старик и улыбнулся. Насытившись, слепец обратился к мальчику.

— Я беден, — сказал он. — У меня нет даже такой хижины, и единственное богатство мое — кифара и песни. Ими я хочу отплатить тебе за доброту.

Старик нащупал кифару, положил ее себе на колени и тихо провел по струнам рукой. У певца был красивый сильный голос. Через равные промежутки времени он щипал одну из струн, извлекая из нее тонкий звук.

Прокл никогда не слышал песни. Не слышали ее и другие жители деревни, боявшиеся даже громко говорить. Петь могли только спартиаты. Песни, которые они пели на пирах, прославляли силу и жестокость. С воинственными песнями они шли в бой.

Размеренная речь заворожила мальчика. Прокл сидел не шелохнувшись, с широко раскрытыми глазами и ловил каждый звук. Он не заметил, как хижина наполнилась людьми. Те, кому не хватило места в хижине, стояли у ее дверей. А старик все пел и пел. Люди слушали, и по щекам у многих текли слезы. Они плакали не потому, что была грустна песня — старик пел о схватках, приносящих победу, о веселых пирах, о прекрасных женщинах, перед красотой которых не могли устоять даже боги. Люди плакали потому, что их жизнь была так непохожа на жизнь героев песни. Они вспоминали

погибших и впервые подумали, что их можно было спасти, если бы взять в руки мечи.

А старик все пел и пел. Он пел о златообильных Микенах и об их могущественном царе Агамемноне, осаждавшем крепостенную Трои. Он пел о приключениях властителя Итаки Одиссея, о сыне его Телемаке, посетившем песчаный Пилос. И ни слова в его песне не было про Спарту. Словно во время рождения песни не было ни спартиатов, ни илотов.

Старик кончил. Долго царило молчание. Наконец кто-то спросил старца:

— Где находился город Микены? Где был Пилос и другие города твоей песни? Или это все выдумка?

— Боги лишили меня света, — отвечал старец, — но настоящие слепцы — это вы. Разве вы не видели на полях огромные отесанные камни? Разве вам не приходилось выкапывать из земли раскрашенные черепки?

Илоты кивали головами:

— Да, мы видели огромные камни, отесанные циклопами. Их не поднять и десятерым. Да, мы находили яркие черепки, заржавленные мечи и кинжалы. Мы ломали и бросали их в Эврот. Мы знали, что спартиаты убьют каждого, у кого найдут оружие.

— Слепцы вы, слепцы! — сказал старый певец. — Эти камни — остатки древних городов. Близ Эврота находился город Амиклы, ближе к морю — Микены, Тиринф. Эти камни обтесывали не циклопы, а ваши предки. И мечами владели ваши предки. И Трои осаждали они. Вы живете в стране своих предков. Однажды в нашу страну вторглись воинственные дорийцы. Они захватили и разграбили города. Многих они перебили и продали в рабство, а оставшихся в живых поселили на берегу Эврота, заставив платить дань.

— Так ты пел песню о наших предках? — спросил Прокл.

— Да, мой мальчик! — ответил старик.

Прокл не спал всю ночь. Он думал об отце, погибшем так же, как погибали другие. Жаль, что отец не слышал песни старца. Он не пошел бы на смерть безропотно, как овца.

И другие, если бы они раньше слышали песню, пришли бы отцу на помощь. Они не дали бы его убить.

Было еще темно, когда поднялся старец. Лишенный света, он не знал, длится ли еще ночь или уже наступил день. Тихо он вышел из хижины. Палка застучала по земле.

И тут Прокл понял, что он не может больше оставаться в этих стенах. Он не может работать, чтобы другие пользовались его трудом. Он не может ждать, пока он вырастет и спартиаты убьют его, как убили отца. Жаль мать и сестер, но он должен их покинуть. Его зовет песня, пробудившая к жизни.

Где-то там за Тайгетским хребтом, недалеко от места, где стоял песчаный Пилос с дворцом мудрого Нестора, есть высокая гора. Ее имя Ифома¹. Старик сказал, что на эту гору бегут все, кто не может вынести издевательств и насилий спартиатов. Прокл отыщет эту гору. У него зоркие глаза и сильные ноги. А потом он приведет на Ифому мать и сестер. Он укажет туда дорогу всем илотам.

Долго длилась ночь. Но уже забрезжил свет. Старик и мальчик шли рядом. Песня звала их вперед, туда, откуда виден весь мир.

ЛИСИЦА

Аристомен с усилием приподнял голову. Кровь текла по лбу и заливала глаза. Раны на голове, наверное, неопасны, но правой рукой не пошевелить. Кажется, она сломана выше локтя...

Память вернула Аристомена к тому, что было утром. Он шел по узкой горной дороге. Чуть ли не наступая ему на пятки, за ним шагали спартиаты. Когда Аристомен приостанавливался, чтобы передохнуть, острие меча касалось его лопаток. Невыносимо хотелось пить. Перед тем как выйти из лагеря, спартиаты позавтракали. Он видел, как они ели, пили вино. Младший из них, подбробнее, протянул Аристомену амфору. Но старший, злобный, как цепной пес, вырвал ее из рук. «Кур перед смертью не поят!» — произнес он с ухмылкой.

Аристомен вспомнил, как год назад он стал свободен благодаря странному случаю, в котором он склонен был видеть вмешательство богов. Девушка в одеянии жрицы незаметно для часового проникла к нему, связанному узнику. В руках у нее был факел. Не говоря ни слова, она поднесла факел к веревкам и пережгла их. Аристомен не успел и опомниться, как девушка исчезла. Он даже не знает ее имени. Может быть, и теперь боги не оставят его? Но нет, на этот раз ему не спастись...

По дороге конвоиры заспорили. Нещадно палило солнце, и младшему надоело идти по жаре, он решил заколоть пленника. Но старший настоял на своем. Аристомен слышал, как он сказал: «Этот не заслужил легкой смерти. Пусть помучается! Сколько он нам причинил беспокойств!»

Аристомен уже тогда понял, что его ведут к Кеаду. Одно это слово могло внушить ужас. Близ этой пропасти не встретишь живой души. Пастухи со своими отарами обходят ее за много стадий¹. Говорят, даже птицы не вьют своих гнезд близ Кеада. Там бродят призраки казненных.

Аристомен остановился на самом краю пропасти. Камни посыпались из-под его ног. Он невольно закрыл глаза. Старший спартиат заметил это и злобно прошипел:

— Ага! Струсил! Зря тебя называют Неустрашимым.

Аристомен хотел было ответить, что обязан своему прозвищу не расправе над беззащитными пленниками, не предательскому нападению на спящих, но победам в открытом бою. Он не успел и рта открыть. Младший спартиат крикнул: «Кончай!» И Аристомен ощутил толчок в спину. Последнее, что он услышал, падая, было: «Лети в Аид!..»

...Ладонью левой руки Аристомен стер со лба и щек запекшуюся кровь, потом медленно открыл глаза. Над ним был клочок неба, круглый, как щит. Кое-где выступали зеленые ветки. Один из этих кустов спас Аристомену жизнь. Лучше бы разбиться насмерть. «Из Кеада еще никто не возвращался». Так сказал этот пес! Аристомен в глубоком каменном колодце. Даже если бы у него не была повреждена рука, ему бы все равно не выбраться отсюда.

Восставших мессенцев² спартиаты бросали в Кеад. Может быть, и другие гибли не сразу. И пастухи слышали не голоса духов, а вопли умирающих. Люди погибали здесь от голода и жажды. И никто не мог им помочь.

Как хочется пить! Губы распухли. Гортань воспалена. Хотя бы один глоток воды перед смертью! Аристомен перевернулся на грудь и пополз, стараясь не причинить боль сломанной руке. Он искал воду, хотя и знал, что на дне про-

пасти не может быть воды: кругом все голо и сухо. Хотя бы одну каплю воды!

Что-то зашуршало. На камне появилась ящерица. Она взглянула на Аристомена своими маленькими желтыми глазками и молниеносно исчезла в расщелине. «Куда ты убежала, ящерица? — прошептал Аристомен. — Я бы тебе не сделал зла...»

А что там белеет впереди? О, гряда человеческих костей. Оскаленный череп... Аристомену впервые в жизни стало страшно. Волосы зашевелились у него на голове. «Кем ты был? — подумал он. — И какой была твоя смерть? Умер ли ты, не приходя в сознание, или искал воду, как я? Может быть, кричал, звал на помощь. Эхо усиливало твой голос. А пастухи бежали, словно за ними гнались злые духи».

Аристомен отвернулся, чтобы не видеть черепа и пустых глазниц. «Такая участь ожидает и меня. Моя душа будет скитаться по свету до тех пор, пока случайно не обрушится скала и не покроет моих костей».

Аристомен закрыл глаза. Ему вспомнился Критий. Правильно говорят мудрецы: не называй человека счастливым, пока не узнаешь, какой у него будет конец. Критий испытал неисчислимое множество бед. Спартиаты сожгли его дом, замучили сестру, убили мать. Три года он был в плену и добывал руду под землею. А вот смерть у него была легкой. Критий умер от ран среди друзей. Обнимая Аристомена холодеющей рукой, он сказал: «Воин должен быть не только львом, но и лисой». Это были его последние слова. «Да, Критий прав. Мало одной отваги. Спартиаты перехитрили нас, подослав в отряд этого хромого илота. Он выдал врагам наше убежище близ Амикл. Во время боя ударил меня сзади камнем. И я попал в руки врагов».

Аристомен приоткрыл глаза. Что-то огненно-рыжее мелькнуло в нескольких шагах от него. Лисица? Нет, этого не может быть! Откуда здесь лисица? Это предсмертное видение: он подумал о лисице, и она пришла. Скоро он увидит и воду. Как Тантал, наказанный небожителями, он будет сто-

ять по горло в воде и терзаться жаждой. Вода отступит, когда он захочет сделать глоток. А потом придут друзья, которых нет в живых. Что он им скажет?

«Нет, друзья — ты, Критий, и ты, Сигей, — я не боюсь вашего суда. Совесть моя чиста. Я принимал в войско всех, кого Спарта сделала рабами. Вы скажете, что я был беспечен. Но подозрительность во сто крат хуже беспечности. Она превращает самых близких людей во врагов. Правда, нашелся один презренный предатель. Но ведь остальные илоты сражались как львы. И если бы...»

Аристомен пошевелился, и лисица побежала, посыпались камешки. В нескольких шагах лиса остановилась и повернула к нему свою острую мордочку.

Аристомен тряхнул головой, чтобы прогнать этот призрак. Но лисица не исчезала. Он понял, что это живая лиса. «Что ей здесь надо? А, она голодна. Ее привлек запах моей крови. Но как она сюда попала? Она ведь не могла спуститься, как ящерица, по отвесной скале. Может быть, ее поймали в курятнике и сбросили вниз, как меня? А теперь она ждет моей смерти».

Аристомен нащупал камень и поднял его. Взмахнув хвостом, лисица исчезла за выступом скалы. Он пополз за нею. Но лиса словно провалилась под землю. И Аристомену вновь стало казаться, что это был призрак.

Скала, под которой лежал Аристомен, была в каких-то красноватых пятнах. Такие пятна оставляет вода. Нет, не дождевая. Здесь был источник. Он иссяк или изменил направление. А может быть, вода еще здесь, в скале?!

Аристомен занес руку, чтобы ударить по красным пятнам, как будто это могло дать выход воде. Но камень выскользнул из ослабевшей руки и упал в кусты. Аристомен смотрел, как падает камень, и вдруг за кустами заметил какое-то углубление. Наверное, это лисья нора, и лиса не привиделась ему.

Аристомен подполз к кустам и отодвинул колючие ветви. Нет, это отверстие непохоже на лисью нору. Запахло

сыростью. «Где-то здесь должна быть вода! — подумал он и облизал пересохшие губы. — Неужели вода?»

Аристомен просунул голову и плечи в отверстие, но его остановила мучительная боль в руке, и на мгновение он потерял сознание. Очнувшись, он сделал еще одно движение. Теперь все его тело было в норе. «А что, если это тупик и я не смогу выбраться назад, задохнусь? Не лучше ли перед смертью увидеть клочок неба?» И все же он двинулся вперед.

Ход расширился. Теперь Аристомен мог уже ползти на четвереньках. Какой здесь мрак! А что, если это спуск в Аид, где обитают тени умерших, и я живым, как Одиссей, попаду в их царство? Но в Аиде текут Ахеронт и Лета³, и я напьюсь, напьюсь, напьюсь!»

Ход стал еще шире и выше. Аристомен смог наконец подняться во весь рост. Шатаясь от усталости, наталкиваясь на

стены, он брел и бред, пока его ступни не ощутили ледяной холод.

Вода! Аристомен лег на землю и, зачерпнув ладонью воду, сделал первый глоток. Вода! Она прекраснее нектара, который пьют боги на Олимпе. Нет, это не вода Леты, один глоток которой заставляет забыть землю и жизнь. Это не вода забвения. Она напомнила Аристомену о жизни и о долге перед живыми. Напрасно ликуют спартиаты, празднуя свою победу у Амикл. Напрасно они приносят благодарственные жертвы богам. Мессенцы не станут илотами. Мессения ждет Аристомена. И он явится из-под земли. Теперь он будет осторожнее и хитрее. Осторожность — это не подозрительность. А хитрость — просто знание жизни, умение отводить от себя ее удары.

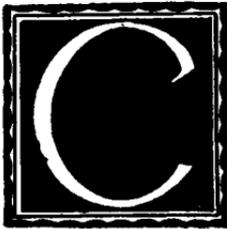
Аристомен шел по щиколотки в воде. Но рано еще думать о жизни. Есть ли у этой пещеры выход? Или он будет идти, пока не обессилеет от голода? Но лиса! Не этим ли путем она пришла в Кеад? Лиса! Лисонька! Где ты?

«Что белеет там, впереди? Неужели опять чьи-то кости? Кто-то до меня искал выхода из Кеада и не нашел?..»

Но нет, это не кости. Это был луч света. Он пробился сквозь отверстие, заросшее зеленью. Протянув вперед здоровую руку, Аристомен шел навстречу свету. Чтобы не задеть головой каменный свод, он пригнулся и, ударяясь плечами о камни, но не чувствуя боли, побежал.

Наконец его рука нащупала ветви. Он поднял голову.

Первое, что он увидел, был хвост лисы, огненно-рыжий, как солнце, зовущий, как жизнь.

Связанный резко повернулся. Овчина, которая была на нем, свалилась. Открылось слегка удлиненное лицо, высокий лоб, родинка на правой щеке. Каллистрат понял, что это Дримак¹. В памяти Каллистрата возникла агора, заполненная людьми. Казалось, он слышал голос глашатая, объявлявшего приметы вожака взбунтовавшихся рабов: «Родинка на правой щеке, нос с горбинкой, следы от ножных оков на щиколотках ног. Тысяча драхм свободному, кто укажет место, где скрывается Дримак, пятьсот драхм и освобождение рабу». Но теперь Каллистрата не прельщали эти пятьсот драхм.

Дримак приподнял голову и в упор посмотрел на вошедшего.

— Заходи, Каллистрат, заходи, — сказал Дримак. — Ты ведь такой же раб, как и я. Не бойся, у меня нет оружия. К тому же руки связаны. Мне не справиться с воинами!

Каллистрат медленно пятился назад, к порогу. Даже безоружный, со связанными руками, этот человек внушал ему ужас. Взгляд его пронизывал насквозь. Сколько в нем было презрения! Кроме того, Каллистрат не мог понять, о каких воинах говорит Дримак. Да, воины были, но теперь никого нет. Где же они? Мертвая тишина. Может быть, они пере-

шли на сторону восставших? Если бы Каллистрат мог предполагать это, он не решился бы зайти в хижину, где скрывался Дримак. Пятьсот драхм! Пусть они подавятся ими.

— Что же ты уходишь? — спросил Дримак. В голосе его послышалась угроза. — Я ведь с тобой еще не расплатился! Знай, Дримак никогда не останется в долгу!

Каллистрату хотелось сказать, что он ни при чем, что не он привел сюда воинов... Но язык словно прирос к небу. Боги лишили Каллистрата дара речи.

Каллистрат бросился на колени. Он простирал к Дримаку руки и беззвучно молил о пощаде. Ради детей. Они погибли... Астизии их не прокормить. Она ленива и не способна ни на что, кроме болтовни. А родни у него нет, он ведь только раб.

Но Дримак был неумолим. Он сделал знак головой, и по этому знаку словно из-под земли выросла тень. Каллистрат скорее догадался, чем увидел, что это Давний. Над головою Каллистрата взлетела дубина...

Астизия пробудилась от душераздирающего вопля. Протирая глаза, она смотрела на супруга, не понимая, что произошло.

— Что с тобою, Каллистрат? — наконец спросила она.

— Спи! — сказал Каллистрат, вытирая ладонью пот со лба. — Мне просто приснилось.

— Расскажи, что ты видел во сне. Бывают сны со значением.

— Спи, Астизия! — сердито проговорил Каллистрат. — Не помню, что мне привиделось. Не помню!

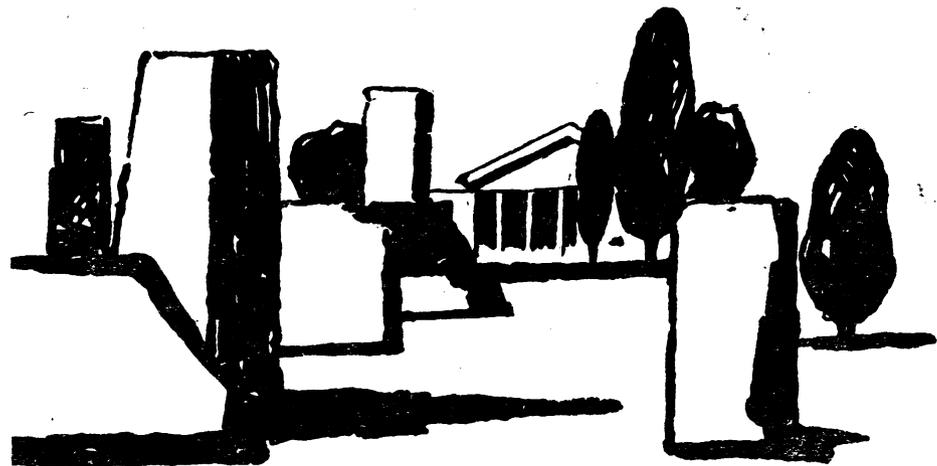
И Каллистрат повернулся спиной к жене.

В эту ночь Каллистрат не сомкнул глаз. Неотступно он думал о сне. «Приснится же такое! Дримак мертв вот уже десять лет. Ведь моему первенцу Никандру девять. Он родился через год после казни Дримака. До этого я не мог иметь семьи. Видно, дух Дримака неспокоен, если он меня тревожит ночью. Что ему надо в моем доме!»

И тут Каллистрата словно осенило. Давний и Сир! Вот где разгадка сна. Вчера он приказал высечь молодого пастуха Сира за ягненка, которого утащил волк. Давний вступился за Сира. Прежде этого не случалось. Ведь Давний не был каким-нибудь варваром, случайно купленным на рынке. Он вырос в том же доме, где был рабом сам Каллистрат. Поэтому, когда Каллистрат стал свободным, он купил Давния, но ни разу не поднимал на него руки. И Давний был послушнее овцы. Откуда у него взялась такая дерзость? Когда Каллистрат со всего размаху ударил Давния, старый раб крепко сжал в руке свой посох, напоминающий дубину Геракла, и посмотрел на господина с такой злобой, что Каллистрату стало страшно.

«Да, права Астизия. Это сон со значением. Давний затаил месть. Он хочет меня убить. Наверно, дух Дримака внушил старому рабу непокорность. А если этот дух возмутит и других рабов? Тогда бросай все и беги! Надо бы рассказать гражданам Хиоса о вещем сне и предупредить их об опасности. Но как бы не задумались рабы, не забывшие своего

Дримака, почему именно мне привиделся этот сон. Нет, лучше иметь дело с самим Дримаком. Тем более, что он мертв. Надо с ним договориться подобру...»

Каллистрат поднялся и, не зажигая светильника, стал шарить за деревянным сундуком. Там стояла амфора с хиосским вином. Каллистрат берег его для знатных гостей, но сейчас он ничего не пожалеет. Нашупав горлышко амфоры, он осторожно вытащил ее и тихо, чтобы не разбудить жену, вышел.

Уже брезжил рассвет. Солнце наполовину вышло из моря. Его косые лучи осветили черепичные крыши. Дом Каллистрата спал. И только цепной пес, увидев хозяина, приветливо завил хвостом. Каллистрат цыкнул на него, опасаясь, что звон цепи разбудит рабов. Меньше всего Каллистрату хотелось, чтобы кто-нибудь увидел, куда он идет..

На могиле Дримака не было ни памятника, ни просто даже камня, но Каллистрат узнал бы ее из тысячи могил. Вот он, могильный холм, под которым похоронен грозный Дримака. «При жизни Дримака был злым и мятежным рабом,

но он не собирается мне мстить, — успокаивал себя Каллистрат. — Десять лет он меня не тревожил. Дримак явился ко мне во сне, чтобы предупредить о грозящей опасности. Это благой дух. Для него не жалко даже этого выдержанного вина».

Каллистрат вырыл небольшую ямку на могильном холме и вылил в нее немного вина из амфоры. Дождавшись, пока земля впитала жидкость, он проговорил:

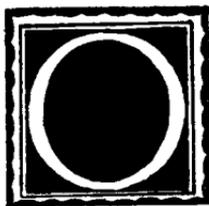
— Слушай меня, Дримак. Это я, Каллистрат. Что тебе от меня нужно? Я принес тебе вино. Настоящее хиосское, а не уксус, каким тебя поили при жизни. Чувствуешь, как пахнет? Я пожертвую тебе всю эту амфору, если не будешь смущать моих рабов. И пусть никто из них не узнает, что пятьсот драхм достались мне.

Слова эти были услышаны Давнием, пролежавшим на могиле Дримака всю ночь. Как многие другие рабы, старый слуга Каллистрата считал Дримака божеством и пришел на его могилу, чтобы просить о заступничестве. У Давния не было амфоры с вином, и он обливал могилу слезами. И вот на рассвете Давний, к своему удивлению, увидел господина: «Что ему здесь надо?» — подумал раб и отполз в сторону.

Теперь Давний знал, кто предал Дримака. Каллистрату удалось всех обмануть. Нет, не родственник выкупил его и дал ему деньги на обзаведение хозяйством...

Каллистрат скорее догадался, чем увидел, что за спиной у него Давний. Дубина взлетела над головой Каллистрата...

ЧИСТОЕ ПЛАМЯ

на меня не любит, Сфер, — с отчаянием проговорил Клеомен. Его мальчишеские губы вздрогнули от обиды, а в широко раскрытых черных глазах показались слезы. — Я для нее совсем чужой. Когда мы остаемся одни, она молчит или плачет. Она всегда думает о нем, об Агисе. Мне ее жаль. Какое у нее бледное, измученное лицо! Иногда она ночью зовет его из царства теней. Я хочу ее успокоить. Но она отталкивает меня. Ей не нужны мое сочувствие и моя любовь.

— Пусть это тебя не тревожит, мальчик. Горе Агиатиды еще так свежо: в девятнадцать лет потерять мужа! Тебя она еще не знает, а твой отец ей ненавистен, — тихо сказал Сфер.

Это был человек лет сорока пяти. В бороде его уже блестели белые нити, но ясные голубые глаза смотрели молодо. Клеомен вспыхнул.

— Ты несправедлив к моему отцу, учитель. Если бы он был врагом Агиса, стал бы он заботиться о его вдове и ребенке! Он ввел их в наш дом, чтобы их никто не обидел. Он женил меня на Агиатиде, чтобы она забыла о своем горе. Мать была против моей женитьбы. Но отец настоял на своем.

Сфер положил на стол свои большие руки и долго мол-

чал, шевеля корявыми в ссадинах пальцами. Его высокий лоб перерезала мучительная складка.

— В Спарте много невест, — сказал он наконец. — И может быть, есть девушки красивее Агиатиды. Но нет никого богаче ее. Отец Агиатиды Гилипп завещал дочери все свои поместья. А кроме того, Агиатиде досталось все, что Агис и его родня не успели раздать беднякам. Отец любит тебя. Он хочет, чтобы ты ни в чем не нуждался. Вот почему он взял Агиатиду в свой дом.

Юноша опустил голову. Он вспомнил, как однажды ненароком услышал разговор матери с отцом. «Не надо нам ее богатств, Леонид, — говорила мать. — Она старше нашего мальчика, и у нее ребенок».

— Твой отец, — продолжал Сфер, — не злой человек, но он многим обязан эфорам¹ и не хочет с ними ссориться. Это эфоры подали отцу мысль женить тебя на Агиатиде. Ты спросишь, зачем им это нужно? Эфоры боятся и ненавидят всех, кто был близок к Агису. Они казнили его мать и бабуку, а жену... Жену они ввели в дом врага Агиса, чтобы вытравить память о благородном царе, чтобы сын Агиса ничего не знал о своем отце.

По щекам Клеомена текли слезы. Теперь он не сомневался, что учитель прав. Да, он, Клеомен, стал орудием чужой злой воли.

— Не плачь, Клеомен! — твердо сказал Сфер. — Вспомни, чему учит божественный Зенон². В спокойствии духа — истинное счастье разумного существа. Мудр тот, кто сумеет преодолеть в себе страх, заботу, горе и другие болезни души. Рассудительность, мужество, самообладание, справедливость — вот четыре опоры, на которых покоится добродетель.

— Я не заслуживаю ее любви, — с горечью проговорил Клеомен. — Я еще ничем не прославился. Я не царь. Я никто. Но когда-нибудь я прославлюсь больше Агиса. Я отличусь в битвах с врагами. Нет ничего выше воинской славы. Правда, учитель?

— Может быть, — уклончиво ответил Сфер. — В той стране, где прошло мое детство, ни один юноша не должен жениться, пока он не принесет голову убитого врага. Скифы — дикий, но справедливый народ. У них можно многому поучиться. У скифов нет межей между участками. Они презирают золото и серебро. Нет у них стремления овладеть чужим и жажды богатства. Поэтому они и непобедимы. Величайшие из завоевателей Кир, Дарий и Александр понесли поражения от скифов. Ты говоришь: «воинская слава». Но добиться ее можно, лишь восстановив справедливые ретры Ликурга³.

Успокоившись, Клеомен с интересом слушал учителя. Как хотелось ему побывать в тех местах, о которых рассказывает Сфер, увидеть могучую реку Борисфен, которую еще называют Данаприем, вдохнуть запахи не тронутой плугом степи. Но ретры Спарты запрещают ее гражданам надолго покидать родину. Раньше Клеомену казалось, что это мудрые правила. Но теперь он понимает: кому-то не хочется, чтобы спартанцы видели, как живут другие народы. Сравнения всегда опасны для имеющих власть.

— В Скифии горек мед, — продолжал Сфер, — но сладка и упоительна свобода. А в Спарте даже цари в рабстве у эфоров. Эфоры следят за каждым шагом царей. Я слышал, что они наложили штраф на царя за то, что он женился на девушке маленького роста.

— Это произошло с моим прадедом, — вставил Клеомен. — Эфоры сказали, что его дети будут не цари, а царьки.

— Не ростом и не красотой славились в старину спартанские жены, а величием духа, — сказал Сфер. — У себя на родине я слышал о спартанках, провожавших на войну своих близких напутствием: «Со щитом или на щите»⁴. Где эти женщины? Теперешние спартанки хвастаются друг перед другом не подвигами своих мужей, а золотыми побрякушками и серебряными подвесками. Дома украшены не трофеями, добытыми в бою, а драгоценными сосудами и мебелью. И если найдется женщина, для которой благо отечества выше денег

и сокровищ, с нею поступают так, как с матерью и бабкой Агиса. Ты ведь знаешь, что их задушили по приказу эфоров. Твоя Агиатида из этой же породы доблестных жен. Не так легко добиться ее любви, но если ты ее заслужишь, тебя можно будет причислить к счастливейшим из смертных.

Клеомен с благодарностью взглянул на учителя. В беседах с ним он черпал мужество и уверенность в своем будущем счастье. Сфер не был похож на странствующих мудрецов, которые сбывали свою мудрость тем, кто больше за нее платит. Учение Сфера не расходилось с его образом жизни. Он посвятил себя служению добродетели. У Сфера не было своей семьи, но он сумел стать учителем для многих. Единственного раба Сфер отпустил на свободу. У него не было никакого имущества, кроме пергаменных свитков с сочинениями мудрецов. И двери его домика всегда были открыты для всех, кто нуждался в помощи и совете.

— Прощай, учитель, — сказал Клеомен, вставая. — Я у тебя засиделся. Сейчас уже поздно.

— Доброй ночи, Клеомен. Да хранит тебя божество.

Проводив юношу, Сфер подошел к стене, где стояла переносная бронзовая жаровня. Она заменяла в зимние месяцы очаг. В слое пепла мерцал крохотный синеватый уголек. «Законы Ликурга, воинская слава — все это в прошлом, — думал Сфер. — Спарта во мраке. Но где-то еще теплятся огоньки. Это души юных, не зараженных корыстью. Доброе слово как ветер. Оно раздувает пламя сердец».

* * *

Прикрепленный к стене светильник освещает лицо женщины: маленький рот, тонкие черные брови, тени под неподвижными глазами. Женщина качает колыбель и поет. У нее красивый сильный голос. Мелодия грустна, непохожа на мотивы песен, которые поются в агелой⁵.

Катит воды Еврот светлоструйный.
Тихо сухие шуршат камыши.
Ветер разносит равниною лунной
Грустную песню моей души.

Цикады звенят над могильной плитой,
Над безымянной могилой отца.
Отдано сердце его золотое
Спарте родимой все до конца.

Женщина не заметила, как на пороге показался Клеомен. Затаив дыхание, Клеомен слушал колыбельную песню. Но эта песня не убаюкивала его, не усыпляла. Агиатида пела об Агисе, самом благородном из царей. Песня будоражила и звала за собой.

* * *

Сколько произошло перемен за эти пять лет! Умер отец Клеомена, Леонид, и ученик Сфера стал Клеоменом Третьим, царем Спарты⁶. Давно уже Спарта не знала такого энергичного воителя. Каждой весной выводил Клеомен войско в земли ахейцев, а осенью возвращался с добычей и славой. Македонский царь Антигон с тревогой следил за успехами Клеомена, возрождавшего древнюю доблесть Спарты.

Клеомен восстановил старинный обычай фидитий, общественных обедов. Длинные столы стояли под открытым небом. Из грубых глиняных мисок шел пар. В мисках была черная похлебка из бобов, вызывавшая еще в древности удивление чужеземцев⁷. Как и в былые времена, участники фидитий вспоминали о бранных подвигах героев и пели воинственные песни.

Вместе с молодежью Клеомен участвовал в гимнастических и военных упражнениях. Он отказался от богатой одежды, которую обычно носили цари. На нем был неизменный черный плащ из грубой шерсти.

Клеомен еще более сблизился со Сфером. Часто они проводили время в прогулках по окрестностям Спарты. Однажды они вышли из дому еще на рассвете. Последним ветхим домиком оборвался город. Начались поля, напоенные осенней свежестью. Сфер зябко кутался в свой гиматий. Его посох стучал по земле. Слева из утреннего тумана вынырнули Тайгетские горы. Их пологие склоны покрыты виноградни-

ками, а вершины — снегом. Справа в заросших камышом берегах бежал Еврот. Когда-то юные спартанцы рвали камыш голыми руками и плели из него циновки. Теперь будущие воины, как сибариты⁸, спят на волосяных матрацах и накрываются шерстяными одеялами. Чего доброго, они перестанут купаться в Евроте и начнут умываться теплой водой!

— Ликург предусмотрел все, что дает государству благополучие, — сказал Сфер. — Воспитание молодежи — это начало начал. Но теперь этого мало. Надо изгнать из Спарты сребролюбие. Возьмись за ростовщиков. Освободи илотов. Разреши им вступить в войско.

Внезапно Сфер остановился и указал на грубую плиту.

— Вот она, могила Агиса. В первые дни после казни юноши я приходил сюда. И не раз я встречал здесь твою Агиатиду. Мне запомнилось это место.

Клеомен молча смотрел на могильную плиту. Он вспомнил песню Агиатиды. До сих пор в ушах звучит ее голос.

— Агиатида была прекрасна в своем горе, — продолжал Сфер. — Когда я смотрел на нее, мне казалось, что я переношусь во времена Ликурга.

— Я прикажу поставить здесь статую из вечного камня, — сказал Клеомен. — Я не знал Агиса, но мне он дорог так же, как тебе и Агиатиде.

— Вечны не камни, а добрые дела, — сказал Сфер. — Агис объявил войну несправедливости. Но он был одинок. Народ сочувствовал юному царю, но не мог спасти его от эфоров. Только оружием можно победить зло. Свобода рождается в звоне мечей. Ее колыбель забрызгана кровью. Ты царь. Воины тебе преданы и выполняют твой приказ. Но готов ли ты сам, Клеомен, избрать путь, который для Агиса окончился ранней смертью и этой могильной плитой?

* * *

Спартанское войско стояло лагерем под Мантинеей⁹. Уже была совершена утренняя молитва богам, дарующим победу над врагами. Раздался призывный напев флейт, напол-

няющий сердца бодростью и весельем. Войско двинулось, но не к стенам Мантиней, а к синеющим на горизонте Тайгетским горам. Войско шло в Спарту.

На агоре Клеомен остановил воинов. Речь его была коротка. Она была составлена в тех энергичных выражениях, которые предписывались обычаями предков.

— Город заражен скверной, — сказал царь. — Болезни проникли извне. Это нега, роскошь, долги и займы. С этими болезнями можно было бы бороться, если бы не эфоры. Своими врагами эфоры объявляют всех, кто служит добродетели и стремится восстановить законы Ликурга. Я был бы счастлив, если бы мог, как врач, вылечить отечество, не причиняя никому боли. Но благо родины оправдывает насилие.

И тотчас же по знаку Клеомена воины ринулись к дому эфоров. Взломаны двери. В ужасе эфоры забились под столы и постели. Но им нигде не было спасения. Только одному из эфоров удалось бежать.

Из дома эфоров под хохот воинов летели сундуки, скамейки. А вот и знаменитые кресла, сидя в которых эфоры вершили суд. Отныне они не нужны. Больше в Спарте не будет эфоров. Их полномочия будут переданы народному собранию и царям.

Кресла, скамейки, сундуки — все это сваливают в одну кучу. Кто-то поднес к ней факел. Вспыхнул костер.

Со всех сторон на агору стекалась толпа. Старики, женщины, дети смешались с воинами. Пламя выхватывало из мрака седые бороды, пухлые детские щеки, женские косы, блестящие шлемы.

Покончив с домом эфоров, воины бросились к жилищам ростовщиков. В костер полетели ящики с долговыми расписками. Нельзя было узнать молчаливых, сдержанных в проявлении чувств спартанцев. Люди обнимались, поздравляли друг друга.

— Теперь мне не надо отдавать половину урожая! — кричал пожилой крестьянин, не веря своему счастью.

— Моя мастерская свободна от долгов! — радовался ремесленник.

А пламя поднималось все выше и выше. Трещало сухое дерево. Треск пламени смешался с криками, смехом, рукоплесканиями.

И вдруг смолкли смех и крики. Толпа расступилась, пропуская вперед женщину. Она в белом пеплосе. Ее прекрасные косы распущены, как во время молитвы. В свете костра ее черные глаза сверкают, как звезды.

— Агиатида, — зашептали в толпе. — Вдова Агиса и жена Клеомена.

Эта женщина пришла, чтобы поздравить Клеомена с победой. Так думали все. И только один Сфер, стоявший рядом с Клеоменом, услышал, что сказала Агиатида царю:

— Я люблю одного тебя. Агис — это твое детство. Он был мальчиком. А ты муж. Ты мой первый и единственный. Смотри, как яростно горит этот костер. В нем сторает все, что нас разделяло. Я не видела никогда более чистого пламени.

оре томилось от зноя. С высоты утеса оно казалось неподвижным, застывшим, как расплавленный голубой металл. Горизонт затянуло дымкой, сулившей такие же жаркие дни. Сейчас выходить на промысел опасно. На одних веслах далеко не уйдешь! И пираты прятали свои миопароны¹ в укромных бухтах безлюдных скалистых островов. Они ждали непогоды. Грохот валов, блеск молний были их стихией. Недаром они любили себя называть сыновьями бури!

Но что это? Откуда эти две лодки? Может быть, Кривой задремал и не заметил, как они подошли к острову? Лодки обогнули скалу, принимавшую на себя удары волн и ставшую белой от их пены, скользнули в пасть залива Ящерицы и направились к песчаной косе, напоминавшей длинный, изогнутый язык.

— Добыча сама идет в руки! — воскликнул Кривой.

Суеверный, как все люди моря, он тотчас же сплюнул через плечо, чтобы не оскорбить божество выражением преждевременной радости.

Передняя лодка уже недалеко от утеса, за которым спрятались Кривой и его люди. Теперь уже стало видно, что двое на этой лодке гребут изо всех сил, словно берег — их послед-

нее прибежище. Во второй лодке на веслах четверо. Пятый, на носу, сидел, как на ножах. То высунется вперед, то обернется. Что-то кричит гребцам. Кажется, торопит их, обещает, что вознаградит по-царски, или грозит, что не заплатит обещанного. Видимо, первые двое украли что-то у этого крикуна. Вот и бесится он. Даже не замечает вытащенной на берег миопароны. А те двое чуть не наткнулись на нее. Это их не остановило. Они вышли на берег и бросились бежать в гору. Но весла вымотали их. Шагах в десяти от утеса, за которым прятались пираты, они упали. Тот, что на носу, издал торжествующий вопль. Только его лодка коснулась берега, он соскочил на песок и бросился к лежащим на земле «ворам», как назвал их Кривой. «Интересно, что они у него украли, — думал он. — Хорошо бы золото. Тогда оно достанется нам, а кроме того, они заплатят выкуп. По триста драхм за голову. Всего тысячу восемьсот. С крикуна можно будет взять дороже. Он из богатеньких, если судить по плащу».

Проклятье! Кривой просчитался. Гребцы обнаружили миопарону и оттолкнулись от берега. Жмут на весла что есть мочи. Не надо и подгонять. А крикун этого не замечает. Он догнал «воров». Ого! Оказывается, он умеет не только кричать. Ногой в бок, в живот, а те только корчатся и стонут. Надо выручать, а то отобьет им все внутренности.

Кривой вышел из-за камня. Пираты последовали за главарем. Вид у всех был живописный. Грязные повязки на головах (следы последнего боя), рваные плащи, взлохмаченные бороды.

Но и появление пиратов не остановило драчуна. «Может быть, он принимает нас за пастухов», — с обидой подумал Кривой и рывкнул во всю силу своего голоса:

— Э-ге-ге!

Скалы отозвались эхом:

— Э-ге-ге!

Кривой хорошо знал впечатление, производимое этим выкриком на пассажиров и матросов торговых кораблей, какие

ему встречались в море. Но, кажется, драчун не из трусливого десятка. Он не схватился за голову и не бросился бежать. Он двинулся навстречу Кривому и так обратился к нему:

— Это мои рабы. Обнажи их плечи, и ты увидишь метку «Л». Меня зовут Лисием. И это так же верно, как и то, что я заплатил за каждого из них по двести драхм. Но, клянусь Гераклом, еще сто драхм с меня взяли эти гребцы...

Он оглянулся и увидел, что лодка, доставившая его на остров, еле заметна. Это его потрясло. Только сейчас драчун понял, кто стоит перед ним.

Увидев, что гребцы бежали, Кривой решил поднять цену за голову, чтобы не остаться в убытке.

— Негодные рабы, — издевательски сказал он. — В какой они ввели тебя расход! Боюсь, что тебе не обойтись шестьюстами драхмами. Видишь, Лисий, или как там тебя, со свободных мы берем по шестьсот драхм. Так что, если хочешь добраться домой, уплатишь тысячу восемьсот за себя и за них.

— Но ведь это рабы, — пробормотал нерешительно Лисий. — А ты сам сказал, что берешь выкуп за свободных.

— Они были рабами, — внушительно сказал Кривой, — и остались бы ими, если бы ты поймал их в море. Но раз они вступили на землю этого острова, они так же свободны, как и ты. Им неоткуда достать деньги на выкуп. Расплачиваться придется тебе, если ты, конечно, не хочешь, чтобы я отвез всех вас на Делос². Вот тебе пергамен. Пиши своему мяле: «Выдай этому человеку девятьсот драхм и еще столько же, когда получишь подтверждение, что я здоров и невредим». Подпиши. А теперь за мной, — Кривой обратился ко всем троим. — Есть тут у меня одна укромная пещерка. Вы отдохнете в ней, пока я не получу выкупа.

Это было решение, достойное афинского мудреца Солона³. Заложников не надо будет охранять. Рабы станут сторожить своего господина не за страх, а за совесть. Они поняли, что, если Лисий убежит, Кривой не получит выкупа и про-

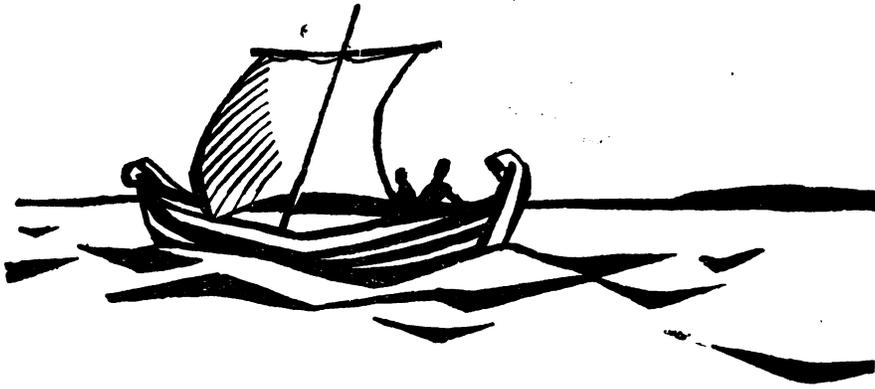
даст их на Делосском рынке. Они могут попасть в рудники, откуда никто не выходит живым. Поэтому рабы не спускали со своего господина глаз и спали по очереди.

Трудно было придумать что-либо глупее положения, в котором оказался Лисий. Погнаться за четырьмястами драхмами, а потерять тысячу восемьсот! Но Лисий отдал бы и пять тысяч драхм, лишь бы не быть наедине с этими варварами. Рабы злопамятны. Тем более, шкура их еще не зажила после той порки, которую он им закатил. Разве этим варварам залезешь в душу? Одних выпорешь — становятся послушными, как щенки. Другие звереют или бегут. Лисий вспомнил, что в разное время у него бежало пятеро рабов. Каждого ловили на следующий день. У беглых такой вид, что любой встречный сразу поймет, кто они. А эти хитрецы украли лодку — и в море! Лисий заскрипел зубами. Он вспомнил, что придется еще заплатить за лодку, которую увели рабы.

Вдруг Лисий увидел, что рабы разжигают костер. Это заставило его похолодеть от ужаса и забыть о новом расходе. «Зачем им огонь? — со страхом думал Лисий. — Согреться? Но сейчас и так жарко. Сварить пищу? Но ведь пираты не оставили никакой еды». Лисий вспомнил еще одно применение огня. Однажды он сам приказал пытать дерзкого раба раскаленным железом. «Как он кричал! Правда, у варваров нет железа. Но они изобретательны. Они накалят камни и будут прижигать ими мои пятки. Или, когда я засну, они бросят меня в огонь».

Лисий забился в самый угол пещеры. Каждое движение рабов заставляло его вздрагивать.

А рабов начало забавлять поведение бывшего господина. Они знали Лисия грозным, суровым. Один его взгляд внушал ужас домохозяевам. А теперь он трусливее зайца. Стоит положить конец палки в огонь, и он дрожит, словно его выкупали в ледяной воде. Переглянувшись, рабы решили сыграть на этом страхе. Один из них делал вид, что хочет бросить головню в Лисия. Другой удерживал его, но что-то шептал на ухо, словно предлагая другой, более утонченный вид пытки.

Это была злая игра, не более. Рабы понимали, что их свобода зависит от того, внесет ли господин выкуп пиратам и доживет ли он до их возвращения. Но как не отомстить челоку, о жестокости которого говорили все Афины? Пусть он на своей шкуре узнает, что такое страх!

Лисию безумно хотелось спать. Но он боялся, что рабы убьют его во время сна или свяжут и будут пытаться. О чем это они так подозрительно шепчутся? Один из них расщепляет палку острым кремнем. Зачем он это делает? Другой бросает камни в костер. Скоро они раскалятся. Как кричал тот раб!

В те короткие мгновения, когда Лисий забывался, его мучили кошмары. Он видел те пытки, которым подвергали рабов в Афинах, тысячу и тысячу раз он переживал их. Ему выкручивали руки, растягивали тело на колесе, загоняли медные булавки в ногти. Просыпаясь, Лисий молил варваров: «Убейте меня сразу!» Варвары угрюмо молчали и только поворачивали палками камни в золе.

Через два дня Кривой пришел за своими пленниками. Его люди уже успели получить половину выкупа. Вторую получают, когда Лисий напишет письмо, что он в безопасности. Рабы сидели у потухшего костра. Лисия рядом не было. За-

бывшись в самый дальний угол пещеры, он дрожал всем телом. Глаза вваалились, и в них появился какой-то безумный блеск.

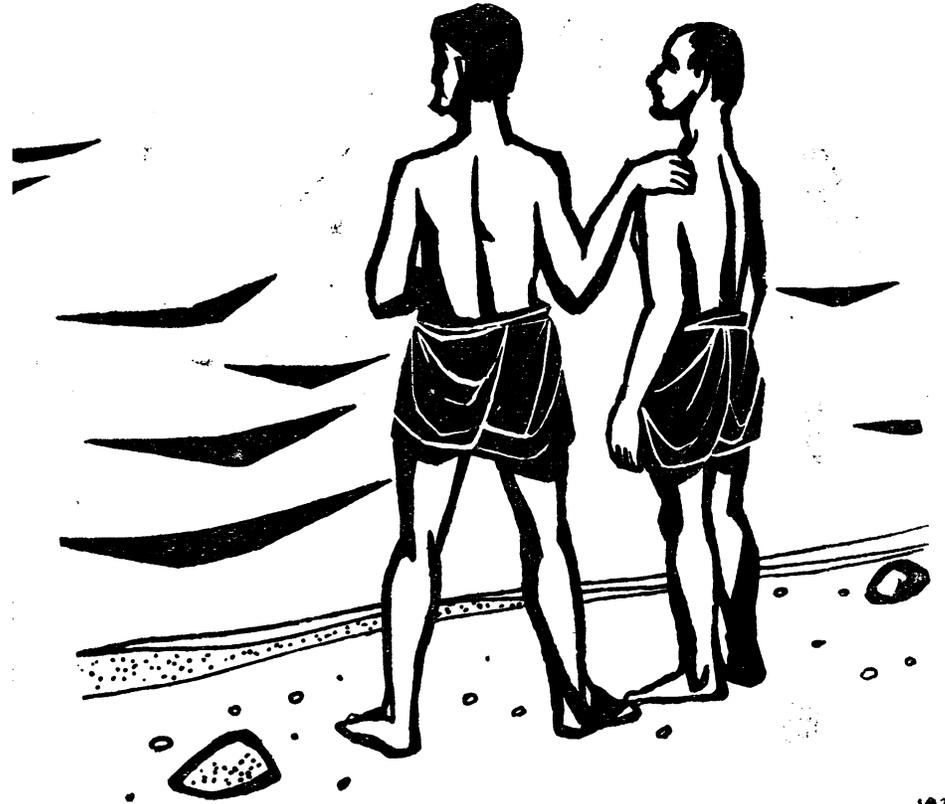
— Что вы с ним сделали? — строго спросил пират.

— Никто из нас не тронул его пальцем, — сказал один из варваров.

— Мы не сказали ему ни слова, — добавил другой.

Кривой понял, что это правда. Толстяка погубил страх. Господа и так живут в вечном страхе перед своими рабами, хотя их охраняет стража. А этот был пленником своих рабов. Видимо, у него было основание их бояться.

— Эй, Лисий, — сказал главарь своим зычным голосом. — Выходи. Ты свободен.

В ответ на эти слова раздался дикий хохот. Лисий бился головой о стену пещеры.

— Оставим его, — промолвил Кривой. — С того, кто потерял рассудок, больше ничего не возьмешь!

Море билось в прибрежных скалах. Волны с глухим шумом покрывали камни, то прятавшиеся под водою, то снова показывавшие свои черные блестящие спины. Ветер гнал белые барашки и надувал парус миопароны. Море было под ногами. Двое смотрели на него с благодарностью. Оно принесло им свободу.

а самом краю дощатого помоста стоял человек в коротком, подпоясанном веревкой плаще. Волосы на его голове были спутаны, а борода имела такой вид, словно ее рвали собаки. Человек смотрел куда-то вдаль. Взгляд не выражал ни страха, ни смущения, ни молчаливой мольбы, как это бывает у тех, кто в первый раз становится на эти грязные доски. Голова высоко поднята, словно не его привели на продажу, а он сам собрал на площадь всех этих людей, чтобы сказать им что-то очень важное и значительное.

Расталкивая локтями зевак, к помосту приближался вертячий человечек. Работорговец Сестий узнал его еще издали. Это был Телезий, либертин¹ богатого откупщика Фабриция. О таких принято говорить: «настоящий покупатель». В каждые нундины² Телезий уводил с рынка десятки рабов. Им предстояло обрабатывать землю его патрона или быть слугами в городской усадьбе. Глядя на завитые волосы, гладко выбритые по римскому обычаю подбородок и щеки, щегольский хитон, трудно было представить, что всего лишь пять лет назад Телезий сам стоял на этом помосте, полуголый, жалкий, в толпе выставленных на продажу невольников. Видимо, нужно было обладать особыми свойствами и

умением угождать, чтобы за такой короткий срок не только получить освобождение, но и стать правой рукой господина.

Телезий превосходно знал повадки работорговцев и их способность, обходя строгие римские законы, сбывать неполноценный товар. Поэтому перед тем, как справиться о цене, он предпочитал внимательно осмотреть и ощупать раба, а порой и поговорить с ним. Видимо, табличка, что висит на груди у этого раба, не врет. «Пятьдесят лет». На вид ему не более. Борода без проседи. На лбу немного морщин. Фигура еще не утратила стройности. Тонкие руки с длинными пальцами. Конечно, они не держали топора или лопаты. «Без определенной профессии» — написано на табличке. «Поэтому-то его и не берут, — подумал Телезий. — Каждому нужны повара, брадобреи, искусные ремесленники, а лишний рот никому не надобен».

Телезий подошел к самому помосту и, грубо дернув раба за край плаща, спросил:

— Что умеешь делать?

— Мыслить! — отвечал бородач, не опуская головы. Кажалось, он не снизошел до ответа, а просто бросил слово куда-то в пространство.

Телезий схватился за живот и, давась от хохота, обратился к Сестию, верзиле с низким лбом и глазами навывкате:

— Мыслить! Х-ха! Сразу видно новичка! Побудет у нас денек, иначе заговорит. Клянусь Геркулесом! Он из породы бездельников, которые возомнили себя философами. Откуда ты его выкопал?

— Из последнего привоза. Грек, — сказал Сестий, щелкнув плетью о край помоста. — Остальных разобрали в прошлые нундины. А этого... — Сестий сделал паузу, словно для того чтобы найти слово, характеризующее раба, но, не найдя подходящего, закончил угрюмо: — Никто не взял.

— И сколько тебе дать за эту бороду?

— Двести за бороду и еще столько же за голову, начиненную всяческим вздором, — скороговоркой ответил работорговец. — Представь себе! Он читает стихи даже во время пор-

ки. Ты спросишь, о чем эти стихи? Не знаю! Наверно, ругательские. Содрать бы с него всю шкуру, да ведь продать надо!

— Триста сестерций, — предложил Телезий. — Большого он не стоит. Тебя хочу выручить, потому и беру! — добавил он доверительно.

— Побойся Меркурия³! — взмолился торговец. — Я и так много не запрашиваю. Что четыреста сестерций для твоего патрона и благодетеля! Раз плюнуть! А ременную плеть отдам в придачу. На что она мне теперь? Следующий привоз рабов будет нескоро. Море неспокойно.

— Получай, — бросил Телезий, отсчитывая монеты. — Плеточку, любезный, можешь оставить себе. У нас этого добра хватает! — добавил он по-гречески и многозначительно взглянул на раба.

Патрон, вопреки ожиданиям Телезия, обрадовался новому приобретению.

— Философ! И всего за четыреста сестерций, — сказал Фабриций, потирая руки с короткими толстыми пальцами. — Я слышал, что теперь философы в цене. Мой друг Квинт Помпоний отдал за пару немолодых философов пять тысяч сестерций и хвастается, что купил дешево. А как ты думаешь, Телезий, это настоящий философ? Без обмана?

— Не знаю, как насчет философии, — неуверенно протянул Телезий, — но память у него! Весь день сидит в своей каморке и бормочет, шпарит стихи — и все наизусть!

— Вот он мне и нужен! — радостно воскликнул Фабриций. — Завтра как раз пир. С тех пор как мой дом стали посещать знатные гости, чувствую, не хватает именно такого раба. Зайдет разговор о каком-нибудь Гомере или Эврипиде — я только ушами хлопаю, хоть и понимаю по-гречески. Недаром три года со всей Греции налоги собирал. Немало друзей приобрел среди греческих дельцов. Они ведь тоже, как и мы, деньги любят. Но никто меня стихам не обучил. И не помнится, чтобы о стихах речь шла. Все больше о недоимках, долгах, взносах, взысканиях. Вот теперь и страдаю. Вставляю в разговор гостей словцо по-гречески — замолчат, переглянут-

ся. Чувствую, попал не туда. Пусть твой философ будет накрывать на стол и незаметно шепнет мне на ухо что-нибудь гомудренее. Принаряди его получше. Выбери белый хитон до пят, чтобы прикрыть рубцы, а бороду пусть ему вычешут и завьют.

Пир выдался на славу. О нем потом много говорили в Риме, сравнивая Фабриция с самим Лукуллом⁴. Жаркое из соловьиных языков подавалось вместе с самими птичками. Так во всяком случае казалось на первый взгляд, пока кого-нибудь из гостей не одолевало любопытство и он не дотрагивался до соловья. Птички были из сдобного теста и лишь сверху прикрыты перышками. Рыбу на серебряном блюде с трудом поставили на стол четверо дюжих рабов. Это было настоящее чудовище! И надо ли было объявлять, что оно привезено из далекой Меотиды⁵, если желе, в котором лежала рыба, изображало море того бледно-серого цвета, который имела поверхность Меотиды, а блюдо — его форму. По морю рядом с рыбой плавали кораблики с парусами, а по краям блюда кое-где стояли белые домики, башни, крепостные стены — все это из теста.

И не менее, чем убранство дома и изобилие стола, гостей приятно поразили остроумие хозяина и его образованность. Фабриция трудно было узнать. Хозяин пересыпал свою речь поговорками и изречениями, лишь немного путаясь в словах. Он даже поправил одного из гостей, считавшегося знатоком греческой поэзии и тем не менее выдававшего Гесиода за Гомера и путавшего Эсхила с Софоклом. И когда пир закончился, Публий Вителлий, сын цензора⁶, подошел к Фабрицию и сказал во всеуслышание:

— Откуп на постройку дороги должен получить просвещеннейший из откупщиков. Я расскажу о тебе отцу, Фабриций.

Лучшего нельзя было и ожидать. Цель достигнута. Недаром Фабриций устроил этот пир. Правда, он обошелся в сто тысяч сестерций, но доход от откупа составит не менее миллиона, если, конечно, умело организовать работы и дешево

купить сильных и здоровых рабов. Надо будет это поручить Телезию. Если он, Фабриций, заслужил имя просвещеннейшего из откупщиков, то Телезий, бесспорно, может считаться преданнейшим из либертинов. Это ему пришло в голову купить грека, знающего на память всех этих Гомеров, Эсхилов и Платонов. «И как он их только не спутает! — думал Фабриций. — А ведь всех этих поэтов и философов у греков, наверно, не меньше, чем у меня слуг. И каждый из них написал столько свитков, сколько у меня в таблине⁷ хранится долговых расписок, подписанных сынками сенаторов. Не удивительно, что этот раб держится как свободный. Он, кажется, воображает, что умнее всех. Конечно, у меня не было учителей. У моего отца не было средств дать мне образование. Моей первой наставницей была нужда. Она-то и вывела меня в люди. Теперь мой дом самый богатый в Субуре⁸. Мои гости — сыновья сенаторов. А если этот раб воображает, что умнее меня, я ему напомню, кто он, а кто я».

Фабриций хлопнул в ладоши. И в то же мгновение приподнялся край полога. Показалась голова Телезия с устремленным на Фабриция всепонимающим взглядом. Губы его слегка перекошились, и уголки их вдрогнули, словно верный либертин предвкушал удовольствие, не уступавшее наслаждению, которое испытывал сейчас его патрон.

— Сотню розог философу! — сказал Фабриций, зевая. —
Понаблюдай сам, чтобы как следует.

* * *

Дамию казалось, что он сходит с ума. Нет, его не мучала боль, не терзал позор. Голова была стиснута, словно рогаткой, внутри ворочалось что-то тяжелое и ржавое, как цепь. Неужели им удалось заковать в железо мысль? Мысль, его мысль теперь ему не принадлежала. Много лет он читал философов и поэтов, разговаривал с мудрецами, как с живыми. И теперь все, что бессонными ночами он вычитал из свитков, что узнал и выстрадал, принадлежит римскому откупщику Фабрицию. Его желтое, словно восковое, ухо стоит перед глазами Дамия. Дряблая проколотая мочка, рыжие волосы у отверстия над нею. Дамий наклонялся к уху и опускал туда лучшее, что создал человеческий ум, — торжественный гекзаметр Гомера, едкую горечь строк Аристофана, разящие периоды Демосфена. Это было все равно, что бросить благоухающие розы в грязную отвратительную клоаку.

Ухо выросло до колоссальных размеров. Его раковина вот-вот закроет небо, затмит солнце. И больше ничего не останется, кроме этого оттопыренного уха и мысли, которая прячется в разгоряченном мозгу Дамия, мысли, которая теперь ему не принадлежит. Как она угодливо лезет в щель, расталкивая рыжие волосы! Так лиса проталкивается к болоту, раздвигая камыши. «Возьми меня, я твоя, — шепчет вкрадчиво мысль. — Ты видишь, какая я красивая и послушная. Возьми меня, и все скажут, какой ты умный и образованный. Возьми меня, но забудь про розги: Разве у тебя мало непослушных рабов?»

Дамий тряхнул головой, словно сбрасывая невидимые цепи и весь этот бред. Нет, они заплатили четыреста сестерций за его тело, а не за мысль. Теперь он знает это. И все палачи Рима не заставят его отдать свою мысль тупому чудовищу. Дамий поделится мыслью с рабами. Надо освободить их чувства, расковать разум.

ноша вытер ладонью вспотевший лоб. Румянец во всю щеку, растерянный взгляд, старомодная войлочная шляпа, заштопанная тога, неуверенные движения — все выдавало в нем провинциала.

Толпа текла беспрерывным потоком. Со всех сторон юношу толкали, теснили. Рим шумел как всегда в эти после-полуденные часы. Гремело серебро на грязном столе менялы. Неистово кричали жрецы Беллоны. Нищий с корабельным обломком в руке громко просил милостыню. Продавцы протертого гороха и дымящихся колбас пронзительно расхваливали свой товар. Септимий, так звали юношу, несколько раз останавливал прохожих и показывал им табличку с адресом, но все спешили, а какой-то пожилой и мрачный человек его отчитал:

— Проходу от вас нет! Сидел бы дома, деревенщина!

Септимий и впрямь начал думать, что лучше было бы ему остаться дома. Полдня он бродит по Риму, и никто не может ему сказать, как найти дядю. А ведь в Аримине¹, откуда был родом Септимий, все считали дядю важной персоной. Давая адрес дяди, отец наставлял сына: «Будь почтителен. Помни, что он служит самому императору. Понравись дяде — он и тебя устроит».

«Странно, что дядю здесь никто не знает, — думал юноша. — А может быть, и знают, да не хотят сказать. Недобрые здесь люди. Явись к нам в Аримин из Рима или из другого города, так проводили бы до самого дома, а по дороге рассказали бы, что за человек, сколько у него детей и есть ли дочь на выданье. А тут бегут как на пожар и никому до тебя нет дела».

Уже стемнело. Опустевшие улицы и площади Рима стали просторнее, здания величественнее, но Септимий не замечал красоты вечернего Рима. Он был голоден, устал.

Выбрав портик, пристроенный к высоченному дому, Септимий сел спиной к колонне, вытащил из кожаной сумки лепешку и стал жевать. Перед его глазами мелькали тоги, греческие хитоны, прозрачные шелковые одежды, сандалии, солдатские сапоги. Кричали разносчики воды. Из соседнего дома слышалось пение. Несмотря на поздний час, кто-то бил молотком по железу. Это была музыка большого города. И она усыпила Септимия.

Его разбудил чей-то вопль, заглушенный бранью, ударами. Протерев глаза, Септимий увидел, что шайка грабите-

лей напала на рабов, несших крытые носилки и освещавших дорогу факелами и лампадариями². Рабы разбежались. Факелы, чадя, догорали на земле. Грабителями распорядился невысокий коренастый человек с рыжеватыми волосами, обрамлявшими щеки и выпяченный вперед подбородок.

Недолго думая, Септимий ринулся на грабителей. В Аримине он считался неплохим кулачным бойцом. Он легко отбросил двух или трех негодяев. Рыжий, оставив носилки, бежал навстречу Септимию. Судя по улыбке на лице главаря, его скорее радовало, чем огорчало появление нового противника. Но грабители, казалось, оберегали рыжего, не давая ему вступить в драку. Кто-то подставил Септимию ногу. Он упал, и на голову его обрушилось что-то тяжелое.

Септимий очнулся в чужом доме. Он лежал на низкой постели. Над его головой был потолок в лепных украшениях, изображавших фантастических зверей.

— Ну каково, молодой человек? — услышал он и повернул голову.

Справа от него сидел худой старик в белой тоге. В лице старика было что-то величественное и суровое, хотя голос его был тонок, как у ребенка.

— Впервые в Риме? — спросил он после долгой паузы.

— Да, — ответил Септимий, удивленно разглядывая богатое убранство незнакомой комнаты.

— Тебя, верно, интересует, где находишься? — сказал старик, подсаживаясь ближе к Септимию. — В моем доме. Меня зовут Квинт Цецилий. Я сенатор, и отец мой был тоже сенатором. Вот так-то, молодой человек.

Септимий молчал, и старик продолжил:

— Я вижу, ты смелый юноша. Не побоялся шутников, хотя и был один.

— Шутники? — воскликнул Септимий, приподняв голову.

— А ты думал, грабители? — сказал старик. — Просто шулуны. Захотелось им позабавиться, поразмяться после сытного ужина. Если бы не ты, вытащили бы меня из носилок и подбросили раз-другой на растянутом плаще. Проказники!

— Так это тебя несли в носилках? — догадался Септимий. — И что это им вздумалось с тобой шутить! Ты им ровня, что ли? Этот рыжий, я вижу, у них заводила. Парень не промах! Но если мне еще попадет, получит. Будь уверен!

— Молод ты еще и многого не понимаешь, — проворчал сенатор. — Отправлю-ка я тебя к дяде, а то достанется ему вместо племянника одна урна с пеплом. Табличку мы твою подобрали на камнях. Узнал я, кто твой дядя. Влиятельный человек по нынешним временам, хотя и либертин. Полюбился он Нерону³. Теперь ему и сенаторы поклон отдают. Вот что, юноша, повезу-ка я тебя к нему в театр Помпея. Ты ведь там не бывал?

Септимий отрицательно помотал головой.

— Я так и думал, — продолжал сенатор. — Увидишь своего дядю. Заодно и театр посмотришь, недавно его после пожара отстроили, и императора увидишь.

— Император тоже будет в театре? — перебил Септимий. Глаза его загорелись.

— Еще бы! В главной роли! Чтобы посмотреть на это зрелище, стоит приехать не только из Аримина, но и из Понтикопея⁴. Пытался я его отговорить. Но куда! Теперь у него другие советчики — из тех, кто прежде свиней пас.

Если бы Септимий не был ошеломлен всем, что с ним произошло, он, наверно, уловил бы в словах старика иронию. Но сейчас он не замечал ничего. Септимий благословлял богов за то, что они послали ему этого сенатора. «Значит, не врут в Аримине, что дядя важная птица! — с удовлетворением думал Септимий. — Простые люди его не знают. А вот сенаторам он известен!»

* * *

У входа в театр стояли воины — рослые и сильные, как на подбор. Грозно блестели их шлемы и поножи.

Септимий обратил внимание на широко расставленные ноги в крепких, подкованных гвоздями калигах. «Вот бы мне такие сапожки! — с завистью подумал он. — Износу им нет».

— Преторианцы! — шепнул сенатор, выходя из носилок. В том, как он произнес это слово, Септимий ощутил страх, смешанный с неприязнью.

Еще у себя в Аримине Септимий слышал, как вольготно живет преторианцам. Другие войны годами торчат на границе в лесах и болотах. Кругом варвары, комары, грязь, тоска. А эти живут в самом Риме. И даже сенаторы боятся их.

— А они нас пустят? — сказал Септимий, с испугом глядя на сенатора.

Тот смерил его насмешливым взглядом.

— Ты думаешь, их поставили здесь, чтобы никто не вошел в театр? Как бы не так! Они стоят здесь, чтобы никто не вышел до конца представления.

Септимий захлопал глазами. Он ничего не понял из слов сенатора. «Странные здесь порядки! — подумал он. — В театр, как в мышеловку, легко войти, а обратно так просто не выберешься!»

Сразу от входа начался длинный коридор. Гулко раздавались шаги по каменному полу. Витая деревянная лестница привела на второй этаж. Там был такой же коридор, только с множеством дверей и свисавшими с потолка завесами. Сенатор нерешительно остановился у двери, обитой пестрой материей.

— Стой здесь, — шепнул он Септимию. — Твой дядя — театральный цирюльник. Сейчас он причесывает императора. Как император выйдет, ты сразу заходи. А я пойду к себе в оркестру⁶. Увидят, что меня нет, и подумают... О времена! О нравы! — как сказал бы старик Цицерон.

Септимий впился глазами в дверь, на которую указал сенатор. «Шутка ли сказать, там сам император. Из всех цирюльников Рима император выбрал моего дядю, — с гордостью подумал Септимий. — Стоит дяде шепнуть пару слов, и император прикажет, чтобы нам вернули участок. Что ему стоит? Или распорядится, чтобы нам дали новых волов. А может быть, он возьмет меня на службу. Ведь есть у него кони? Я бы пас их и чистил. Блестели бы как золотые!»

Неизвестно, как далеко ушел бы Септимий в своих мечтах, если бы не открылась заветная дверь и на пороге ее не показался бы человек в пурпурном одеянии до пят. В правой руке его был скипетр, на голове — отливающая драгоценными камнями корона. Лицо его было покрыто маской, но столь искусно сделанной, что Септимий этого даже не заметил.

«Император!» — догадался Септимий.

Таким он и представлял его себе, божественно сияющим и прекрасным. Как счастливы те, кто могут коснуться его одежды, ощутить на себе взгляд этих голубых властных глаз.

Император сделал несколько шагов, и к нему, семена толстыми ножками, подбежал какой-то человечек и простер вперед руку.

— Зал полон, — сказал он. — Те, кому не хватило мест, стоят и сидят прямо на полу. Толпа ломится в театр. Мне пришлось поставить у входа преторианцев, чтобы больше никого не пускали. Прикажешь начинать?

Император подошел к занавесу и приложил глаз к отверстию в нем.

— Боюсь! — воскликнул вдруг он, отпрянув от занавеса. — Сколько раз сюда выходил, но от страха избавиться не могу. Представь себе, Тигеллин⁶: на тебя смотрят тысячи глаз! Они знают, что я император. Но они хотят, чтобы я стал богом. У меня подкашиваются ноги! А во рту так противно, словно выпил напитка Локусты⁷. К тому же я видел сегодня дурной сон. Как бы не вышло беды!

— Римляне давно оценили твой божественный дар, — сказал тот, кого император назвал Тигеллином. — Успех обеспечен!

— Успех в руках Фортуны⁸, — сказал император, раздвигая занавес.

Каждое слово этого разговора было слышно Септимию. Но он не понял, о чем шла речь. Правда, он не мог не заметить, что император чем-то напуган. Вспоминая слухи, ходившие в Аримине, он подумал, что молодой император

боится своих бесчисленных врагов. Клеветники обвиняют его, что он убил свою мать, что он прогнал своего старого наставника Сенеку и связался с какими-то негодьями. Отец предупреждал Септимия, чтобы он не упоминал в разговоре даже имени императора. В Риме есть люди, которые прислушиваются к тому, что говорят на улицах и в домах об императоре, доносят куда надо. За каждый донос они получают столько денег, сколько не заработает честный ремесленник за год работы. «И все-таки, — думал Септимий, — в молве есть правда. Вот он сказал о Локусте. Боится, что его отравят. И предчувствия его мучают».

Опомнившись, Септимий поспешил к двери. Он уже схватился за ручку, как вдруг откуда-то вновь появился коротконогий, которого император называл Тигеллином.

— А тебе что здесь надо? — спросил он, рассматривая Септимия с ног до головы. — Кто тебя сюда пустил?

Септимий от страха словно проглотил язык.

— Дядя, — пробормотал он после долгой паузы.

Это рассмешило коротконогого.

— Племянничек нашелся! Что-то не могу тебя припомнить.

— Дядя там, — проговорил наконец Септимий, показывая на дверь.

— Так бы ты сразу и говорил, голова, что твой дядя цирюльник. Ему сейчас не до тебя. Скоро сюда император опять придет. Пойдем со мной.

Он повел Септимия в конец коридора и ткнул его куда-то в угол.

— Стой здесь и смотри, а я твоему дяде сам скажу о тебе. Освободится он и за тобой зайдет.

Септимий даже не поблагодарил Тигеллина и не заметил, как тот ушел. То, что он увидел перед собою, захватило его целиком.

На деревянный помост вышли рабы с крытыми носилками на плечах. Сделав несколько кругов, они остановились и поставили носилки на землю. Два чернокожих служителя с го-

лыми ногами распахнули полог носилок и замерли, скрестив руки на груди.

Из носилок вышел император, еще более величественный, чем прежде. Теперь он уже никого не боялся. Он шел с высоко поднятой головой. Его движения были неторопливы и размерены. Септимий ощутил благоговейный трепет. Он готов был отдать жизнь, лишь бы стоять у носилок вместо этих чернокожих со скрещенными руками.

Откуда-то выбежали двое: один тощий, в черном хитоне, с длинными волосами, распущенными по плечам, другой толстый, как пифос⁹. Септимию они сразу не понравились. Было что-то в их физиономиях зверское. И потом, стоило императору отвернуться, как они делали друг другу какие-то странные знаки. Но вот они ушли. Удалились рабы-носильщики. Одни чернокожие продолжали стоять как статуи.

Император, кажется, устал с дороги и прилег на бугорке отдохнуть. Заиграла музыка. Септимия это немало удивило, так как нигде не было видно музыкантов. Казалось, это были звуки невидимых флейт и лир, доносившиеся с неба.

И вдруг в нескольких шагах от Септимия приподнялось что-то круглое, словно крышка бочки, и показалась взъерошенная голова.

«Соглядайте!» — подумал Септимий.

И в этот момент снова показались те двое: длинноволосый и толстяк. Они шли на цыпочках, чтобы не разбудить императора. Но что у них в руках? Длинная железная цепь.

«Что же смотрят чернокожие? Может быть, они спят? — лихорадочно думал Септимий. — Да это же настоящие злодеи! Они хотят заковать императора! Они подкрадываются к нему, как волки».

Блеснула цепь в руках длинноволосого и упала на ноги спящего императора. И в это мгновение словно какая-то сила бросила Септимия на сцену. Удар был нанесен в челюсть. Злодей не сопротивлялся. Видимо, он не думал, что у императора найдутся защитники. Еще один удар в висок — и тощее тело, описав дугу, упало на подмости.

Толстяк несколько мгновений в ужасе смотрел на неизвестно откуда взявшегося безумца и вдруг бросился бежать. Септимий не дремал. Одним прыжком он догнал беглеца и влепил ему такую затрещину, что тот перелетел через сцену и упал в оркестру.

Весь театр встал на ноги. Публике понравился этот неведомый актер, внесший столько жизни в мир театральных условностей. Зрители ревели от восторга. Крики сотрясали огромный зал. Ни одна пьеса не имела такого шумного успеха.

И только Квинт Цецилий не разделял общего восторга. Он даже не встал со своего сидения. Руки его дрожали. Лоб покрылся мелкими капельками пота. Один Квинт Цецилий, казалось, понимал, что произошло непоправимое. «А что если он убьет Нерона! Ведь он обещал с ним расправиться!» — думал с ужасом сенатор.

Воодушевленный криками публики, Септимий метался по сцене, готовый уничтожить каждого, кто посмеет поднять руку на любимого императора. Но сцена опустела. Чернокожие истуканы молниеносно исчезли. Один лишь суфлер с открытым ртом застыл в своем убежище, высунув голову из люка. Септимий ударил ногой по крышке люка и прихлопнул соглядатая, как мышь.

Теперь на сцене остался лишь один император. Видимо, он был настолько потрясен своим неожиданным избавлением, что не сразу опомнился. Так, во всяком случае, казалось Септимию. Но к тому времени, когда Септимий расправился с соглядатаем, император встал на ноги, сбросив массивные оковы. Они отлетели на несколько шагов и глухо ударились о подмостки.

— А ну-ка, покажи кулак, — сказал император, подходя к Септимию.

Септимий, глупо тараща глаза, сжал ладонь и поднес кулак чуть ли не к самому носу властелина.

— Чудовище! — с чувством неподдельного восторга произнес император. — Здорово ты их расшвырлял.

Покосившись на злодея, лежавшего в прежней позе у его ног, добавил:

— Этот уже отыгрался. А ведь считался первым актером. И сколько ролей сыграл! Сколько наград получил! Все в руках Фортуны!

Зрители вопили, топали ногами.

На сцену вышел Тигеллин.

— Уйми народ! — сказал император коротко. — Объяви, что представление окончено. Пусть расходятся по домам.

— Народ радуется, что ты вне опасности. Этот простой человек, — Тигеллин указал на Септимия, — не мог спокойно видеть, как императора заковывают в цепи, даже если это происходит на сцене. Настолько к тебе велика любовь толпы, божественный!

— Да, народ меня любит, — самодовольно сказал император. — И я люблю свой народ. Стал бы я выступать на подмостках, если бы не хотел доставить удовольствия римлянам. Даже в этом наряде персидского деспота я остаюсь их любимым Нероном. И им нравится, что император — великий артист. А этот старый болтун Квинт Цецилий уверял меня, будто я уроню свое достоинство, если покажусь на подмостках. Ему стала поперек горла моя слава.

— Вот ты и сам понял, божественный, кто тебе друг, — сказал Тигеллин, угодливо склонившись. — Разве можно верить этим старым болтунам, похваляющимся знатностью рода. Этот юноша, впервые прибывший в Рим, более достоин твоей божественной милости, чем все они, вместе взятые.

— Ты прав, Тигеллин, — охотно согласился император. — Этот человек заслуживает награды. Объяви народу, что я дарю юноше четыреста тысяч сестерций, а ты возьми его на службу в преторианскую гвардию. Под охраной таких, как он, мы заживем как боги.

С этими словами император скинул маску.

В глазах у Септимия потемнело, словно его ударили доской по голове. На сцене стоял тот самый буян, который прошлой ночью напал на сенатора...

СЛУЧАЙ В БАЙЯХ

Аве миля песчаного пляжа. Пинии, подпирающие ярко-синее небо. Виллы, сверкающие белой колонн. Модницы в неподпоясанных туниках из такой тонкой ткани, что кажется, они без одежды. Молодые люди, которые пахнут, как лавки с благовониями. Страдающие одышкой сенаторы и их юные вольноотпущенники. Тоги, хитоны, галльские плащи. Смесь всех языков и наречий. Сказочная оранжерея парусов на горизонте. Выкрики разносчиков воды и продавцов зонтиков. Азартный стук костей и звон монет. Плеск. Брызги. Хохот. Вот что такое Байи!

Дорогу, ведущую из Рима к Байям, называют дорогой Легкомыслия. Говорят, что у ее первого мильевого столба¹ остаются все старые привязанности и заботы. Самые серьезные и здравомыслящие люди превращаются в беспечных юнцов, стоит им лишь проехать этот мильевой столб. Мысль о соблазнах, которыми полны Байи, отныне владеет ими. В Байях есть все удовольствия. Вы скажете, что там нет амфитеатра? Но разве вам мало петушинных боев? А в дни, когда в небе пылает Сириус, в Байи пережочевывают прославленные римские мимы². Представления даются в гавани. Их посещают и женщины.

Если у вас есть друзья, которые любят ваше вино и ваш стол, лучше молчите, что вы возвратились из Бай. Иначе вам не избавиться от непрошенных гостей. Они вам не дадут покоя. Им надо знать все подробности, а завтра о них узнает весь Рим.

— Ты из Бай? Ну и как?

Губы их заранее вытягиваются в улыбке. В глазах жадный и нетерпеливый огонек. Попробуй им растолковать, что ты ездил в Байи лечиться, что врачи приписали тебе теплые серные ванны и морской воздух.

— Знаем мы эти ванны! — скажут они многозначительно. — Рассказывай! Не тяни!

Так же встретили и Квинта Теренция. Слух о его возвращении распространился с такой быстротой, с какой распространяется известие о предстоящей раздаче бесплатного хлеба. Изголодавшиеся клиенты заполнили атриум. Теренций расцеловался со всеми. Обычай этот, занесенный в город Ромула с Востока, был ему неприятен. Но что делать? Так принято даже при императорском дворе.

Смолк шум голосов. Гости расселись на скамьях у стен, и Квинт стал рассказывать.

— Не скрою, друзья, — начал он, — поездка была удивительной. Я отправился в Байи, чтобы забыть Кинфию. Так мне советовали все.

Один из гостей, человек с широким лицом и оттопыренными ушами, перебил Теренция.

— Я первый сказал тебе: отправляйся в Байи, там самые красивые женщины.

— Вот ты и ошибся, Публий, — продолжал Теренций с улыбкой. — Речь будет не об этом. В Байях появилась новая забава — ночные катания с факелами. Те, у кого нет собственных лодок, нанимают лодочников. Решил покататься и я. На душе у меня было прескверно. Нанял я мальчишку-лодочника. Лицо в веснушках. Глаза живые и быстрые. Звали его Луцием. Лодчонка у него утлая, но на борту намалевано «Саламиния». Удивился я этому названию. Оказывается, маль-

чишка учится и каждое утро на своей лодчонке переправляется через залив к Путеолам, где его школа. От наставника своего он узнал о великой битве при Саламине³ и назвал свою лодку Саламинией. Мальчишка, хоть и зовут его Луцием, грек. Этих греков к нам в Италию нужда гонит. За душой ни сестерция. А ведь горды!..

Море было тихим, как любимая после ссоры. Волны качали лодку в своих объятиях. Факел горел на носу, и тысячи мошек летели на его огонь. Я лежал на дне лодки и любовался звездным небом. Есть люди, которые умеют читать по звездам. Их называют халдеями, хотя чаще всего они сирийцы или иудеи. Опасное у них ремесло. Сколько раз их изгнали из Рима! Римляне стремятся узнать свое будущее и боятся его. А мне бы хотелось прочесть приговор своей судьбы, чтобы встретить ее со спокойным сердцем и открытыми глазами. Жаль, что я не обучен читать по звездам.

Мальчишка греб и что-то напевал себе под нос. Я сказал, чтобы он спел погромче. Луций не заставил себя упрашивать. Это была одна из тех песен, которые поют кампанские рыбаки. Никто не знает, кто их сочинил. Может быть, они появились вместе с морем. Вдруг мальчишка замолчал. Весла замерли в его руках. «Смотри, господин, смотри!» — вскрикнул он. Я приподнял голову. В нескольких локтях⁴ от лодки я увидел длинное вытянутое тело. Черная спина блестела при свете факела. «Дельфин, — сказал Луций. — Видишь, как слушает». И в это же мгновение дельфин исчез. Я долго всматривался в воду. Он не возвращался.

Конечно, я не поверил мальчишке. Дельфин мог случайно оказаться поблизости. Наконец, его мог привлечь свет факела. В легенде, которую рассказывают греки об Арионе⁵, столько же правды, сколько в их баснях о драконах или сиренах. У греков богатое воображение. Даже этот мальчишка представил себе, что он Фемистокл, и назвал свою лодчонку Саламинией.

Следующей ночью мне вновь захотелось покататься. Ночное море еще прекраснее, чем дневное. Лунные блики. Ти-

шина, нарушаемая лишь звуком флейт и голосами влюбленных. Факелы отражаются в волнах, как звезды. Да, я забыл вам сказать, что днем мне повстречался Вителий. Вы слышали, наверно, о сенаторе Марке Вителии? Так это его племянник. Красив, как Нарцисс, и так же влюблен в себя⁶. Завивается. Волосы на ногах выщипывает. Не растает с серебряной тросточкой, у которой ручка выгнута, как голова змеи. Уверяет, что эта тросточка принадлежала когда-то Сулле и что она приносит счастье своему обладателю. Конечно, Вителий и стихи пишет.

— В Риме теперь урожай поэтов,— сказал Публий.— Сочиняют, кому не лень. И даже ухитряются продавать.

— Конечно, Вителий слишком богат, чтобы продавать свои стихи. Он сам готов заплатить, лишь бы его слушали. А тут такой случай. Я ему подвернулся. Вцепился он в меня как клещами. Пришлось взять его с собой. Уступил я ему дно лодки. Сам сел на носу с факелом. А Луций на веслах. Что может быть хуже дурных стихов великолепной ночью в Байях? Они как безвкусные побрякушки на шее у красавицы. Стихи сыпались как из дырявого мешка. После первых двух строк у меня пропал к ним интерес. А он все читал и читал. Я слушал из вежливости. Потом стал ерзать и чуть не выронил факел. Наконец, не выдержав, я громко зевнул и сказал мальчишке: «Луций, спой вчерашнюю песню».

Мальчик запел. И что вы думаете! Едва он открыл рот, как у левого борта показался наш старый знакомец — дельфин. Клянусь Юпитером, ему полюбилась песня Луция. Теперь я в этом не сомневался. И действительно, было в этой песне что-то наивное, трогательное и в то же время мудрое. Я сам готов был слушать ее всю ночь. Особенно после стихов Вителия. И пел мальчишка великолепно. Кажется, ему льстило, что его слушает морской зверь. Вителий, видно заметив, что мы смотрим в воду, приподнялся. Не знаю, испугал ли его дельфин, или ему стало обидно, что его декламации предпочли пение нищего лодочника, — но он схватил свою трость и ткнул ею дельфина. Мальчишка — откуда только у него

взялась смелость! — возьми да ударь Вителия по руке. И знаменитая серебряная трость полетела в воду в дар Нептуну. Видели бы вы, как Вителий расшвырялся! Он схватил мальчишку за горло и начал душить. Луций сопротивлялся изо всех сил. Лодка качалась. У меня потемнело в глазах: вы же знаете, какой я пловец. «Отпусти мальчишку!» — кричал я. Но в ярости человек становится глухим. Лодка качнулась в последний раз, и мы оказались в воде. В первое мгновение я растерялся. До берега полмили. Мне не добраться. Но справа и слева другие лодки. Поплыл я к той, что ближе. За мной — Вителий. Море не охладило его пыла. Ругань так и вылетала из его рта...

— А мальчишка? — спросил кто-то из гостей. — Что стало с Луцием?

— Мальчишка... О нем-то и речь. Оглянулся я и вижу: он сидит. Нет, не на перевернутой лодке. Его дырявая посудина пошла ко дну. Мальчишка сидел на дельфине. Это я понял, когда он с огромной скоростью пронесся мимо нас. Только рукой успел мне махнуть...

— Ты открыл глаза и проснулся, — иронически усмехнулся Публий. — Так ведь принято заканчивать подобные истории.

— Вновь ты ошибся, Публий, — сказал Теренций. — Наберись терпения. Рассказ мой еще не окончен. На следующее утро, отдохнув после ночного купания, я отправился к морю. И что же я увидел? На берегу толпа. Все кричат и показывают пальцами: «Смотрите! Вон там!» Конечно, вы уже догадались, все смотрели на моего Луция на дельфине. Мальчишка держался как настоящий наездник. Он пригибался к шее своего морского коня, хлопал его пятками. Оказывается, Луций

возвращался из ПUTEOL. Пока мальчик занимался в школе, дельфин его терпеливо ждал. Я понимаю, зависть — дурное чувство. Но признаюсь, я завидовал маленькому лодочнику. И мне бы хотелось пронестись по морю на дельфине. Нет, мне не нужно, чтобы на меня показывали пальцами. Дельфин отвез бы меня на острова Блаженных, о которых мечтал Серторий. На этих островах счастье дается людям так же просто, как воздух. И еще я подумал о том, что греки не такие уж выдумщики и болтуны, как мне казалось. Дельфин мог спасти Ариона. И драконы могли существовать в старину, хотя никто из живущих в наше время их не видел.

Как же мало мы знаем о земле, о существах, которые ее населяют! Часто мы отказываем им в разуме просто потому, что привыкли считать, будто умом обладает лишь тот, кто передвигается на двух ногах и владеет речью. И сколько пустых и ненужных дел мы находим для себя...

Как бы с трудом оторвавшись от своих мыслей, Теренций взглянул на гостей. Они слушали его с интересом, и на их лицах не было и следа того игривого настроения, с которым они пришли расспросить о Байях. Теренций спохватился: за рассказом он забыл о своих обязанностях хозяина.

— Накрой стол в триклинии? — приказал Теренций управляющему и, обращаясь к гостям, сказал: — Ничего другого, достойного упоминания, в Байях не произошло. Да и публика с ее праздностью и жадной самых разнообразных развлечений стала мне внушать отвращение. Ночные катания с факелами больше меня не привлекали. Я возвратился в Рим.

— А куда делся дельфин? — с недоверием спросил Публий.

— Слава ведь тоже приносит беспокойство. И немалое! — ответил Теренций. — Детей палкой нельзя было загнать в школу. Всем хотелось взглянуть на ручного дельфина. Кончилось тем, что учитель обещал спустить с Луция шкуру,

если он еще раз приедет на дельфине. Луций расстался со своим другом. Мальчишка не плакал. Он не слезлив. К тому же и накатался он всласть. Теперь у Луция новая лодка. Я счел своим долгом купить ее ему, так как «Саламиния» утонула по моей вине.

* * *

Рассказ о мальчике, которого дельфин доставлял на своей спине в школу из Бай в ПUTEОЛЫ, я нашел у римского естествоиспытателя Плиния Старшего. Племянник Плиния Старшего, Плиний Младший, также рассказывает о дельфине, игравшем с пловцами в заливе африканского города Гиппо Диарит и бравшем у них из рук пищу. И греческий писатель Павсаний сохранил рассказ о прирученном дельфине. Вот он: «В Пороселене я сам видел дельфина, выказывающего благодарность мальчику за то, что он вылечил его, когда рыбы его ранили. Я видел этого дельфина, как он слушался зова мальчика и носил его на себе, когда ему хотелось покататься».

Современные Плинию историки с недоверием относились к этим свидетельствам, полагая, что это вариации сказочного сюжета о благодарных животных. Но исследования зоологов подтвердили сообщения древних о том, что дельфин — удивительное, высокоорганизованное животное, он действительно музыкален, его можно легко приручить.

ГОСТЬ ИЗ РИМА

В небе пылает Гелиос. Воздух густ и неподвижен. От камней и черепичных крыш пышет жаром, как от раскаленной печи. Одинокое прохожие стремятся поскорее миновать открытые места и укрыться в прохладе портика. В это время дня на улице не встретишь даже собаки. И вдруг повозка! Колеса, обитые железом, гремят по камням. Тень от повозки бежит по мостовой, ломается на углах зданий. Крытый верх из дорогой плотной материи, великолепная тройка коней одной масти, рослый кучер в нарядном плаще и широкополой шляпе.

«Такого выезда нет ни у кого в нашем городе и окрестных виллах, — думал дуовир¹ Геренний, провожая повозку встревоженным взглядом. — Конечно, это гость из Рима. Наверное, сенатор. Решил захватить врасплох! Даже в курию² не заглянул. Эти римские сенаторы завели моду тащить за собой целую свиту из либертинов. Все они привязчивы, как осенние мухи, и прожорливы, как саранча. Вино им кислит! Масло горчит! В банях грязно! В прошлом месяце приезжали ревидовать пожарную команду. Где-то среди пожарников оказались поджигатели. Весь город дрожал как в лихорадке. Еле отделались. А этот приехал без свиты. Бойтся свидетелей? Или хочет, чтобы все досталось ему одному?»

Повозка повернула от форума к городской тюрьме. Геренний облегченно вздохнул. За тюрьму он спокоен. Эдил³ Сервилий безупречен, как динарий добрых старых времен. Не напивается до бесчувствия. Взятки с заключенных не берет. Впрочем, что с них возьмешь! В тюрьме пятеро арестантов. Четверо из них — беглые рабы, пятый — разбойник из шайки Буллы⁴. Удивительные теперь пошли разбойники! Золото и драгоценности в землю не зарывают. Нищим отдают! Будто у них иной заботы нет, как одевать и кормить бездельников и лентяев. А раньше припрятанным золотом от креста откупались⁵. Тяжело теперь эдилом быть. Доходов никаких. Одни расходы и волнения.

Геренний заторопился на кухню, чтобы дать распоряжение об обеде для знатного гостя. Конечно, сенатор на обратном пути посетит дом дуовира. Старое вино смягчает сердце и развязывает язык. Хорошо бы узнать, что делается при дворе. Кто теперь в чести, а кто в опале? Не готовится ли новый эдикт о налогах? А завтра Геренний поведет сенатора в амфитеатр. Прибыли звери из Африки. Есть что показать!

Пока Геренний готовился к приему знатного гостя, в табличке Сервилия шла беседа. Приехавший сенатор сидел против эдила, положив на стол большие загорелые руки. Сервилий не мог отвести глаз от его перстней. У всех ювелиров города не найти такого бриллианта, что у него на среднем пальце левой руки. Да и каждый из других колец стоит состояния. Эта кроваво-красная яшма как огонек пламени. А рядом с нею — великолепный изумруд. «Наверно, этот сенатор — близкий друг самого императора», — думал Сервилий, с подобострастием ловя взгляд гостя.

Сенатору на вид было лет сорок. У него волевое лицо с крупным носом и крутым подбородком. На правой щеке выше губы — небольшой шрам. Сразу видно, что не родство, а боевые заслуги выдвинули этого человека на первое место в государстве. В его взгляде есть что-то, говорящее об умении подчинять людей своей воле.

— Так ты говоришь, что у тебя в тюрьме пятеро? — спросил сенатор, играя кольцами. — А куда ты дел остальных?

— Трех беглых отдал господам. Вот расписки.

Сенатор взял свитки и углубился в чтение. На мгновение его квадратный лоб перерезала морщина. Брови сошлись.

— Расписки, — недовольно проговорил сенатор. — А где подписи трех свидетелей? Знаешь, чем это пахнет? Раба согласится взять каждый и расписку выдаст. Ты и разбойника готов продать в эргастул⁶, а там его ищи!

— Разбойник продан строителю игр, — осторожно возразил Сервилий. — Завтра вечером его сожрут львы. А деньги, пять тысяч сестерций, получила городская казна. Есть расписка и подписи свидетелей.

Лицо сенатора побагровело.

— Львы... Пять тысяч сестерций, — с усилием проговорил он.

В его взгляде были ярость и презрение. Сервилий съежился, хотя еще не понимал, что могло вывести сенатора из себя.

— Вам лишь забота о своей городской казне. А знаешь ли ты, волосатая луковица, во что обходятся государству посылы в портах и на дорогах? Сам божественный Септимий Север приказал выдать из фиска⁷ сто тысяч сестерций на поимку Буллы. Нет ни одного уголка земли, куда не простиралась бы власть нашего императора, а в Италии, чуть ли не

у стен вечного Рима, хозяйничает какой-то дерзкий разбойник. Он опустошает богатые виллы, нападает на императорскую почту. И всего опаснее, что к нему толпами бегут рабы. Владельцы латифундий потеряли покой. Мы в Риме сбились с ног, чтобы отыскать след Буллы, а вы затапываете его своими грубыми калугами ради каких-то пяти тысяч сестерций. Узнали ли вы хотя бы приметы этого Буллы?

Сервилий молча подоdvинул сенатору пергаменный свиток.

Сенатор небрежно взял его и, развернув, пробежал глазами.

— Узнаю руку Геренния! Видно, по ней еще скучает линейка школьного учителя. Да разве так составляют приметы? Подумаешь, шрам на правой щеке! У меня самого шрам. Оттопыренные уши! Посмотри на себя в зеркало. Это говорится о твоих ушах. Неужели разбойник больше ничего не сказал о своем главаре?

— Приметы Буллы нам были известны и без него, — вставил эдил. — Никакими пытками не удалось вырвать у разбойника ни слова о Булле. Вчера я ему предлагал свободу за то, чтобы он сказал, где прячется Булла. И знаешь, что он ответил? «Если Булла узнает, что я его выдал, он найдет меня и на дне морском». На всякий случай я приказал усилить охрану тюрьмы. Кто знает этого Буллу! Вдруг он вздумает освободить своего сообщника!

Сенатор захохотал.

— Ты думаешь, Булле жизнь недорога, — сказал он, давсь от смеха. — Будет он ею рисковать ради одного разбойника! А палачи у тебя шутники. Не выжать ни слова о Булле! Наверное, они умеют только щекотать. У нас в Риме твой разбойник заговорит. Я займусь этим сам! Веди меня к нему, — сказал сенатор после короткой паузы. — Хочу взглянуть на человека, который не боится ни огня, ни железа.

У входа в подземелье сенатор брезгливо поморщился. Видно было, что ему неприятны грязь и смрад тюрьмы и вообще вся эта миссия, возложенная на него императором, и только чувство долга заставляет его заниматься этим дурно пахнущим делом.

Сервилий шел впереди, за ним неторопливо шагал сенатор. Шествие замыкал тюремщик. Ключи звенели у него на поясе. Коридор казался бесконечным. Он освещался лишь оконцами, пробитыми под самым потолком.

Наконец Сервилий остановился. Тюремщик вынул из связки большой ключ и просунул его в замочную скважину. Дверь со скрипом открылась. Прошло несколько мгновений, пока глаза привыкли к темноте и можно было различить человеческую фигуру на куче соломы в углу камеры. Разбойник лежал неподвижно, не проявляя интереса к тому, что делалось у него за спиной.

— Почему он не встает? — заинтересовался сенатор.

— Такой уж это народ, — сказал Сервилий как бы извиняясь. — Нет у него уважения ни к чину, ни к возрасту. Да приди сюда сам император, этот не поднимется! Кроме Буллы, никого не признает.

Сенатор с насмешкой взглянул на Сервилия.

— Ты говоришь, нет уважения, не признает. Сейчас мы посмотрим.

— Встать, собачий корм! — крикнул он.

Словно какая-то сила подняла разбойника на ноги. Он стоял дрожа всем телом и, как показалось Сервилию, с ужасом смотрел на сенатора.

— Вот видишь, — сказал сенатор, похлопывая Сервилия по плечу. — Не понадобилось и раскаленное железо. Эти молодцы чувствуют, что со мной шутки плохи.

«Этот заставит заговорить, — думал Сервилий, с уважением глядя на сенатора. — Вот его бы в наш город! Дороги снова стали бы проезжими. Прекратились бы грабежи. Рабы забыли бы о своих дерзостях».

— Собирай разбойника, — сказал сенатор эдилу, когда они оказались в таблине. — Он мне понадобится в Риме.

Сервилий отрицательно помотал головой.

— Нельзя. Он уже продан. И я за него отвечаю головой. Сенатор усмехнулся.

— Видимо, ты ценишь свою глупую голову дороже, чем оценена голова Буллы. Но я бы не дал за твой черепок ни гроша. Ты, кажется, забыл, с кем разговариваешь и чье распоряжение я выполняю! Если тебе мало моего слова, я готов оставить письменное распоряжение.

Сенатор пододвинул к себе свиток с приметами Буллы, развернул его и небрежно нацарапал на обратной стороне несколько слов.

— Передашь это Гереннию. А пять тысяч сестерций за разбойника пусть вернет из своих денег. Так ему и скажи. А теперь веди своего разбойника. И поживей! Я пока напишу Гереннию еще пару слов.

* * *

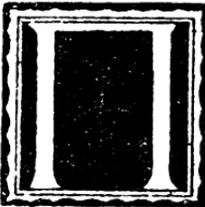
Когда Геренний подошел к тюрьме, чтобы встретить гостя и проводить его в курию, еще не осела пыль от колес повозки. Из тюрьмы выбежал Сервилий и чуть не сбил Геренния с ног. Никогда еще дуовир не видел Сервилия таким возбужденным.

— Вот! Прочти! — кричал он, протягивая Гереннию свиток.

Геренний развернул свиток с приметами Буллы.

— Не здесь! На обороте! — кричал Сервилий.

«Булла не оставляет своих в беде», — прочитал Геренний. А ниже было написано: «Твой Геренний старый осел».

Помнишь тогу, которая была на господине? — спросил Думнориг, пододвигаясь к Рбелле. Он не видел в темноте его смуглого лица, но ощущал на своих щеках горячее дыхание.

— Помню, — ответил Рбелла. — У меня заболели глаза, когда я на нее смотрел.

— Снег еще белее, — продолжал с жаром Думнориг. — Он как твои зубы, когда ты смеешься. А возьмешь его в руки — словно погладишь ягненка от тарентийской овцы¹, такой он пушистый и нежный. И он всюду, куда ни глянешь: на полях, на верхушках деревьев, на соломенных кровлях, на конских спинах, даже на шкурах, которые у нас носят зимой люди. Ночью его нанесет столько, что не откроешь и двери. Тогда на выручку приходят соседи. Лопатами, какими здесь убирают навоз, они очищают от снега дорожки к дому, отбрасывают снег от дверей и окон.

Это было так интересно, что Рбелла затаил дыхание. Сон бежал от него. В стране, где родился Рбелла, не было снега. Там и дожди выпадали всего несколько раз в году. Не было там садов и виноградников, как здесь в Италии. Люди жили в пещерах или вырытых в земле ямах.

— Скажи, Думнориг, — спросил неожиданно Рбелла, тронув друга за плечо, — а он сладкий, твой снег?

Думнориг помедлил с ответом. Он не помнил дома, в котором он вырос, почти забыл язык своих отцов. У него сохранилось лишь смутное ощущение снежной белизны и несколько случайных, не связанных между собою, но очень ярких и зримых образов. Сладок ли снег? Да, он брал снег и лепил из него комки. Но какого он вкуса?

— Сладкий? — повторил он. — Конечно, сладкий. Помнишь, на заборе висел глиняный горшок и на дне его было что-то липкое? Вот такого вкуса снег. Или, может быть, еще слаще!

— И каждый может его взять сколько угодно? — спросил недоверчиво Рбелла.

— Да, — уверенно ответил Думнориг. — Снегу так много, что мальчишки лепят из него комки и бросают их друг в друга.

— Тише! — сказал Рбелла. — Сюда кто-то идет.

Послышались шаги. Это, наверно, виллик². Ночью он проверяет запоры эргастула. Иногда заходит внутрь этой подземной тюрьмы, чтобы посмотреть, все ли рабы на месте и спят ли они. Виллик следовал старому римскому правилу: «Раб должен работать или спать». Все дни Думнорига, Рбеллы и других рабов были заполнены изнуряющим трудом, криками надсмотрщика, свистом бича и болью. Но люди всегда остаются людьми. Их можно убить, но нельзя отнять у них мечты, нельзя их превратить в «говорящие орудия», как римляне называли рабов.

— Надо идти к земле моих отцов — галлов, — сказал Думнориг, когда смолк шум шагов. — Твоя земля за морем. А море не переплывешь. И там нет снега.

Рбелле трудно было против этого возразить. Его страна лежала за морем. А море не переплыть. К тому же он не умел плавать. В его стране не было рек. Там не было снега. Там много песку. И ветер плюет им, как верблюд.

— У нас с тобой крепкие ноги, — продолжал Думнориг. —

Мы можем идти ночью, чтобы нас никто не увидел. Я умею находить путь по звездам. Нам надо идти на север, все время на север.

— Скажи, Думнориг, — спросил Рбелла, — ведь твои сородичи едят не один снег! Кто-то у них вскапывает землю и обрезает сухие виноградные лозы. Кто-то на них работает. Не заставят ли они работать меня, как римляне? Не будут они меня бить, если я устану и сяду отдохнуть?

— Ты придешь не один, — успокаивал Думнориг друга. — Тебе вовсе не придется работать. Конечно, если тебе наскучит сидеть без дела, ты сможешь выбрать любую работу. Захочешь — будешь пасти коров, или рубить деревья, или строить дома. У нас в Галлии дома строят не из камней, как здесь, а из бревен. И стены их пахнут смолой. А когда наступит зима и земля покроется снегом, как белой тогой, мы будем с тобой бродить по лесу и бросаться комками снега.

Снег. Думнориг видел его во сне. И вся душа наполнялась светом и радостью. На земле есть не только этот сырой эргастул, эти грязные нары, усталость и боль от бича. Где-то есть снег, светлый, чудесный снег. Чтобы увидеть его, стоит жить.

* * *

Мальчикам удалось открыть засов эргастула и пробраться к ограде. Старый привратник их не заметил, псы не залаяли. Они бросались лишь на чужих, а Рбелла и Думнориг были им давно знакомы. Виллик в эту ночь не зашел в эргастул. Он совершал свой ночной обход больше по привычке, чем из опасения, что рабы убегут. Куда они денутся? Побегут в город? Их поймут на следующий же день. Скроются в горах? Что они там будут есть? А страх перед палачом? Он может удержать от бегства любого здравомыслящего раба, как бы худо ему ни жилось.

Но Рбелла и Думнориг были мальчишками. Они не представляли себе опасностей, которые подстерегали их, не задумывались, что ожидает беглецов, если они попадутся в

руки римлян. Не знали, что, очутись в гладиаторских казармах, куда отправляют беглых рабов, они стали бы мечтать о возвращении на виллу и не устали бы прославлять мягкость вилика и доброту надсмотрщика. Или, может быть, они знали обо всем этом, но юности свойственно бросаться в неизведанное очертя голову.

Они шли по ночам, а днем отдыхали где-нибудь в заброшенной хижине пастуха или в лесной чаще. Один из них спал, другой охранял сон, и к ночи они оба были полны бодрости. В это время года на диких яблонях и грушах висели плоды. Беглецы утоляли голод кислыми яблочками и терпкими грушами. Однажды они наткнулись на заблудившуюся в горах корову и высосали молоко прямо из сосцов. Молоко пахло душистыми травами. Вместе с ним по телу растекалось тепло. Повяло чем-то далеким и родным. Вилла под Тарентом и эргастул — все это показалось дурным сном.

В другой раз раб, пасший в горах отару овец, накормил их мясом барашка и дал в дорогу лепешек и круг сыра. Благодарные мальчики предложили пастуху бежать вместе с ними. Но пастух улыбался в усы. Он был уже стар. Вот если бы скинуть лет двадцать, тогда бы он подумал. Да и живется ему не так уж плохо. Над головою чистое небо и звезды. Он сыт. Что может ему дать свобода?

По словам пастуха, за месяц пути мальчики дойдут до широкой реки, которую римляне называют Падом, а местные жители — Боденком. За рекою начнутся такие большие леса, что человек может в них затеряться, как желудь. Там они смогут идти днем, не опасаясь кого-нибудь встретить. О том, что находится за лесами и далеко ли от них до земли галлов, пастух не знал.

И снова они шли, держа путь по звездам, в страну свободы и снега. Нет, этот край тоже прекрасен, если бы в нем не было виликов и надсмотрщиков, если бы людей не загоняли в душные эргастулы, если бы им разрешили дышать воздухом этих гор и лесов.

Они шли. Порой их провожали во мраке горящие точки глаз и протяжный вой. Волки. Но мальчики не боялись волков. В руках у них заостренные палки. Они сумеют постоять за себя. Беглецы боялись встречи с людьми. И милостивые боги избавили их от этой встречи.

После месяца пути они подошли к широкой и многоводной реке. Берега ее заросли деревьями с длинными и гибкими ветвями. Стволы и ветви были освещены снизу синеватым отблеском воды. Гладкая поверхность реки отражала бескрайние дали неба и близкие деревья.

Конечно, это та река, о которой им рассказывал пастух. Жаль, что он не объяснил, как через нее переправиться. Наверное, где-то есть мосты. Но там и люди. Они могут схватить их и заковать в цепи. И тогда уже Думнориг и Рбелла никогда не увидят снега. Несколько дней мальчики бро-

дили по берегу, шепча молитву духам реки. Им казалось, что если бы они могли принести этим духам жертву, река перенесла бы их на другой берег. Наконец они наткнулись на спрятанный кем-то в кустах челн. Видно, он немало послужил на своем веку. Его днище было в шрамах и ссадинах, как грудь воина. Весла они не нашли, а у них не было ни топора, ни ножа, чтобы его вырезать. Делать было нечего. Пришлось отдаться на милость речных духов. Мальчики сели в челн и палками оттолкнулись от берега. Быстрое течение понесло их. Побежали назад деревья и кусты. Палками грести было трудно. Челн не слушался. Он то накренился, то начинал крутиться, как волчок. Рбелла никогда не видел большой воды. У него закружилась голова. Он выпустил из рук палку и судорожно схватился за борт лодки. Глаза его закрылись. Полные губы вздрагивали. Прошло немало времени, пока Думноригу удалось выгрести к противоположному берегу. Уже можно было схватиться рукой за свисающие ветви ивы и вытянуть челн на прибрежный песок, как Рбелла рванулся, чтобы поскорее выйти на сушу. Челн накренился, и Рбелла упал в воду. У берега было неглубоко, и Думнориг легко вытащил

друга. Но оба промокли. Рбелла дрожал не то от холода, не то от пережитого страха.

Стояла сочная, солнечная осень. Деревья убраны в свой праздничный золотой наряд. Они встретили беглецов торжественным шумом. Осень расстелила под их ногами пестрые ковры.

Из-под листьев, желтых и багровых, поднимались клейкие грибы. Они были похожи на луканских пастухов в черных войлочных шляпах. От грибов и листьев тянуло каким-то необычным острым запахом. Он щекотал ноздри и опьянял, как вино.

Думноригу хотелось прыгать, карабкаться по деревьям, собирать в охапку шуршащие листья и швыряться ими. Рбелла был скучен. Он не смеялся и не шутил, как бывало. Лицо его как-то сразу вытянулось, глаза померкли. Словно его кто-то подменил.

— Что с тобой, Рбелла? — спрашивал Думнориг. — Тебе тяжело идти? Ты устал?

Рбелла не отвечал. Он шел, опустив глаза, и что-то бормотал на своем языке. Таким его Думнориг еще не видел. «Может быть, его околдовали духи реки? — думал галл. — Узнать бы слова, освобождающие от чар».

Ночью Думнориг почувствовал, что Рбелла горит как в огне. Думнориг оторвал лоскут от туники и, смочив его в воде ручья, положил на лоб друга. Он вспомнил, что так поступали рабы, когда кто-нибудь из них заболел. Рбелла уснул и наутро смотрел уже веселее. Думнориг решил идти медленнее, чтобы не утомлять друга.

Днем они отдыхали у дуба, раскинувшего ветви напоподобие шатра. Внезапно раздался шум раздвигаемых кустов и шелест сухих листьев. Мальчики вскочили на ноги и приготовились бежать. Но нет, это не люди, а какие-то странные животные, тощие, с короткой черной шерстью, длинной, вытянутой мордой, которой они шарили по земле, отыскивая желуди. «Может быть, это свиньи? — подумал маленький галл. — Но нет, у римлян свиньи толстые, неповоротливые,

с белой шерстью, сквозь которую просвечивает розовый жир. И где это видано, чтобы свиньи сами бродили в лесу?»

Внезапно где-то далеко запела пастушеская свирель. Животные двинулись в том направлении, откуда слышались звуки.

— Останься, — сказал Думнориг Рбелле, — я прослежу, куда они идут.

Так Думнориг оказался на опушке леса. Прислонившись спиной к дереву, человек играл на свирели. Мелодия была веселой и задорной, совсем не похожей на протяжные, тягучие песни, которые пели рабы в эргастуле. Животные окружили незнакомца и с хрюканьем тыкались ему в ноги. Теперь Думнориг не сомневался, что это свиньи. «Есть же различные породы собак, — думал он. — Так и свиньи бывают разные: белые и черные, жирные и тощие. Человек этот свинопас, но он непохож на пастухов, каких я видел. Какая на нем крепкая одежда! И как он весело играет! Нет, это не раб. Но почему я должен его бояться, если даже эти животные льнут к нему?»

Думнориг вышел из своего укрытия. Незнакомец опустил флейту, долго и внимательно смотрел на мальчика, на его рыжий вихор, на лохмотья его одежды, на босые, сбитые до крови ноги. Потом он сказал несколько слов на непонятном Думноригу языке. Думнориг покачал головой в знак того, что он не понимает. Тогда незнакомец вытащил лепешку и протянул ее мальчику. Думнориг взял ее и, как волчонок, отбежал в сторону.

Человек улыбнулся и сказал что-то еще. Потом он наклонился и поднял на руки вертевшуюся у него под ногами свинку. Та отчаянно забарахталась и захрюкала. Думнориг понял: ему хотят подарить это животное, незнакомец догадывается, что ему предстоит далекий путь и мясо не мешает. Нет, он помотал головой, ему не нужен этот подарок. Пусть только ему покажут, куда идти. Он протянул руку в направлении, в котором, как он считал, находится его страна. Незнакомец подумал и тоже протянул руку, но он пока-

зывает левее, туда, где бурная река упорно пробивалась через лес.

Думнориг вернулся к Рбелле. Он дал ему лепешку и, захлебываясь, стал рассказывать о встрече со свинопасом, о том, что им нечего теперь бояться людей, что в этих лесах уже нет римлян и что здесь даже не понимают их языка. Но Рбелла слушал безучастно, глядя себе под ноги. Даже лепешка не радовала его, хотя они уже много дней не знали настоящей еды.

Думнориг понял, что с другом снова творится что-то неладное. К вечеру, когда они опустились на сухие листья, что бы отдохнуть, Рбелла заметался и закричал:

— Снег! Смотри, сколько его! Он жжет меня. Думнориг, сбрось снег. Не надо грести к берегу. Пусть нас несет.

— Опомнись! — Думнориг тряс друга за плечи. — Тут нет никакого снега. И река осталась позади. Это в тебя вселились злые духи.

Чтобы прогнать их, Думнориг топал ногами, вертел палкой над головою Рбеллы. Но духи вцепились в него, как собаки.

— Снег! Снег! — шептал Рбелла. — Закрой мне глаза. Я больше не могу его видеть.

Рбелла опомнился лишь к утру. Он совсем ослабел и не мог идти. Думнориг нес его на себе, ощущая жаркое дыхание. Рбелла шептал: «Оставь меня, Думнориг! Сам ты дойдешь скорее. Сколько ты сможешь меня нести?» Порой на него нападал какой-то приступ злобы, и он кричал Думноригу прямо в ухо: «Нет никакого снега! Это ты все выдумал!» Думнориг терпеливо нес друга. Он верил, что вскоре расступятся леса и перед ними откроется та страна, которую он сохранил где-то в глубине души, страна его детства!

Утром, дрожа от холода, он проснулся и увидел прямо перед собою сверкающую гряду гор. Вчера весь день устало и безнадежно лил дождь, а сегодня небо очистилось от туч и стали видны эти седовласые великаны.

— Вставай, Рбелла! — кричал Думнориг, тормоша дру-

га.— Видишь горы, покрытые снегом? За ними начинается моя страна.

Но Рбелла не поднимался. Его руки были как-то странно расслаблены и болтались, как плети. Догадка поразила Думнорига. Он припал ухом к сердцу Рбеллы. Оно не билось.

Долго сидел Думнориг у холодеющего тела друга. Его черные неподвижные глаза были открыты и смотрели в небо. Рбелла умер, так и не увидев снега.

Думнориг встал и медленно стал собирать камни. Острые и изломанные, они, наверно, скатились с гор, покрытых снегом. Теперь камни закроют тело Рбеллы. И могильный холмик будет вехой на пути к этим снежным горам...

Думнориг поднимался в горы один. Тропинка изгибалась вслед за бесконечными поворотами реки. Пенная, зеленоватобелая, разорванная каменистыми островками река шумела внизу, и в ее шуме мальчик улавливал незнакомые ему голоса духов этой горной страны. Они взяли у него друга. Чего же они хотят еще? Думнориг шел, не ощущая ни холода, ни боли в израненных ногах. Неподвижно стояли по склонам сосны, удивленно пропуская его вперед. Но Думнориг не видел ни сосен, ни ползучего кустарника, ни отцветших горных роз. Перед его глазами была лишь гора из сверкающего снега, закрывшая собою полнеба. Долина все сужалась, тропинка становилась круче и извилистей. В груди спирало дыхание. Но Думнориг все шел и шел. Он знал, что, если остановится, не найдет сил двигаться дальше. За этим поворотом тропинки показалось что-то грязно-серое. Это снег или, вернее, лед. На изломе он зеленый. Здесь берет начало этот быстрый ручей, который где-то внизу превращается в широкую реку. И эта река течет в лесистых берегах и несет воды к морю...

Не так ли и люди ищут и находят свои пути?..

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Легенда

Некогда на земле жил вождь по имени Гассире, что значит справедливый. Он ходил войной на другие племена, побеждал своих врагов, грабил их селения. Сердце его не знало жалости и сомнений. Ему казалось, что он всегда прав, и все вокруг верили в его правоту. Все говорили: «На земле еще не было такого мудрого и могущественного вождя, как Гассире!» Вождь поверил этим льстивым словам и захотел, чтобы слава о его подвигах и память о нем сохранились в веках.

И вот он решил воздвигнуть такую высокую башню, чтобы она была видна со всех концов страны.

«На башне, — думал он, — я прикажу поставить мое изображение из вечного камня. Когда меня не станет, пусть живущим кажется, что мой дух наблюдает за ними с высоты, пусть они помнят обо мне!»

Чтобы добыть средства для постройки башни, Гассире отправился походом в далекую страну, лежавшую возле моря, ибо в той стране было золота столько, сколько песку.

Разбив войско этой страны и нагрузив своих верблюдов и коней золотом, Гассире возвращался домой через пустыню. Дыхание раскаленных песков, мерное покачивание верблюдов утомили воинов. Многим стали видеться странные мира-

жи: одним казалось, что далеко, на горизонте, медленно движется караван, другим чудились вдали прекрасные пальмы, в ушах раздавалось журчанье ручья, а самому Гассире виделись удивительные строения, сменявшие друг друга. Но несколько строений, издали напоминавших муравейники, не исчезали. Они вырисовывались все явственнее и по мере движения каравана увеличивались.

И вот Гассире оказался у подножия одного из них, уходящего своей остроконечной вершиной в самое небо. С удивлением вождь и его воины смотрели на гладкую наклонную стену, сложенную из огромных камней. Какой надо обладать силой, чтобы поднять эти глыбы на такую высоту!

«Наверно, это дом великана, о котором рассказывается в сказках», — подумал Гассире и решил обойти это здание, чтобы найти вход внутрь.

Не прошел Гассире и ста шагов, как увидел странную фигуру с человеческим лицом и львиным туловищем. Это каменное чудовище было наполовину засыпано песком, нос и щеки выщерблены, но оно еще простирало вперед свои лапы, словно готовилось к новой схватке со всепобеждающим временем.

— Позовите ко мне одного из пленников! — приказал Гассире.

Воин привел маленького человека со связанными сзади руками. Кожа его лица была такого же цвета, что и пески его страны, лежащей возле моря.

— Кто воздвиг это здание? — спросил вождь.

— Мой народ, — гордо ответил пленник. — Это строение — гробница. Оно — дело рук моего трудолюбивого народа.

— А это что? — спросил Гассире, указывая на каменное чудовище.

— Это царь, который заставил народ строить себе гробницу из камня.

— Как звали царя?

— Имени его никто не помнит, — отвечал пленник.

Лицо Гассире помрачнело. Всю дорогу до дома он молчал.

«Умру я, — думал Гассире, — и обо мне забудут, так же как забыли о могущественном царе из страны, лежащей возле моря. Никто не запомнит даже моего имени. Нет, я не буду строить высокую башню! Я не хочу, чтобы слава досталась жалким пленникам, работающим под ударами плетей!..»

Однажды Гассире услышал песню. Звуки ее наполнили его сердце светлым и радостным чувством.

«О чем поется в ней?» — с интересом подумал вождь и пошел на голос песни.

У дверей маленького домика он увидел девушку. Заметив вождя, девушка замолкла.

— Скажи, красавица, о чем ты поешь? — спросил Гассире.

— Я пою о прекрасном юноше, — отвечала девушка.

— А чем прославился этот юноша, какие он завоевал страны? — спросил вождь.

— Этот юноша не был могучим воином: он был простым пастухом и жил много лет назад. Он любил одну девушку, но злые люди разлучили их, и юноша лишил себя жизни...

Вождь задумался. Песня — вот что может дать бессмер-

тие! Какой-то пастух, живший много лет тому назад, сохранился в людской памяти благодаря песне!..

Наутро вождь созвал приближенных.

— Идите, — сказал он им, — и объявите, что каждый, кто сочинит обо мне песню, получит меру золота!

На следующий день у ворот дома стояла большая толпа. В руках у людей были лютни и флейты. Это были певцы, сочинившие песни о вожде и желавшие получить обещанную награду.

Певцов ввели в дом и приказали по очереди исполнять свои произведения. И они пели о мудрости, щедрости, великодушии вождя Гассире. Сам вождь слушал певцов, и каждому после окончания песни по его знаку выдавали меру золота. До поздней ночи продолжалось это состязание. Приближенные от усталости еле держались на ногах. Наконец главный казначей почтительно подошел к вождю.

— О вождь! Мы уже выдали триста двадцать пять мер золота, а певцов, желающих прославить твою мудрость, не убавилось. У ворот стоит новая толпа поэтов!

— Довольно! — приказал вождь, как бы опомнившись. — Гоните остальных прочь! Я уже достаточно прославлен. Никому еще на земле не было посвящено столько песен, сколько мне. Если я умру, слава моих подвигов не будет забыта...

Прошло много лет. Старый вождь заболел. Лишился сна. Однажды ночью он лежал на постели и в тишине прислушивался к биению своего сердца. Оно билось прерывисто и глухо.

Вдруг он услышал песню. Кто-то пел под окнами его дома.

«Нет такого человека, владеющего острым мечом, который не был бы забыт. Преходящи военные подвиги: их порождает грубая сила. Герои, и города, и страны — все они будут забыты. Забудутся песни, купленные за золото. Но есть песня, которая называется Даузи. Она будет жить вечно...»

Тотчас же призывает к себе Гассире главного мастера.

— Сделай мне лютню, — говорит он мастеру, — такую лютню, чтобы я мог на ней играть песню Даузи, потому что Даузи — песня, которая живет вечно.

И сделал старый мастер чудесную лютню. Она была из дерева, которое называют черным. Ее струны были из крепких жил. Но руки вождя, привыкшие держать копьё и меч, не могли исторгнуть из струн ничего, кроме звуков, напоминающих барабанный бой.

И Гассире вновь призвал к себе мастера.

— В чем дело? Почему не поет лютня? — спросил вождь.

Мастер ответил:

— Лютня — это всего лишь кусок дерева. Она не может петь, потому что у нее нет сердца. Твое дело — дать ей сердце. Лютня должна впитать в себя твое дыхание, твои радости и твои слезы. Твои заботы должны стать ее заботами, а твоя слава — ее славой. Она должна перестать быть частицей того дерева, из которого ее вырезали. Она должна быть частью твоей судьбы. Никогда не расставайся с лютней, Гассире, и она запоет.

И когда Гассире повел свое войско в соседнюю страну, вместе с ним была лютня.

Гассире и его сыновья бились как герои. Но в первой же битве погиб старший сын Гассире. Вождь вынес его тело на спине, и кровь капала на лютню. Прижимая к груди безжизненную голову сына, он поклялся жестоко отомстить врагу. Запылали вражеские селения. Но молодые воины врага, прячась в лесах, нападали на отряды Гассире. В одной из схваток был убит средний сын старого вождя. Не заплакал Гассире, а только стиснул до боли зубы, словно сдерживая готовый вырваться крик. И повел Гассире своих воинов в леса. Чтобы никто из врагов не ушел живым, Гассире приказал отравить источники и колодцы. Погибли враги, но Гассире не досчитался многих своих воинов. Среди них был и самый дорогой его сердцу младший сын. И тогда впервые в жизни заплакал Гассире, и его слезы оросили лютню.

Настала ночь, и все люди уснули. Только Гассире сидел одинокий у своего огня. Он думал о своих подвигах и понял, что все они были напрасны. И он снова горько заплакал в своем одиночестве. Его пальцы сами потянулись к струнам.

И лютня запела. Казалось, песня исходила из самого сердца Гассире. Лютня пела песню, которая никогда не умрет.

Герои, города и страны — все они забыты. Забыт звон меча Гассире, забыта слава его подвигов. Забыты песни, купленные за золото, но осталась в памяти песня, рожденная любовью и страданиями, песня Даузи, которая живет вечно.

ПРИМЕЧАНИЯ

ХУДОЖНИК

¹ Портик — открытая галерея с колоннами, прилегающая к зданию или являющаяся отдельной постройкой. Портиками окружались преимущественно рыночные площади. Ими пользовались не только для прогулок во время солнцепека и дождя, но и для различного рода собраний или занятий с детьми. Стены портиков служили для выставки картин.

² В демократических Афинах некоторые храмы, в частности храм Тесея, служили убежищем, где раб мог скрыться от преследования.

³ Агора — центральная площадь в греческих городах, служившая местом собраний и рынком. Афинская агора была в начале V в. до н. э. обсажена платанами. Афинянин проводил на агоре большую часть своего времени.

⁴ Немеийский лев и Лернейская гидра, согласно греческим мифам, — страшные чудовища, уничтоженные Гераклом. Победы над ними — два из двенадцати совершенных Гераклом подвигов.

⁵ Педагогами называли рабов-воспитателей, сопровождавших учеников в школу. Педагоги обычно ожидали своих питомцев до окончания занятий.

⁶ Пестрый портик получил свое название по росписи, украшавшей его стены.

⁷ Власть и Насилие — два персонажа из трагедии Эсхила «Прикованный Прометей». Они сопровождают бога Гефеста, приковывающего непокорного титана к скале.

⁸ Гелиос — бог солнечного света. Согласно мифу, Гелиос каждое утро с востока выезжает в колеснице, запряженной четверкой огнедышащих коней, и вечером снова спускается в Океан на западе.

МУЗЫ

¹ Борей — холодный ветер. В мифологии древних греков Борей — бог северного ветра.

² Демётра — богиня плодородия и земледелия. Осенний сев греки в ту пору начинали после того, как пролетали журавли.

³ Аскра — деревня в Средней Греции у подножия горы Геликон, родина великого греческого поэта Гесиода (VII в. до н. э.).

⁴ Кифара, или цитра, — музыкальный инструмент, имевший форму ящика, на котором было натянуто 7—9 струн.

⁵ Феспии — древний город в Беотии.

⁶ Басилей — вождь племени, царь. Во времена Гесиода басилеи были и судьями. Геснод в своей поэме «Труды и дни» называет их «пожирателями даров», то есть взяточниками.

⁷ Перевод стихов Гесиода принадлежит известному писателю В. В. Версаеву, хорошо знавшему и любившему древнегреческую поэзию.

РЫБАК И ЦЕЗАРЬ

¹ Эсквилин — один из семи римских холмов. В эпоху империи аристократический район Рима.

² Нереиды — в греческой мифологии обитательницы морского дна, живущие у своего отца Нерея в блистающем серебром гроте.

³ Маре — по-латыни «море».

⁴ Триремы — большие корабли. Либурны — небольшие суда, плавающие близ берегов.

⁵ Барвена, или краснородка — один из видов морского окуня. Она обладает свойством менять после смерти окраску.

ГЛАДИАТОРЫ

¹ Гладиаторов кормили хлебом из ячменя, считавшимся более сытным и полезным для здоровья. Отсюда шутовское прозвище гладиаторов — «ячменники». Обычной их пищей были также бобы.

² Конечно, гладиаторы убивали друг друга не только мечами, но и другим оружием. Но слово «гладиатор» произошло от «гладнус», что означает меч.

³ Иерусалим был захвачен войсками императора Тита в 71 г. после упорной кровопролитной войны. Тысячи пленников были убиты, многие согни отправлены в египетские каменоломни или отданы в гладиаторы.

⁴ По преданию, город Помпеи получил название от «помпы», с которой Геракл праздновал победу над противником. Соседний город Геркуланум получил имя Геракла.

⁵ На арене уклоняющихся от боя гладиаторов подгоняли бичом и раскаленным железом.

⁶ Коллегии — объединения ремесленников по профессиям. Коллегии Помпей хорошо известны по сохранившимся надписям.

⁷ Согласно поверью, под созвездием Андромеды рождались палачи и

жестокие люди. Андромеда — мифический персонаж, дочь эфиопского царя, прикованная к скале по приказанию бога морей Посейдона и освобожденная греческим героем Персеем.

⁸ Устроителем игр называли должностное лицо или частного человека, бравшего на себя расходы по организации гладиаторских игр.

⁹ Острое оружие гладиаторы получали лишь на арене. Это была предосторожность, вызванная страхом перед гладиаторами, особенно со времени Спартака. Тупое оружие было тяжелее острого.

¹⁰ Айд — по поверью греков, подземное царство, где находятся души мертвых. Отсюда слово ад.

¹¹ Юлианцами называли гладиаторов из школы, основанной Гаем Юлием Цезарем в Риме.

¹² Гладиатор, проявивший искусство и мужество в бою, мог получить почетную награду — рапиду, с которой связывалось освобождение от боев на арене. Такой гладиатор назывался рудиарием. Он не получал полной свободы и обычно использовался ланистой для обучения новичков.

¹³ Гладиаторская казарма находилась в Помпеях близ Стабиевых ворот, у самого въезда в город. Поэтому Децебал не проходил через город в день своего прибытия в Помпеи.

¹⁴ Христианство в I—III вв. считалось запрещенной сектой, а христиане подвергались преследованиям. Только в IV в. римские императоры поняли, что христианство более, чем любая другая религия, защищает власть богачей и оправдывает рабство.

БЕЛАЯ ЛАНЬ

¹ Нурсия — городок в горной области сабинян, к юго-востоку от Рима, откуда был родом герой этого рассказа, выдающийся римский полководец Квинт Серторий (123—72 гг. до н. э.).

² Диана — богиня охоты. Часто изображалась в сопровождении оленя.

³ Проскрипционные списки — списки лиц, объявленных вне закона. Каждый мог убить человека, имя которого было упомянуто в этих списках. Проскрипционные списки Суллы, которые тут имеются в виду (82 г. до н. э.), содержали не только имена политических противников жестокого диктатора — мариянцев, но и просто богачей, чьим имуществом хотел завладеть Сулла.

⁴ Виря́т — национальный герой испанских племен. В 147—139 гг. до н. э. вел войну против римлян.

⁵ Лузитаны — иберийское племя, обитавшее на атлантическом побережье Пиренейского полуострова, предки португальцев.

⁶ Метелл и Помпей — римские полководцы, посланные в римскую провинцию Испанию сенатом. Они вели войну против Сертория, не подчинившегося сенату и объявленного вне закона.

⁷ Ооска — древнее название испанского города Уэска.

⁸ Массáлия — греческая колония в Южной Галлии, основанная в 600 г. до н. э., теперь Марсель.

⁹ Цёры — восковые таблички.

¹⁰ Рёя — имя матери Сертория, удостоверенное источниками. Любовь к матери Серторий пронес через всю свою жизнь. Рея Сильвия — легендарный персонаж, мать близнецов Ромула и Рема. Близнецы, согласно легенде, были отняты у матери и брошены в Тибр.

¹¹ Травяная корона — высшая воинская награда римлян. Она сплеталась из той травы, которая росла на месте, где было спасено от уничтожения войско.

¹² Под Араузионом (105 г. до н. э.) римская армия устроила засаду вторгшимся в Галлию кимврам и тевтонам, но сама попала в ловушку и была почти полностью уничтожена.

¹³ Родáн — древнее название реки Роны.

¹⁴ Претóрий — палатка полководца.

¹⁵ Гармóдий и Аристогетóн — знатные афинские юноши, убившие в 510 г. до н. э. ненавистного народу тирана Гиппарха.

¹⁶ Харóн — согласно греческим преданиям, перевозчик, который на челноке переправляет через реки подземного царства души мертвых. Для уплаты за перевоз умершим клали в рот мелкую монету.

¹⁷ Марк Лициний Красс — римский полководец, сторонник Суллы, богач. Нажил свое богатство на проскрипциях и грязных спекуляциях. В 71 г. до н. э. Красс подавил восстание рабов под руководством Спартака.

¹⁸ Мурёна — морская рыба, напоминающая по внешнему виду змею. Римляне считали ее лакомством. Мурен держали в садках.

¹⁹ Гадёс — город на Атлантическом побережье Испании близ Гибралтарского пролива, называвшегося в древности Столбами Геракла. Теперь Кадикс.

²⁰ Ливия — древнее название Африки.

²¹ Римлянин Серторий имеет в виду Средиземное море.

²² Югúрта — царь Нумидии, ведший войну против Рима в 111—105 гг. до н. э.

²³ Намек на гибель Геракла от яда.

²⁴ Тингис — древняя финикийская колония близ нынешнего Гибралтарского пролива, теперь Танжер.

²⁵ Острова Блаженных, теперь Канарские острова, расположены в Атлантическом океане, западнее Африки. Древним было известно шесть Канарских островов. Они славились мягкостью своего климата. О стремлении Сертория скрыться на Островах Блаженных сообщает греческий писатель Плутарх.

²⁶ Перперна бежал к Помпею и пытался подкупить его, передав ему переписку Сертория с выдающимися лицами Рима. Но Помпей уничтожил переписку, не прочитав ее, а Перперну приказал казнить.

ИЛОТЫ

¹ Ифо́ма — высокая гора в Мессении, области Пелопоннеса, расположенной за Тайгетским хребтом. Спартанцы много лет подряд вели войны с мессенцами, стремясь превратить их в илотов. В 464—455 гг. до н. э. мессенцы восстали и укрылись на горе Ифома. Действие рассказа «Илоты» относится ко времени этого восстания.

ЛИСИЦА

¹ Стадий — мера длины, впервые принятая на Востоке, а затем заимствованная греками. Длина стадия в переводе на метры колебалась у разных народов от 194 до 230 метров.

² Мессенцы — обитатели Мессении. В течение многих лет они вели героическую борьбу против спартанских захватчиков. Аристомен — мессенский юноша, отличившийся в борьбе против спартанцев во время второй Мессенской войны (684—667 гг. до н. э.). Три раза Аристомен попал в плен к спартанцам, но каждый раз удивительным образом спасался. После неудачного исхода борьбы Аристомен удалился на остров Родос, где умер. Он почитался как герой.

³ Ахеронт и Лета — согласно верованиям древних греков, реки подземного царства Аида. Вода Леты будто бы приносила умершим забвение земной жизни.

СОН

¹ Дримак — вождь восставших рабов на острове Хиосе. Восстание Дримака и действие рассказа относится к III в. до н. э.

ЧИСТОЕ ПЛАМЯ

¹ В Спарте ежегодно избирали пятерых правителей — эфоров, обладавших правом привлекать к ответственности и судить всех спартанцев, в том числе и царей. Эфоры руководили внешней и внутренней политикой государства.

² Зенон (около 340—265 гг. до н. э.) — известный философ, основатель так называемого стоического направления в философии. Учитель Агиса и Клеомена Сфер из Борисфена был одним из учеников Зенона.

³ Ликург — легендарный законодатель в древней Спарте. Ему приписывали законодательные изречения (ретры), устанавливавшие равенство между спартанцами. Ретры сохранялись в памяти. Письменных законов в древнейшие времена в Спарте не было.

⁴ Величайшим позором считалось потерять щит. Приведенные слова надо понимать в смысле: «Вернись живым со щитом, или пусть тебя принесут мертвым на твоём щите, который не достанется врагу».

⁵ Агéла, или «стадо», — группа мальчиков, проводивших время в физических или военных упражнениях. Мальчикам преподавались также музыка и пение, как предметы, необходимые войнам.

⁶ Клеомен III правил Спартой с 235 по 221 г. до н. в.

⁷ Сохранился любопытный рассказ о чужеземном царе, отведавшем спартанской похлебки и с отвращением ее выплюнувшим. Спартанец будто бы объяснил царю, что есть похлебку можно лишь после купания в холодной воде Еврота.

⁸ Сибариты — жители города Сибариса (Южная Италия), славившиеся своей изнеженностью.

⁹ Мантинéя — город на территории Пелопоннеса, севернее Спарты.

¹⁰ Пéплос — женская верхняя одежда.

СТРАХ

¹ Миопáроны — небольшие весельные и парусные суда, использовавшиеся пиратами в Эгейском море. Миопароны обладали большой скоростью и маневренностью, позволявшей пиратам догонять и брать на бордаж торговые суда и уходить от преследования военных кораблей.

² Делос — небольшой остров, известный своим рынком рабов. Пираты привозили на Делос живой товар и продавали его оптом по той цене, которую назначали постоянно жившие на острове скупщики рабов. Там сложилась поговорка: «Купец, причаливай, выгружай. Все продано».

³ Солон — афинский политический деятель и поэт (ок. 638 — ок. 559 г. до н. э.). Причислялся древними к числу семи мудрецов.

МЫСЛЬ

¹ Либертiн — вольноотпущенник. Господин, отпустивший своего раба на волю, считался его патроном (покровителем).

² Нундiны — каждый девятый день римского месяца, являвшийся базарным.

³ Меркúрий — бог торговли у римлян.

⁴ Лукúлл — известный римский полководец, живший во времена Суллы и Цезаря (1 в. до н. э.). Роскошь пиров Лукулла вошла в поговорку.

⁵ Меотiда — Азовское море. Оттуда в Рим доставлялись самые ценные породы рыб.

⁶ Цéнзор — римское должностное лицо. Цензор ведал сдачей налогов на откуп. От него зависело, получит ли Фабриций на откуп строительство дороги или нет.

⁷ Таблѣн — кабинет.

⁸ Субура — район в Риме между холмами Целием и Эсквилином. Через Субуру проходила оживленная торговая улица.

ФОРТУНА

¹ Аримѣн — город в Северной Италии, на побережье Адриатического моря.

² Лампадарни — столбики, оканчивавшиеся ветвями. На концах ветвей вешали лампы.

³ Нерон — император Клавдий Нерон (54—68 гг.). Действие рассказа относится к началу царствования Нерона.

⁴ Понтикопѣй — греческая колония на Черном море. Теперь Керчь.

⁵ В греческом театре в оркестре находился хор, в римском театре оркестра служила ложей для сенаторов.

⁶ Софѣиний Тигеллѣн — начальник преторианской гвардии при Нероне. По свидетельству древних авторов, отличался жестокостью, лицемерием.

⁷ Локуста — хорошо известная в императорском Риме составительница ядов и отравительница. Имя ее стало нарицательным. Услугами Локусты воспользовалась мать Нерона Агриппина, отравившая своего мужа Клавдия и расчистившая сыну Нерону путь к власти.

⁸ Фортуна — богиня судьбы у древних римлян. Изображалась с рогом изобилия и с рулевым веслом в руках, иногда в виде слепой.

⁹ Пѣфос — широкий глиняный сосуд.

СЛУЧАЙ В БАЙЯХ

¹ По обочинам римских мощеных дорог стояли столбы, отмечавшие расстояние в милях (миля — тысяча шагов). Первый милевой столб, от которого вели начало все другие и у которого соединялись все дороги, находился на форуме и был вызолочен.

² Мѣмы — актеры и актрисы, участвовавшие в комических сценках из обыденной жизни. Игра и речи мимов сопровождалась музыкой (флейта). Маски не употреблялись. Мимами назывались и сами сценки, служившие для народного увеселения. Мимы имеют греческое происхождение.

³ Саламѣн — остров близ Афин. У этого острова в 480 г. до н. э. греческие моряки под командованием Фемистокла уничтожили огромный флот персидского царя Ксеркса.

⁴ Локоть — мера длины.

⁵ Арион — греческий поэт и музыкант (6 в. до н. э.). Рассказывают, что

моряки, желая завладеть сокровищами Ариона, хотели бросить его в море. Он добился, однако, от них, чтобы ему позволили перед смертью спеть песню. Привлеченный лением дельфин взял Ариона на спину и высадил на сушу близ города Коринфа.

⁶ Нарцисс — согласно греческим мифам, юноша, влюбившийся в собственное изображение в ручье и превратившийся в цветок.

⁷ Триклíний — здесь: столовая.

ГОСТЬ ИЗ РИМА

¹ Дуовір — высшее должностное лицо в городе.

² Кúрия — здесь: городской совет.

³ Эдйл — выборное должностное лицо. В его обязанности входило обеспечение города продовольствием, надзор за полицией и тюрьмами.

⁴ Булла — руководитель народного движения в годы царствования императора Септимия Севера (193—211 гг.). В отряде Буллы было 600 человек.

⁵ Преступники в Риме нередко приговаривались к казни на кресте.

⁶ Эргáстул — тюрьма в рабовладельческом поместье. Были случаи, когда в эргастулы сажали не только непокорных рабов, но и свободных людей.

⁷ Фиск — частная императорская касса, существовавшая наряду с государственным казначейством (эрарий). Фиск пополнялся доходами с императорских провинций, а также при помощи наследств, оставляемых императору по завещанию.

СНЕГ

¹ Шерсть тарентийских овец славилась своей мягкостью. Овец покрывали овчинами, чтобы шерсть сохранила свои качества.

² Вйллик — управляющий рабовладельческим имением, виллой.

СОДЕРЖАНИЕ

Художник	3
Музы	9
Рыбак и цезарь	17
Гладиаторы	30
Белая лань	53
Илоты	71
Лисица	78
Сон	84
Чистое пламя	89
Страх	98
Мысль	105
Фортуна	111
Случай в Байях	122
Гость из Рима	130
Снег	136
Рождение песни	146
Примечания	152

*Для среднего и старшего
школьного возраста*

Александр Иосифович Немировский

БЕЛАЯ ЛАНЬ

Исторические рассказы

Редактор Т. Т. Давыденко

Художник В. А. Пресняков

Художественный редактор С. Г. Ратмирова

Технический редактор Н. И. Орлова

Корректор Л. П. Непомнящая

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

Сдано в набор 31/III 1964 г. Подписано к печати 14/IX 1964 г.
Формат 60 x 84^{1/16}. Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 9.1. Уч.-изд. л. 7.75
ЛЕ03416. Тираж 50000 экз. Цена 33 коп. Заказ № 4838.

Центрально-Черноземное книжное издательство, г. Воронеж,
ул. Цюрупы, 34.

Воронеж, типогр. изд-ва «Коммуна», пр. Революции, 39.

